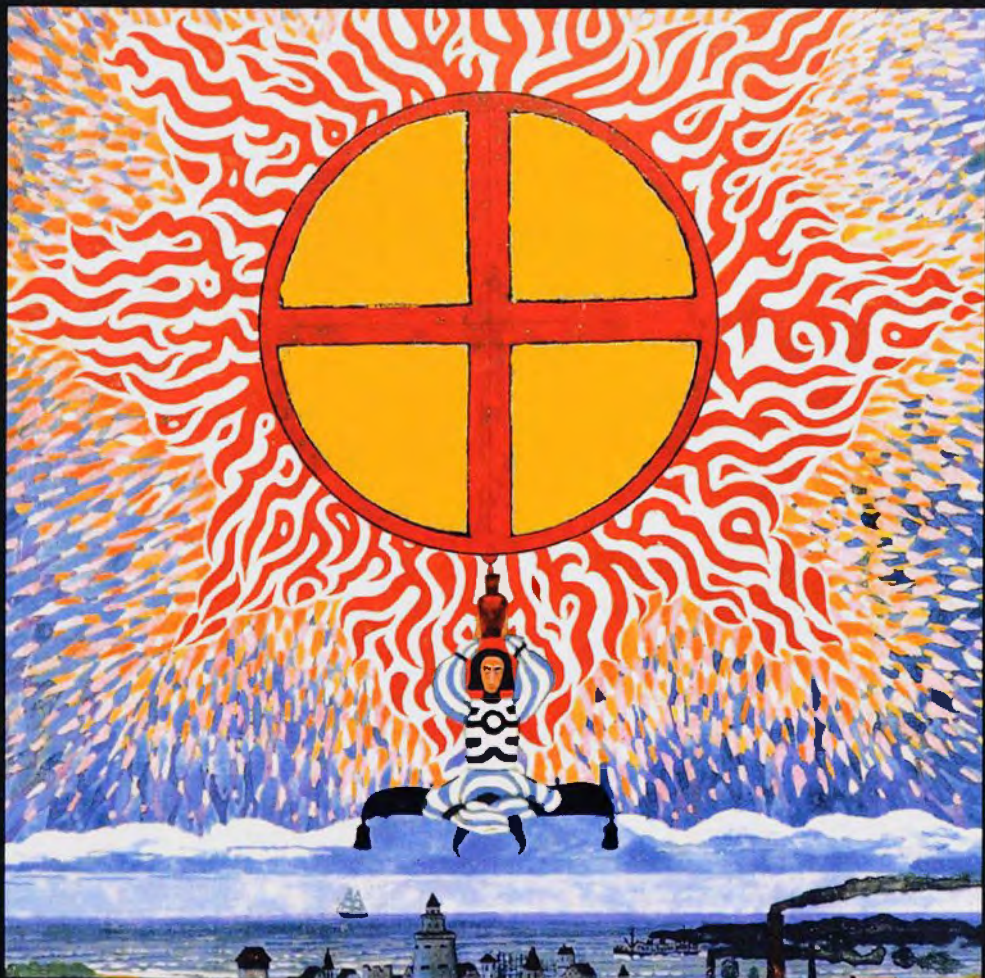

Стефан Хёллер

ЮНГ

И УТЕРЯННЫЕ ЕВАНГЕЛИЯ

серия ЮНГИАНСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Стефан Хёллер

**ЮНГ
И
УТЕРЯННЫЕ
ЕВАНГЕЛИЯ**

2014

Castalia

Проект Касталия — уникальный проект, объединяющий представителей самых разных мировоззрений, начиная от язычества и заканчивая гностическими и герметическими традициями. Три объединяющих принципа Касталии — это Юнгианство, Оккультизм и Нонконформизм. Быть Юнгианцем — значит иметь мужество к познанию своих самых потаенных глубин. Быть Оккультистом — значит искать того что раз и навсегда пресуществит твой дух в тигле трансмутации, быть нонконформистом — это значит просто быть собой, вне следования каким либо нормам или обычаям. Наш проект имеет множество граней. Это и ежемесячно обновляемый эксклюзивными переводами сайт www.castalia.ru, над обновлением которого работает целая группа добровольцев. Это и каждую неделю собирающийся клуб Касталия в Реале, где члены клуба могут услышать лекции о самых разных эзотерических и психологических традициях. Это и школа Касталия, регулярно проводящая открытые обучающие лекции и семинары. Для переводчиков Касталии — бесплатные, для всех остальных — недорогие. Школа Касталия — это своего рода внешнее представительство клуба. Это и уникальный интернет-магазин эзотерической и психологической литературы, в котором можно приобрести книги на порядок дешевле чем в других интернет-магазинах. Переводчики имеют скидки. И прежде всего — это интегральное мировоззрение, основанное на поиске соединения трех слагаемых Касталии и стремящееся к оккультному Ренессансу.

Касталия приглашает к сотрудничеству авторов, Переводчиков, а также организации для проведения Совместных проектов.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Вступление.....	12
Пролог. Как был утерян Запад: Утрата и восстановление психологической духовности.....	14
ЧАСТЬ I. ИНАЯ ТРАДИЦИЯ	
Глава 1. Легенда о двух ересьях: Наг-Хаммади и Кумран	26
Глава 2. Святые мятежники: Люди Свитков.....	39
Глава 3. Мессия ессеев и гностический Христос: от прототипа к архетипу	51
Глава 4. Женская Премудрость и отход от одностороннего знания	74
Глава 5. Одиссея Гнозиса.....	90
Часть II. ИНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ	
Глава 6. Наследуемая Мудрость: Миф о Софии ..	110
Глава 7. Танцующий Спаситель: Гностический миф о Христе.....	129
Глава 8. Князя Мира: Миф об Ангелах-тиранах .	149
Глава 9. Небесный странник: Миф “Песни о жемчужине”	167
Глава 10. Миф продолжается: Некоторые современные гностические мифы	179

Часть III. ИНЫЕ ЕВАНГЕЛИЯ

Глава 11. Тайные изречения Иисуса: Евангелие от Фомы	198
Глава 12. Способы трансформации: Евангелие от Филиппа	215
Глава 13. Искупление и Экстаз: Евангелие Истины и Евангелие Египтян	231
Эпилог. От Хиросимы до тайных Евангелий: Альтернативное будущее истории человечества ...	245
ПРИЛОЖЕНИЕ. Гностический Юнг. Часть I	
Глава 1. Наука рожденная мистикой.	262

Стефан Хёллер

x11

Юнг и утерянные Евангелия

М.: Клуб Касталия. 2014. — 320 с.

ISBN 978-5-519-60731-5

Перевод: Юлия Трусова, Хельга (Приложение)

Редактура: Алекс Мома

Компьютерная верстка: Янус

Обложка: Юлия Трусова (Ксеона)

УДК 133
ББК 86.4
X 11

Предисловие

Джун Синглер

Когда устанавливались библейские каноны, у тех, кто решал, что именно должно войти в состав Священного Писания, которое необходимо было противопоставить язычеству и ереси, имелись свои резоны для исключения некоторых писаний и замены их другими. Конечно же, возникал вопрос подлинности и качества, но была также и необходимость поскорее утвердить стандарт, по которому в будущем можно было измерить все остальные религиозные течения. И иудаизм, и христианство испытывали потребность в истолковании и утверждении собственных доктрин для того, чтобы у их сторонников появилась устойчивая основа для противостояния оппозиции со стороны языческого мира и Римской империи. Эти стандарты всегда оставляли немного пространства для личного понимания или отступления от недавно установленных норм.

Среди евреев и первых христиан были отступники, воззрения которых отличались от провозглашенных в Библии догматов, касавшихся духовной жизни и истинного характера учения Спасителя, посланного Богом, чтобы передать его закон человечеству. Их рукописи, современники библейских текстов, признавались ортодоксией опасными или поддельными, а их авторы были заклеены как еретики, коими они и в самом деле являлись, если ересь считать открытую позицию против ортодоксии. Эти рукописи, однако, стали отправными точками для тех, кто искал свободы мысли и вероисповедания, освобождения от запретов и возможности познать Бога самостоятельно, без посредничества церковной иерархии. Основное содержание этих свитков имело отношение к эсхатологии, знамениям Последних дней, когда Бог начнет уничтожать людей за то, что они покорились силам всемирного зла. Также в этих текстах выражалась надежда на возможное спасение, понимаемое евреями как завер-

шение эпохи и явление нового мессии, в христианстве — как второе пришествие Иисуса Христа. За прошедшие годы многие из этих работ были утеряны, некоторые сохранились и продолжали изучаться как более или менее запрещенная литература, а некоторые из них прятали в пещерах и других темных местах до того времени, пока мир не был бы готов принять во внимание их содержание.

До 1945 г. для чтения были доступны лишь несколько фрагментов утерянных евангелий. То тут, то там некоторые ученые и исследователи узнавали о существовании отдельных рукописей и изучали их. Среди них был великий швейцарский психиатр К.Г. Юнг. В 1945 году, если вы помните, Соединенные Штаты сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Весьма любопытно, что в течение года или двух после той даты были обнаружены две самых важных в современной истории находки из числа утраченных священных писаний. Первой из них стали Свитки Мертвого моря¹, спрятанные последователями аскетической еврейской общины ессеев² в Кумране, вблизи Иерусалима; второй — обнаружение Библиотеки Наг-Хаммади, собрания

¹Свитки Мертвого Моря (Кумранские рукописи) — манускрипты, которые были обнаружены, начиная с 1947 года, в пещерах Кумрана, в пещерах вадн Мурабба'ат (к югу от Кумрана), в Хирбет-Мирде (к юго-западу от Кумрана), а также в ряде других пещер Иудейской пустыни и в Массаве. Исследование рукописей подтвердило то, что они были написаны именно в Кумране. — *Прим. переводчика.*

²Ессеи (греч. **Εσσηνοί**, **Εσσαιοί**, **Οσσαιοί**, или кумраниты) — одно из иудейских учений, возникшее в первой четверти II в. до н.э. Первоначальные сведения о них встречаются у Филона Иудейского и Иосифа Флавия. Во времена этих историков ессеев было около 4000. Рассеянные в Иудее, они жили сначала в городах и деревнях под именем ассидеев. Затем, по Филону, почувствовав отвращение к испорченным нравам городов и, по мнению новейших исследователей, потеряв надежду на успех в борьбе за национальные начала еврейской жизни, ессеи удалились на северо-запад от Мёртвого моря и, составив там обособленные колонии, избегали встречи с остальными соплеменниками даже в Иерусалимском храме, образовав строго замкнутый орден. Они жили безбрачно, не принимали и воспитывали по своим правилам чужих детей; принимали они в свою общину и других людей — после трёхлетнего испытания. — *Прим. переводчика.*

папирусных книг, написанных последователями гностического учения спустя двести или триста лет со времен Иисуса и спрятанных в глиняном кувшине в пещере в Верхнем Египте. Со времен их открытия и по сей день вновь обретенные сокровища бережно хранятся командой ученых, занятых их собиранием воедино, расшифровкой и попытками истолкования.

Это жизненно важное открытие огромных масштабов стало наградой для этих ученых. Они должны были первым делом понять тексты, а затем и контекст, в котором они были написаны, прежде чем допустить любую их интерпретацию. Второй шаг должен был бы коснуться понимания психологического значения этого материала для людей нашего времени, а третий — осмысления этого мифического материала с точки зрения более широкого, даже глобального значения. Ученые и переводчики, работающие над Свитками Мертвого моря и текстами из Наг-Хаммади, выполняли свою работу с максимальной объективностью. Поэтому в их работе редко можно встретить любые признаки сочувствия или согласия с теми особыми перспективами, которые открывают эти тексты.

Если бы возникла необходимость описать эти рукописи одним словом, то это слово было бы “неортодоксальные”, что означает “против, или вопреки точке зрения установившейся религии”. Эти рукописи принципиально противоречат ортодоксальному иудаизму или христианству тех времен. Первым отцам церкви было нетрудно объявить гностические евангелия еретическими. И сегодня их продолжатели исследуют религиозные тексты на древнееврейском или коптском языках с позиций библейского богословия и критики. Академическая строгость переводчиков и редакторов, работавших с этими текстами, редко позволяла выражать личное мнение и, тем более, давать взволнованный отзыв на них. Как юнгианский аналитик, я не могу сдержать удивления в связи с тем, что эти экзегеты действительно думают про себя,

будто бы их вклад можно всерьез противопоставить вызову общепринятым доктринам как прошедших, так и нынешних времен.

К. Г. Юнг открыл для себя писания иудейских и христианских гностиков, включая утраченные евангелия, и был восхищен ими. Слово “восхищен” употреблено намеренно, поскольку Юнг не подходил к этим материалам как ученый, полагающийся на исследования и поддержку своих предшественников и коллег. Он столкнулся с персонификацией этих мифов в своем бессознательном — со всплеском таинственных идей и образов, затрагивающих глубинную природу человеческого психэ. Рассказ о том, как гностические тексты повлияли на Юнга, можно найти в его автобиографии “Воспоминания, сновидения, размышления”. После того, как гностические мотивы предстали ему в снах или видениях, полученных методом активного воображения, Юнг вдохновенно обращается к мифологической литературе с целью амплификации этого опыта. Сделав это, он нашел удивительные параллели между своими собственными переживаниями и текстами, которые едва только появились — с переводами Библиотеки Наг-Хаммади, а так же с другими гностическими еврейскими и христианскими рукописями.

Как психиатр, Юнг интересовался тем, почему люди думают так, как они думают, и верят в то, во что они верят. Он искал подсказки в мифах, служивших истоками религиозных и духовных традиций. Он понимал устремление мужчин и женщин к духовности как потребность индивидуального психэ и выражение его тоски по утраченному источнику бытия. Он заинтересовался изучением древних гностических текстов с целью подкрепления и приумножения как собственного опыта, так и опыта некоторых из своих пациентов, стремящихся к духовной жизни. Юнг не смог нейтрально отнестись к этому материалу. Он свободно использовал его, касаясь таких проблем, как потребность в смене внутреннего восприятия себя и мира, в котором

мы живем. Он осмыслил и воссоздал большую часть гностической мифологии в психологических терминах, признавая, что в гностических мифах присутствуют архетипические образы, которые по-прежнему живы в индивидуальном психэ. Люди по-прежнему продолжают любить, бояться, ненавидеть, желать и выбирать согласно их собственной, сознательной доброй воле. И все же Юнг, при всем своем понимании значения гностицизма и восхищении его символическими проявлениями, не доходил до открытого отождествления себя с гностиками. В общем и целом, он думал о себе как о психиатре и целителе душ. Он очень глубоко изучал идею о Боге и о богах именно потому, что она проявлена в человеческом психэ. Он настаивал на том, что не чувствовал себя вправе утверждать, кто или что есть Бог, хотя в одном незабываемом и часто упоминаемом интервью он и говорил: “Я не верю в Бога; я знаю”. Но то было заявлено с таким блеском в глазах, как если бы он всё равно не ответил интервьюерам, если бы те захотели узнать, что он подразумевает под этими словами.

Теперь же настало время открыто сказать о его убежденности и приверженности гностицизму. С точки зрения доктора Стефана А. Хёллера, исторический гностицизм и его современное прочтение возвращают эту древнюю дисциплину из прошлого в непосредственную близость к важнейшим проблемам, с которыми мы сталкиваемся сегодня. Он находит в психологии Юнга как оценку духа гностицизма, так и некоторые ответы на самые животрепещущие вопросы: Как гностицизм может повлиять на то затруднительное положение, в котором наш мир оказался сегодня? Хёллер обращается к основной проблеме гностиков — к поиску пути самопознания: Откуда мы произошли? Как мы очутились здесь? Какова наша цель? Куда мы идем? Люди задавали эти вопросы с момента появления осознанного знания. Основываясь на личном опыте Гнозиса и сравнительном исследовании религии и философии, Хёллер, подобно ду-

ховному учителю, проливает свет на смысл и значение этих вопросов.

Первая часть книги описывает те древние времена, когда традиции церкви и государственности утратили свой внутренний Свет. Некогда вдохновленное учение иудейских королей и пророков стало ригидным и догматичным: обязательность его исполнения скрывала благородные намерения заповедей; мелочи перекрыли чувство величия божественного, а политические соображения стали слишком волновать религиозных лидеров. Небольшая группа ессеев ушла из общества, которое они считали порочным, и основала свою собственную аскетическую общину в Иудейской пустыне. Некоторые предполагают, что когда в 70-м году нашей эры был разрушен Иерусалимский Храм, ессеи вынесли сокровища Храма, включая некоторые драгоценные свитки, и спрятали их в пустыне до наступления времен, когда мир будет готов вновь обрести их. Точно так же, в первые годы христианства, вдохновляли своих последователей ученики Иисуса и апостолы. Эти мужчины и женщины были готовы пойти на любые лишения или мученичество во имя вечной души. Но когда христианство обязано было противостоять угрозе Рима, религия превратилась в социальный институт со своими собственными убеждениями, правилами и жесткой структурой, которую подразумевает институционализм. Были и те, кто покинул церковь, чтобы самостоятельно искать духовной свободы и опыта познания Бога. Эти гностики сохранили или создали в своем добровольном отступничестве то тайное знание, которое прибыло к ним изнутри, от Бога, которого они считали имманентным. Попутно позволяя нам сравнить те времена с нашими, нынешними, Хёллер рассказывает нам о том, как это происходило и увязывает раздробленность тех времен с нашей личной духовной раздробленностью. Поиски древних искателей целостности, как оказалось, не отличаются от нашего собственного желания понять, как столь много

зла может существовать в отдельном мире, и что мы можем думать об этом.

Главная часть книги доктора Хёллера дает интерпретацию странной и удивительной мифологии гностиков. Он представляет мифы в их демоническом ужасе и ангельской славе так, чтобы они подняли нас к высотам нашего собственного воображения. Унаследовав свое вдохновение от Юнга, Хёллер интерпретирует, с точки зрения современной глубинной психологии, каждую из этих легенд. Посредством этого процесса он проясняет, что мифология — это действительно язык души, и не только древней души, но души каждого.

Эпилог удивляет и поражает. Хёллер напоминает нам, что бомба упала на Хиросиму в том самом году, когда были найдены утраченные евангелия. Эта синхрония вдвойне поразительна для 1945 года, ведь во время написания этих евангелий, предсказания и предзнаменования Конца Света витали в воздухе. В течение прошлых сорока или более лет предзнаменования грядущей катастрофы выглядели еще более серьезно. В былые времена люди полагали, что Бог разрушит мир из-за дурных действий людей. Сегодня для этого мы не нуждаемся в Боге; мы, люди, сами стали способны на полное самоуничтожение.

Поскольку мы стремительно приближаемся к Концу света, Хёллер ищет и находит в писаниях гностиков некоторые намеки на то, что мы можем сделать, чтобы предотвратить разрушение мира. Но он также признает, что не у всех есть смелость заглянуть дальше. Что если нам не удастся избежать ядерного бедствия или систематического разрушения атмосферы земли? Что тогда? Этот материальный мир — всё, что существует? Или есть что-то другое? Нам не избежать этих вопросов, если мы не будем отчаянно цепляться за наше невежество и бессознательность. Стефан Хёллер обращается именно к этим проблемам, и его рассуждения заставляют нас о многом задуматься.

Вступление

Идея написать эту книгу пришла ко мне в одну прекрасную пятницу 1985 года, когда Гностическая община Лос-Анджелеса удостоилось выдающегося посетителя — доктора Джеймса Робинсона, принесшего с собой дух священных писаний из Наг-Хаммади. Он сказал мне: “Мы, ученые закончили нашу работу; теперь для гностиков настало время писать о гностических священных писаниях”.

Будучи ребенком, я был сильно увлечен гностицизмом, а когда повзрослел, стал преданным последователем этой древней веры. Моя верность гностицизму также привела меня к современной интерпретации Гнозиса, основанной на теософии, мистическом христианстве и психологии К. Г. Юнга. Благоприятное восприятие моей книги “Гностический Юнг и Семь наставлений мертвым” (1982) убедило меня в том, что наша западная культура оказалась, наконец, готовой бросить второй, более осмысленный взгляд на традицию, которая привнесла так много смысла и света в мою жизнь. Поэтому и была написана эта книга.

Беседы и переписка с несколькими знатоками гностицизма и соответствующие исследования обязали меня расширить круг моей работы, включив в нее оценку определенных аспектов Свитков Мертвого моря. Профессора Жиль Киспель, Гершом Г. Шодем и Курт Рудольф убеждали меня в связи эссеев и последователей гностицизма, и мои личные изыскания заставили меня подробно остановиться на этом вопросе. Из этих соображений естественным образом и возникло мое предположение о том, что еврейские эссеи и христианские гностики были представителями одного течения духовности, и что открытие их давно утерянных священных писаний знаменует собой возрождение этой духовности сегодня.

Чтение и изучение работ переводчиков дало мне возможность понять другую важную деталь, а именно, что знание коптского языка и других древних языков не всегда

совпадает с ощущением и пониманием духа переведенных документов. Как указал в своей книге “Миф в сегодняшнем сознании” юнгианский психолог Иэн Бегг, часто возникает психологическая пропасть, отделяющая переводчиков от переводимых ими текстов. К примеру, слово *Metropator*, имя гностического Бога, имеющее важный психологический и гностический смысл, когда оно представлено как “Отце-мать”, было переведено одним ученым как “дедушка по материнской линии”. Другой переводчик имел привычку отвечать своему помощнику, возражающему, что перевод не отражал смысла: “Это — гностический текст, он, как предполагается, не имеет смысла”. Такие инциденты заставили меня оценить заявление доктора Робинсона о том, что настало время гностикам толковать гностические священные писания.

Прежде всего, моя работа была продиктована мыслью самого выдающегося из современных гностиков, К. Г. Юнга. Его вдохновенное понимание мифов, символов и образов гностиков, которых он считал своими давно потерянными друзьями, служит самым ярким маяком нашего дня, способным осветить гностические евангелия и их предшественников — Свитки Мертвого моря. Подхватив инициативу Юнга, я пытался истолковать Утерянные Евангелия, главным образом, в психологических терминах, используя слово “психологический” в более широком смысле, чем оно понимается многими. Это — книга о Гнозисе, то есть об истинной индивидуации человеческого психэ. Я надеюсь, что она внесет небольшой вклад в то, чему посвятили себя и Юнг, и древние гностики, а именно — искуплению духа из тьмы ограничения и невежества.

S.A.H.

Пролог

Как был утерян Запад: Утрата и восстановление психологической духовности.

Мысль К. Г. Юнга в настоящее время вызывает в западной культуре всё больше сочувствующего ей интереса. Это собрание человеческой мудрости редко открывается нам до того, как мы серьезно изучим труды, оставленные нам этим замечательным человеком. Начав свою практику в качестве врача, исследующего проблемы сознания, он открыл в своих пациентах и в своей собственной душе великую истину о реальности психэ, и он исследовал его феноменологию настолько глубоко, насколько никто другой не посмел бы и рискнуть. Его систематическое наблюдение за работой самых глубоких слоев человеческой психики заставило с исключительным вниманием и пониманием относиться к великим силам человеческой культуры — мифам, религиям, искусству, философии и литературе.

В ходе этих наблюдений Юнг пришел к выводу, что все исконные и сильные символы и мифологемы, переживаемые и описываемые человечеством, являются результатом всеобщего глубинного нижнего слоя психики. Он назвал этот слой коллективным бессознательным, с которым каждый человек взаимодействует в течение своей духовной жизни. Открытие Юнгом коллективного бессознательного (сегодня все чаще и чаще называемого “объективным психэ”) позволило по-новому воспринять события и идеи, которые до настоящего времени понимались как религиозные или метафизические: его открытия навели мосты между традиционной верой в метафизическую реальность и современной психологией.

В некотором смысле, Юнг не создал ничего принципиально нового, но, скорее, он заново открыл древние знания, однако его подход к ним уникален и отличается от традиционного. Согласно этому подходу, духовные истины понимаются как различные проявления реальности человеческого

психэ. В отличие от позиции, занимаемой большинством защитников господствующих религиозных традиций, направление Юнга может быть справедливо охарактеризовано как внутри-психическое, то есть основанное на внутреннем содержании человеческого психэ. Таким образом, Юнг редко говорит о Боге как о личности; скорее, он утверждает, что полностью равнодушен к метафизическому Богу как таковому, но для него имеет значение то, как образ Бога воспринимается человеческой душой.

Такой подход до сих пор не дает покоя людям, привязанным к ветхим метафизическим формулировкам господствующих религий, но их беда часто намного большая, нежели они могут себе представить. Когда они выступают против возможности нахождения Бога, ангелов, демонов или Девы Марии “просто в нашем психэ”, они не в состоянии почувствовать всю широту, глубину и величие, которые Юнг приписывает человеческой душе. Он прокомментировал подобные критические замечания следующим образом:

Западный человек, судя по всему, говорит и думает, что его душа “не стоит и гроша”. Если бы он ценил ее, он говорил бы о ней с почтением. Но так как он этого не делает, мы можем заключить, что в ней нет ничего примечательного. Это не обязательно случается всегда и везде, но только с людьми, которые ничего не поместили в свои души и имеют “целого Бога снаружи”³.

Только те, кто позволили обесценить свою душу экстравертным мышлением, влившимся в русло господствующих религий Запада, начиная с определенного периода его истории, будут считать душу не достойной носить в себе трансцендентные архетипы и символы. Юнг, как говорят, ответил кому-то, обвинявшему его в обожествлении души, что он не смог бы сделать этого, поскольку сам Создатель уже обожествил ее!

³К. Г. Юнг, *Психология и алхимия*.

Изучавшие историю помнят, что были времена, когда достоинство и величие души еще признавались ведущими представителями духовности западной культуры. В течение первых трех веков нашей эры в средиземноморском регионе процветало несколько духовных школ, высоко чтивших творческий и проясняющий потенциал души. В этой связи интересно отметить, что Юнг никогда не претендовал на право открытия понятия архетипов, но с готовностью признавал, что обнаружил эту идею в религиозно-философском учении эллинистического мира:

...там сказано, что в каждой душе есть структуры, которые являются бессознательными, но, тем не менее, активными — живые тенденции, идеи в платоническом смысле, которые формируют и непрерывно влияют на наши мысли, чувства и действия. Термин “архетип” встречается уже у иудея Филона, в отношении Imago Dei (Богообраза) в человеке. Его можно также найти у Иринея, у которого говорится [с указанием на гностические источники — S.A.H.], что “Создатель мира не вылепил эти вещи непосредственно из себя, но копировал их с образцов вне себя.” В Corpus Hermeticum Бога называют... “типичный свет”... в наших целях этот термин... говорит нам, что... мы имеем дело с архаичным, или, я бы сказал, исконными типами, то есть, с универсальными образами, которые существовали с самых отдаленных времен⁴.

К сожалению, интернализм ранней александрийской мудрости был заменен институционализированным экстернализмом, где Бог и другие трансцендентально окрашенные архетипические образы были переосмыслены как “целиком и полностью находящиеся снаружи”. И психологическая духовность первых нескольких веков нашей эры ушла в подполье, а все интерналистские движения, всё еще существовавшие в рамках христианства, были объявлены еретическими.

⁴К. Г. Юнг, *Архетипы и коллективное бессознательное*.

Потому и возникла традиция альтернативной реальности, хранящая и передающая психологический, или интерналистский приоритет, противопоставляя его экстернализму господствующей религии. Как мы продемонстрируем в следующих главах, эта традиция родилась и выросла не из эллинизма, но корни ее — в существовавшем ранее альтернативном иудейском движении, последним выжившим ответвлением которого, существовавшим исключительно с целью ухода от христианства, была школа ессеев. Еврейские ессеи тогда уступили место христианским гностикам, духовными последователями которых стали христианские мистики и алхимики, церемониальные маги, катары, розенкрейцеры, каббалисты и теософы, а также связанные с ними движения альтернативной духовности.

Альтернативный поток никогда не прекращался, но его внешние проявления были скачкообразными и никогда не набирали достаточной силы для того, чтобы всерьез бросить вызов самопровозглашенной ортодоксии господствующих религий. Поэтому приоритет внутренней духовности оставался приглушенным традицией, часто подавляемым и время от времени игнорируемым доминирующими верованиями и культурой в целом. Высшая грань культуры (кое-кто мог бы назвать это выходом за грань культуры), состоящая из художников, прорицателей, а также нетрадиционных и отвергаемых мыслителей никогда не переставала примыкать к альтернативному течению, а в некоторых случаях оно оказывалось серьезным наводнением. Одним из главных примеров такого прорыва альтернативной духовности в сферу фундаментальной культуры было, конечно же, явление Ренессанса, как это убедительно доказал историк Фрэнсис Йейтс в нескольких своих впечатляющих трудах на данную тему⁵.

⁵Frances A. Yates, *Giordano Bruno and the Hermetic Tradition* [Джордано Бруно и герметичная традиция] (Chicago: University of Chicago Press, 1964); *The Rosicrucian Enlightenment* [Розенкрейцерское про-

Юнг полагал, что одобрение философии Аристотеля Фомой Аквинским и, впоследствии, всем западным христианским миром способствовало искоренению внутренней духовности.

Он неоднократно заявлял, что ощущение реальности психэ исчезло после принятия западной религией и культурой аристотелевского лозунга: “Ничто не поддается разуму, кроме как через чувства”. По этому вопросу Юнг соглашается с Паулем Тиллихом, у которого была привычка говорить, что аристотелевская ориентация богословия после Аквинского была самым главным, если не единственным фактором, который сделал возможным атеизм.

Когда люди прекращают чувствовать Бога, они вынуждены поверить в него, говорит Тиллих, и вера является средством, компенсирующим потерю внутреннего ощущения Бога — глубинного чувства психэ, а не свойства разума. С господством разума над психологическим пониманием архетипических истин открылась широкая дорога к рационализму и, в конечном счете, к материализму и атеизму. Как говорит Юнг, опираясь на Тиллиха, *именно так был потерян Запад*.

Когда Запад утратил внутреннюю духовность, всё, что ему оставалось — это вера, другими словами, верой для него стал религиозный эвфемизм. Юнг, будучи современным гностиком, беспощадно обличал господствующую религиозную акцентуацию на веру, противопоставленную внутреннему опыту. Он писал, что “вера включает *sacrificium intellectus* (жертву интеллекта)” и добавлял в скобках: “при условии, что присутствует интеллект, чтобы им пожертвовать”. Там же, он продолжает, что обычно упускают из виду, что вера

свещение] (London: Routledge & Kegan Paul Ltd., 1972); *The Art of Memory [Искусство памяти]* (Chicago: University of Chicago Press, 1966); *Theatre of the World* (Chicago: University of Chicago Press, 1969); *The Occult Philosophy [Тайная Философия]* (London: Routledge & Kegan Paul Ltd., 1969).

не требует “жертвы чувства”. Именно это, по его словам, и является причиной того, что “верующие остаются детьми, вместо того чтобы стать, как дети — они не обретают жизнь, потому что не теряли ее”. Что именно Юнг понимает под “жертвой чувства”, он объясняет следующим образом:

Верующий, со своей стороны, по чисто сентиментальным причинам пытается удержать первобытное состояние ума. Он не собирается отказываться от первобытного, детского отношения к созданным умом и гипостазированным образам, но намерен и дальше вкушать ощущение защищенности и стабильности в мире, надзор за которым осуществляют могущественные, ответственные и добрые родители⁶.

Зрелая духовность, казалось бы, требует большего, чем вера, особенно когда вера основана на страхе. Для ребенка веры в устройство бытия достаточно, потому что ребенок живет в этих условиях. Для взрослого же восприятие устройства и смысла бытия должны быть переоценены перед лицом больших проблем. Возрастающая осознанность и фактический опыт превратностей жизни вступают в противоречие с верой, которая была подходящей для ребенка. Следует достигнуть новой гарантии смысла, даже безопасности, должна возникнуть новая уверенность, пробившись сквозь разруху и отчуждение. Столь зрелая духовность требует определенного внутреннего знания, подтвержденного опытом. Это и есть то, что в древние времена обозначалось греческим термином Гнозис.

К сожалению, хотя современная западная культура переросла сходную с детством фазу развития, это не изменило ее детских привычек. Мы на Западе все еще понимаем внутреннее сознательное восприятие лишь как побочный продукт объективных фактов и не более того. (Даже определенные современные причуды “ню-эйдж”, такие как осо-

⁶К. Г. Юнг, Предисловие к “Тибетской книге Великого освобождения”.

бенности левого и правого полушария мозга, — это всё та же экстравертная односторонность.) Таким образом, как сказал Юнг, божественное “вырождается во внешний аспект поклонения” и “отнимается чувство сакральности внутреннего я”⁷.

Критики альтернативных духовных течений задаются вопросом: не открывает ли такое отношение дверь в неограниченный субъективизм, с которым часто сталкиваются некоторые приверженцы этих направлений? Также возникают опасения, что увлечение представителей населения собственным внутренним миром может разрушить сложившуюся структуру общества. Юнг ответил на эти вопросы и сомнения следующими словами:

Приоритет субъективного фактора не подразумевает личного субъективизма, несмотря на готовность экстравертного подхода отвергнуть субъективный фактор как “только субъективный, и ничего более”⁸.

Фактически, говорит Юнг, субъективное не так уж и субъективно, как мы думаем, и чем глубже мы затрагиваем психические потоки внутренней жизни, тем больше мы отходим от личного и касаемся тех элементов опыта, которые бесконечны, безличны и поэтому, в некотором смысле, истинно объективны. Воображение не произвольно, как многие предполагают; напротив, оно основано на неизменных законах восприятия бессознательного.

В сущности, древние гностические постулаты и Юнг также подтверждают, что идеи, формирующие содержание каждой религии, являются не только производной извне, но и следствием субъективного открытия, сделанного изнутри человеческого психэ. В “Ответе Иову” он говорит просто: “Религиозные взгляды — это откровения психэ, основанные на бессознательных, то есть трансцендентальных процес-

⁷ Там же.

⁸ John P. Dourley, *The Illness That We Are*, (Toronto: Inner City Books, 1984), p. 94.

сах”. Приписываются ли метафизическим постулатам эти “откровения психэ”? Юнг говорит не об этом, и, вероятно, он не позаботился о том, чтобы пояснить эту фразу. Для верующих объект веры — это метафизическая реальность. Для гностиков, следовательно, и для Юнга, явления опыта заслуживают того, чтобы преобладать над метафизическими теориями. На взгляд Юнга, гораздо важнее признать субъективный источник нашего понятия божественности, нежели принять метафизические и теологические постулаты. Было сказано, что теологи много знают о Боге, но очень мало — о божественности. Это недоразумение может быть исправлено только путем непосредственного прямого опыта, к которому зывали мистики и гностики во все времена.

Смысл жизни дарует не то, что описано Уильямом Джеймсом как “вера в чью-то чужую веру”. Скорее, здесь необходимо конкретное восприятие, имеющее силу благодаря прямому характеру воздействия и возникающему чувству нуминозности. Всякий раз, когда такого восприятия нет, искаженное мировоззрение человека оборачивается против него самого. В каждой душе присутствует недостаток такого прямого видения, которое дарует ей целостность и истинный смысл. Если мы не знаем, как утолить этот творческий голод, он проецирует себя наружу, независимо от нашего желания и даже вопреки ему, обычно выбирая неподходящий объект.

Олдос Хаксли описал политические идеологии как “замену мистицизма”, и подобное определение можно было бы дать многочисленным проекциям человечества, вызывающим фанатизм, разрушение, а также моно-маниакальное отношение и преданность. Где отсутствует реальность, там иллюзия навязывается как замена, а результат неизбежно губителен. Юнг пишет об этом: “Даже средневековые эпидемии бубонной чумы или оспы не убили так много людей, как расхождения во мнениях в 1914 году или определенные

политические 'идеалы' в России"⁹. Только сознание, явленное Гнозисом, может уберечь жизнь от ложных проекций и последующего насилия и жестокости.

Эпоха веры прошла или, по крайней мере, проходит. Сегодня перед нами встает знаменательный вопрос: какая эпоха займет ее место? Если мы не обладаем даром предвидения, то мы не сможем уверенно ответить на этот вопрос. Но мы можем сказать следующее: мы знаем, что должно занять ее место; а именно, эпоха, при которой внутренняя или психологическая духовность, столь давно и неблагоприятно отвергнутая, сможет вновь обрести свое. Франк Джон Доэрли пишет об этой задаче с юнгианской и христианской точек зрения:

Одним из интересных и ярких поворотов... было бы переосмысление и признание тех духовных движений, которые христианство в интересах собственного выживания было исторически вынуждено объявить еретическими. Это разумно. Мысль Юнга бросает вызов ортодоксальным догматам, вызов, который до настоящего времени христианство считало обязанным отвергнуть. Тем не менее, именно это ему необходимо сделать, на взгляд Юнга, если оно хочет усвоить природу человека и человеческой духовности, которая в большей мере соответствует психологическому процессу становления целостности¹⁰.

Юнг знал, что традиция считать человеческую душу местом встречи Бога и человека позаимствована христианством у гностиков первых трех веков нашей эры. По этой причине он и призывал к новому осмыслению этой древней традиции и особенно — к возвращению гностического понятия Бога, познаваемого посредством внутреннего преображения. Юнг чувствовал, что буквализм и историзм

⁹К. Г. Юнг, *Психология и религия: Запад и Восток*.

¹⁰John P. Dourley, *The Illness That We Are*, (Toronto: Inner City Books, 1984), p. 94.

довольно долго подавляли духовность Запада, и настало время развернуть в другую сторону процесс, запущенный отцами церкви, которые, после третьего века, низвели Гнозис в подполье. Перед лицом постоянных противников гностицизма и их критических слов в его адрес, таких, как “дуалистический”, “ненавидящий мир” и “безнравственный”, Юнг утверждал, что

*Оскорбление и преследование гностицизма — анахронизм. Его очевидный психологический символизм мог бы послужить многим людям сегодня как мост к жизнеспособному переосмыслению христианской традиции*¹¹.

Задача, таким образом, ясна: если мы принимаем суждение Юнга, то она состоит в восстановлении прежнего подхода к духовности, который противопоставлен экстравертной компенсаторике, сторонникам буквального истолкования и односторонней ориентации западной религии. В эпоху утраты чувства сакральности, упразднения таинств и свободного богословия, Юнг указывает путь восстановления теологии и психологии, который заключается в повторном обретении некогда отвергнутой мудрости, психологической духовности, известной во все века гностикам, мистикам и алхимикам. Краеугольный Камень, отвергнутый строителями, может и должен вернуться в постройку нашей культуры, если ей когда-либо суждено обрести целостность.

Движение к целостности происходит путем соединения многих противоположных компонентов души человека и культуры и является одним из главных, решающих факторов, лежащих в основе коллективного и индивидуального хода истории. Процесс индивидуации, или обретения целостности, привносит с собою опыт божественного и восприятие совершенства в символическом измерении жизни. Поэтому наша культура должна принять во внимание то, что психологическая фрагментация может, в конечном счете, лишь привести к развалу, в то время как потенциальная

¹¹К. Г. Юнг, *Символы трансформации в мессе*.

интеграция обещает возобновление жизни, смысла, любви и творческого потенциала.

Так называемые Утерянные Евангелия — именно этим термином мы, с некоторой образностью, обозначаем гностицистские евангелия из Наг-Хаммади и их предшественников, Свитки Мертвого Моря, найденные в пещерах Кумрана — являются нашими основными источниками по отверженной и ушедшей в тень западной духовности и западной культуре. Данная работа пытается осветить контекст и содержание этих священных писаний, следуя цели их восстановления и возвращения, предпринятой впервые усилиями Карла-Густава Юнга. Без преувеличения можно сказать, что наша культура нуждается сегодня в целостности, равновесии и в признаках последовательного здравого смысла. Очевидно и печально, что потребность в целостности, которую ощущает так много людей, все еще не понята с точки зрения той самой экстраверсии, о которой Юнг так много сожалел. Многие говорят и пишут о мире во всем мире и представляют “единый мир”, не признавая, что такие идеалы никогда не могут быть реализованы внешне, пока достаточно много людей не достигнут целостности в пределах себя самих. Покойный Дж. Кришнамурти справедливо говорил: “Проблема мира — это проблема каждого”. И мы можем добавить, что личную проблему нужно решать в себе самом.

Теперь, как и прежде, нет никакого *deus ex machina*, и никакой Бог не освободит нас от нашей личной проблемы. Наше духовное ослабление происходит не из-за грехопадения Адама и Евы в рай, как некоторые хотели бы нас уверить, и наше искупление не будет явлено путем принятия истории о личном спасителе. Падение нашей культуры не было ознаменовано затмением мягкого матриархата и его заменой пагубным патриархатом, и, как нам говорят, могло бы быть исправлено восстановленным матриархатом при господстве вернувшейся подземной Богини. Нам поможет не новый Спаситель в лице возрожденной Матери-Земли,

но лишь открытие богов и богинь в каждом из нас. Запад потерялся из-за опасного поворота сознания наружу; он может вернуться через восстановление равновесия после исправления внутренней реальности.

По мнению автора, Утерянные Евангелия могут сыграть жизненно важную роль в обретении Западом утраченного единства. В свете мысли Юнга, эти рукописи и традиция, которую они представляют, могут послужить недостающим элементом для алхимической работы нашей личной и коллективной индивидуации. На последующих страницах автор попытался представить читателям структуру мифа и символа, дополнив ее историческими фактами и психологической интерпретацией в надежде на то, что это может помочь нашей культуре вновь обрести так надолго утерянный Гнозис. Никто из нас не виноват в утрате Гнозиса, но мы сможем винить лишь самих себя, если сейчас окажемся не в состоянии вернуть его.

ЧАСТЬ I. ИНАЯ ТРАДИЦИЯ

Глава 1.

Легенда о двух ересьх: Наг-Хаммади и Кумран

Многие верования заявляют о том, что когда человечество достигает высшей точки духовного кризиса, помощь приходит свыше, от трансцендентальной Четверицы. Известное высказывание на этот счет, приписываемое Шри Кришне, содержится в великой индуистской эпопее Махабхарата, которая стала известной и любимой под названием Бхагавад-Гита:

*Когда совершенство ослабевает,
Когда Злые могущественные силы берут верх,
Я творю для себя колесницу.
Каждую эру я возвращаюсь
Восстановить святое,
Разрушить ошибку злодея,
Установить истинное совершенство.*

Эта же мысль сокрыта в священной мудрости Тибета, как было сказано покойным доктором В. И. Эвансом-Венцем в его работе “Тибетская книга Великого Освобождения”, Падма-Самбхава, таинственный маг-гуру, по мнению многих, принесший буддизм в Тибет, спрятал много мудрых

книг в потаенных местах Гималаев для того, чтобы в свое время они были обретыены вновь.

Было справедливо сказано, что ночь всегда является наиболее темной перед рассветом. Макромир истории человечества и микромир психологии человека доказывают эту истину. Когда наш разум более всего отдаляется от живительных источников, когда отчаяние темной ночи души опускается на нас в полной силе своего ужасающего веса, тогда рассвет искупает и заживляет раны восходящим свечением на восточном горизонте души. Глубинная психология утверждает, что самое сильное и вечное просветление души возможно обрести только после глубокого опыта темноты и отчаяния. К. Г. Юнг имел привычку приписывать этот феномен принципу, изложенному досократовским философом Гераклитом, принципу энантидромии: когда точка до крайней степени насыщена темнотой, она порождает моментально расширяющуюся точку света. История и психистория обращают наше внимание на принцип синхроничности, посредством которого силы бытия, стремящегося к союзу, целостности и истине проявляются во время самой большой необходимости в них. Великий немецкий поэт-мистик Йохан Х. Ф. Хёльдерлин хорошо выразил этот принцип: “Бог близко, и когда трудно, Он почувствует, где таится наибольшая опасность, и именно туда направит силы спасения”.

Эти соображения напрямую соотносятся со странными легендами вокруг двух выдающихся открытий в истории библейской и религиозной археологии, а именно — открытий гностических священных писаний Библиотеки Наг-Хаммади и Свитков Мертвого моря в Кумране. В 1945 году, когда материальные и психические руины Второй мировой войны оставались в Европе, Африке и Азии; в то самое время, когда массовые убийства Освенцима, Дахау и Бергена-Белзина были унаследованы сталинскими концлагерями Архипелага Гулаг; когда многим казалось, что

мир никогда не оправится от самого большого бедствия в истории человечества — в этот самый момент наиболее глубокой тьмы и отчаяния мировой души египетский крестьянин ехал на верблюде в поисках удобрений и наткнулся на древние рукописи, способные оказать помощь Западу в восстановлении значительной части его утерянной души. В то самое время, когда мудрец К. Г. Юнг писал и говорил о современном человеке и о поисках души, о которой давно забыли или, скорее, подавили ее иудео-христианской религиозностью западной культуры, в горной цепи Ябалаль-Тариф возле реки Нил в Верхнем Египте были найдены таинственные свитки. В кувшине, сделанном из материала, схожего с глиной, египетский крестьянин и его спутник нашли коллекцию древних рукописей, состоящую из 1.153 страниц, шитую в двенадцать книг в кожаном переплете (данный вид переплета известен как Кодекс), содержащую пятьдесят два отдельных писания (названных трактатами). Эти писания, как выявили затем исследователи, были переписаны египетскими писцами в третьем-четвертом веках и являлись копиями работ, созданных, по большей части, в апостольские времена, когда память о загадочном *Rabbi Jehoshva*, известном как Иисус, все еще жила в умах многих людей, заставших его короткую, но выдающуюся жизнь.

Не более чем два года спустя, летом 1947 года в Палестине арабский пастух искал одну из коз своего стада. Пастух был молод и проворен и с легкостью поднялся на известковый утес, находящийся у Мертвого моря. Когда он поднимался, он заметил маленькое отверстие, ведущее в горную пещеру. Испугавшись злых духов, юноша сначала сбежал из пещеры и возвратился на следующий день вместе со спутником. Эти двое юношей спустились в пещеру, где нашли множество глиняных кувшинов, запечатанных подобными шару крышками. Большинство кувшинов было пусто, но один из них содержал большую связку рукописей в кожаных переплетах, обернутых в тряпки. Они

забрали таинственный кувшин домой. Позже, развернув его, они нашли рулон пергамента, который в развернутом виде протянулся “от одного конца их палатки к другому”. Так же выглядели еще две связки, найденные в том же самом кувшине. Эти двое молодых людей получили три свитка, написанных на языке, которого они не понимали. Несколько дней спустя они продали эти три свитка скупщику, который торговал, по большей части, незаконными товарами в городе Вифлееме. Так началось путешествие пока еще неизвестных Свитков Мертвого моря.

Первые три свитка, обнаруженные на берегу Мертвого моря, были вскоре расшифрованы и названы Книгой Исаяи, Книгой Хабакук, и Руководством по воспитанию. Они дополнялись большим количеством свитков, обнаруженных целым валом экспедиций, направляемых многими правительствами и академическими институтами. На международном уровне было оглашено, что эти свитки являются письменами неортодоксальной общины евреев, называвшихся ессеями, которые обитали в месте их открытия приблизительно со 130 г. до н.э. по 70 г. н.э. (с перерывом примерно в тридцать лет, начиная с 4 г. до н.э.) и чьи странные доктрины и методы, так же как и их хронологическая близость к началу христианской эпохи, обязаны были вызвать широко распространенный интерес.

На первый взгляд, эти два открытия не имеют между собой ничего общего. Первая находка содержала письмо на саидском диалекте коптского языка, популярном языке эллинистического и римского Египта; последняя находка состояла из работ, написанных, по большей части, на иврите и арамейском языке — еврейских языках, используемых в современной Палестине. Авторы и переписчики Библиотеки Наг-Хаммади были христианами-гностиками; авторы и переписчики Свитков Мертвого моря были евреями из религиозной общины ессеев. Даже оформления рукописей не выказывают никакого внешнего сходства: египетские

коптские письма — это самый ранний пример переплета, известного как *Кодекс*, тогда как палестинские документы представляют собой длинные свитки. Чтобы сделать расхождение полным, еврейские авторы использовали пергамент, а христианские гностики писали на папирусе, на разновидности тростникового папируса, от которого и происходит современное слово *paper* (англ. “бумага” — *Пер.*).

Еще одним отличием этих двух открытий друг от друга стало и то, что их судьба со времени их открытия приняла совершенно разные обороты.

Коптской гностической библиотеке не суждено было попасть в свет широкого внимания общественности в течение многих десятилетий с момента своего открытия. Первый полный перевод на английский язык не появлялся в течение тридцати двух лет с момента этой находки. Споры среди ученых, политических деятелей и скупщиков предметов старины, так же как и многие глупости и безразличия со стороны множества людей приводили в отчаяние многих людей, ждавших публикации Библиотеки Наг-Хаммади. Потенциальные читатели, наделенные наиболее богатым воображением, возможно, даже вспомнили бы, что древние гностики, как истинные маги, по примеру египетских магов наложили на свои тайные святыи книги удивительные заклятья и, разумеется, призвали на них духа-хранителя. Фактически, одно из евангелий из Наг-Хаммади, Евангелие Египтян, содержит магическое заклятье подобной зловещей природы:

Вы должны записать то, что я говорю вам ради тех, кто придет после вас и будет достоин (этого). И вы слабеете, оставляя эту книгу на горе, и вы слабеете, призывая защитника, (таким образом): “О, ты, Ужасный!”

К нему можно добавить другое, из заключительной части Апокрифа Иоанна, где Иисус обращается к Иоанну, произнося слова, ставшие известными как “проклятие Иисуса”:

И дал ему это Спаситель, чтобы записал он и сохранил надёжно. И сказал он ему: “Да будет проклят всякий, кто обменяет это на дар, или на пищу, или на питьё, или на одежду, или на какую-нибудь другую вещь подобного рода”.

Вне зависимости от силы эффекта этих проклятий по истечении четверти века, различные люди и, по крайней мере, одно международное общественное агентство (ЮНЭСКО) начали преодолевать силы, выступающие против публикации священных писаний из Наг-Хаммади. Здесь необходимо отметить, что единственный фрагмент этой находки покинул бурный и враждебный климат Египта 1950-х годов и стал доступным для ученых без ограничений, потому что был куплен Институтом Юнга в Цюрихе и представлен как “Кодекс Юнга”. В свой день рождения, 15 ноября 1953 года, в присутствии лидеров швейцарского правительства и многочисленных академических и профессиональных властей, собравшихся, чтобы поздравить его, восьмидесятилетний К. Г. Юнг держал в руках этот документ спустя приблизительно 1.200 лет с момента заявления о возможном возрождении Гнозиса, которому швейцарский мудрец был предан и которому посвятил большую часть своего труда. Есть искушение предположить, что теперь Библиотеку Наг-Хаммади признают достойным наследием традиции, в рамках которой она возникла. Принцип, который Юнг назвал синхронистичностью, еще раз проявил свое странное волшебство: барьеры начали рушиться, препятствия постепенно отступали, а давно утерянное наследие “старых друзей Юнга”, гностиков, стало доступным для всех, кто сможет оценить его. Последствия не заставили себя ждать; действительно, в 1960-х и 1970-х гг. произошел психологический и социальный прогресс, что создало благоприятный климат для восприятия большого течения альтернативной духовности, включая духовность гностиков. “Знание Наг-Хаммади”, наконец, преодолело все границы.

Судьба Свитков Мертвого Моря сложилась иным образом. В отличие от случая с коптскими гностическими папирусами в Египте, здесь ученые ничего не знали об истинной сущности своей находки. В результате вмешательства Митрополита Сирийской Православной церкви из Иерусалима и возрастающего интереса многих ученых, включая воинственного профессора Э. Л. Сукеника из Еврейского университета, спустя приблизительно восемнадцать месяцев после этого открытия новость о нем облетела весь мир. Ее встретили со скептицизмом. Конечно же, многие подумали, что это мошенничество или ошибка. Почва Палестины, в отличие от Египта, была расценена как самая неудачная для хранения пергамента и папируса; климат Иудейских гор считался слишком влажным для сохранности таких быстро разлагающихся материалов. Девятнадцатый век и начало двадцатого грешили жутким пренебрежением археологическими исследованиями в библейских областях, и есть доказательства, что некоторые ценные находки игнорировались как подделка лишь на основании догмы о том, что пещеры в этом регионе были слишком влажными для выживания хрупких древних документов.

К 1949 году академический климат сменился, однако немногие власти готовы были признать подлинность трех свитков, найденных арабским пастухом. При этом еще и политические условия сильно отличались от довоенных. Вместо вялого режима Османской империи и последующих колониальных захватов, “люди книги”, евреи в недавно появившемся Государстве Израиль и арабы Иорданского Хашимитского Королевства получили суверенитет на библейские земли. Иорданское правительство непосредственно заинтересовалось находкой вследствие того факта, что область Кумран была расположена на его территории. Некоторое время спустя, после своего укрепления, иорданское правительство способствовало созданию

международной команды ученых, которая должна была перевести доступные свитки, число которых постоянно росло в результате новых открытий последующих экспедиций. Примечательно и, возможно, прискорбно, но команда, возглавляемая Роланом Де Во, римским католическим священником, состояла почти полностью из монахов. Единственный человек, который приехал с ними и описывал себя как “нерелигиозный”, был британским ученым Джоном Марко Аллегро, вклад которого, исходя из наших соображений, следует оценить как крайне значительный.

Большинство ученых в команде были не только монахами, они были также христианскими священнослужителями. Среди них не было ни одного еврея (условие, которое было с лихвой компенсировано в последующие годы, когда израильское правительство получило монополию на эти свитки). Мнение, что такие исследователи далеки от научной цели, а их отношение к содержанию находки было субъективным, вскоре начало получать определенную огласку. В 1955 году покойный американский литератор Эдмунд Уилсон написал ряд статей о свитках для журнала *New Yorker*. Уилсон заявил, что содержание свитков напугало религиозных лидеров, которые боялись, что эти документы могли открыть информацию, которая умалит неизбежность христианских догматов. Большая часть доктрин ессеев исторически соотносится с поздним христианским Новым Заветом, и, возможно, именно это справедливо встревожило защитников церковной ортодоксальности. Более того, по одной из версий, община ессеев Кумрана появилась как группа прото-христиан. Разве они не крестили как Иоанн и поздние апостолы? Разве они не были настроены против духовенства Храма в Иерусалиме, которое они считали незаконным? И, что наиболее важно, разве они не говорили об одном из своих лидеров, об “учителе праведности”, чья жизнь и смерть выказывают в высшей степени неудобное сходство с Иисусом из Назара-

рета¹²? О роли, которую обеспокоенные христианские ортодоксальные умы, возможно, сыграли в сокрытии содержания свитков, остается только догадываться. Однако известны, по крайней мере, некоторые факты. Ранние Свитки Мертвого Моря были разделены в целях изучения между восемью членами международной команды. По общему мнению, наиболее теологически чувствительный материал, содержащий историю и обычаи общины ессеев, достался польскому священнику Римско-католической церкви из Франции Иосифу Милику. Сегодня, тридцать лет спустя, большая часть этого материала все еще в руках Милика и до сих пор не опубликована. Также известно, что отец Милик с той поры постепенно отошел от духовенства. Могло случиться и так, что содержание документов разрушило его веру, но неужели его приверженность ей всё еще настолько сильна, чтобы не обнародовать свои заключения? Только 20 процентов документов, входящих в состав Свитков Мертвого Моря, были изданы, а оставшиеся 80 процентов все еще находятся в руках ученых. Можно, конечно же, посочувствовать одинокому независимому ученому, Джону М. Аллегро, который во время своей лекции в 1985 году в Энн-Арборе, Мичиган, объявил: “Почему мои дорогие коллеги сидят на материале? Это сводит меня с ума... это же скандал! Общественность должна быть проинформирована, и тогда, возможно, люди начнут задавать (ученым) вопросы”.

Пещеры горной цепи Кумран продолжали давать дополнительные материалы. Департамент по делам древностей правительства Иордании (который и назначил Джона М. Аллегро своим главным агентом в этом проекте) продолжал финансировать и поддерживать экспедиции, одна из которых привела к известному Медному свитку, отправлен-

¹²Гностики и ессеи называли своего пророка “Иисус Назарей”, в отличие от христианского “Иисуса из Назарета”. Известно, что город Назарет был основан лишь через несколько веков после евангельских событий. — *Прим. переводчика.*

ному в Англию, где в 1955 и 1956 гг. под руководством Аллегро он был расшифрован и переведен. Медный свиток и другие найденные позже документы начали постепенно прояснять картину жизни общины ессеев Кумрана. Они указывали, что еврейские еретики были намного сильнее вовлечены в поиск духовного знания, нежели это было известно ранее. Медный свиток, например, указывает на то, что они были тайными хранителями сокровища Иерусалимского храма, разрушенного и разграбленного римскими легионами в 70 г. н.э.

Подобно заговору в отношении содержания свитков, бурные события в политике Ближнего Востока добавили новые штрихи к истории Кумранских рукописей. После 1961 года, вслед за так называемой Трехдневной войной, места находки были захвачены Государством Израиль, а британское и американское влияния в этом проекте были потеснены религиозным политическим рвением израильтян. Покойный государственный деятель, археолог Иигеель Ядин стал ведущим исследователем и защитником недавно обнаруженных рукописей. Дополнительно исследовались десятки пещер, большинство которых содержало различные материалы, скрытые последователями еврейской религиозности со второго века до н.э. до первого века н.э. Дополнительными находками одарили не только пещеры, но также и некоторые древние руины этого региона. Израильские власти не выказывали большого стремления к публикации огромного количества доступного им материала. Возникли противоречия между израильскими хранителями с одной стороны и иорданским Фондом Свитков Мертвого моря (возглавляемым и представляемым Аллегро) с другой. Библиотека ессеев, которая, в ее исходном состоянии, оценивается как состоящая из более 600 свитков, медленно исчезала из поля зрения. К 1960-м годам внимание общественности и ученых схожим образом начало охладевать к свиткам. Туман, большую часть года покрывающий соленые воды

Мертвого моря, вновь окутал сокровище ессеев, что он и так делал в течение двух тысячелетий. Хотя и вдали от места находки в холодной и выжженной дикой местности, Свитки Мертвого моря все еще не открыли своих так долго оберегаемых секретов. Тайна сохраняется¹³.

Внимательный наблюдатель по части глубинной психологии мог бы почувствовать в этих событиях определенные мифологические архетипы, соткавшие историю и судьбу этих двух открытий и способные пролить дополнительный свет на их значение. В особенно темный период истории западного психэ были сделаны два важных открытия. Оба были результатом случайности, но не целеустремленного намерения. Крайняя потребность культуры была, таким образом, удовлетворена синхронистичным ответом из самого глубинного центра бытия. Отчаянье и духовное банкротство Запада после Второй мировой войны и в начале атомного века осветили два замечательных источника живой, но до настоящего времени недостающей компоненты его коллективного психэ. Защитники западной духовности неблагоразумно лишили основной поток своей традиции дневного света религиозной жизни. Альтернативная традиция гностиков и ессеев стала эквивалентом психологической тени господствующей иудео-христианской религиозности. И всё-таки, человеческое психэ не может слишком надолго удержаться от проявления своей тени. Всегда настанет время, когда ранее отвергнутая и, следовательно, недостающая часть нашей индивидуальности настойчиво привлечет к себе наше внимание.

Согласно юнгианской и связанной с ней психологической мысли, духовные и религиозные проблемы в итоге оказываются основанными на всеобщем человеческом устремлении к целостности. Несоизмеримые компоненты нашего

¹³Ввиду нехватки опубликованных материалов Кумранских рукописей, автор полагается, прежде всего, на изданные прокламации и на информацию, переданную ему устно покойным Джоном М. Аллегро. Камень, отброшенный строителями еще раз, должен вновь стать краеугольным.

характера, в конце концов, подвергаются процессу прогрессивного объединения (названного Юнгом “индивидуацией”), что и приводит к их объективной целостности. Казалось бы, с выходом из послевоенного периода настало время для определенной прогрессивной фазы индивидуации западной культуры. Столкнувшись с ужасающими доказательствами человеческого зла во время войны и тоталитарной тирании, будучи встревоженной перспективой многих смертей и разрушений ядерной войны, западная культура достигла психологического тупика, когда ее подавленная тень могла бы сыграть исцеляющую и искупающую роль. Настало время для обретения отвергнутой духовности гностиков и эссеистов.

Возникновение такой возможности исцеления западной духовности (а с ней и западной культуры) может привести к определенным трудностям. Все люди, знакомые с глубокой психологией, знают, что содержание психэ откроет свое истинное значение только после последовательного вывода его на свет сознания, вместе с усилиями осветить это содержание с помощью амплификации соответствующих символов. Можно вырвать это открытие из тайных глубин психэ, но никогда нельзя быть уверенным в том, что это открытие не подвергнется процессу помрачения и искажения. Религиозное содержание психэ особенно подвержено таким ловушкам. В ответ на письмо с просьбой раскрыть, с точки зрения психологии, символический смысл религии, Юнг выразил беспокойство относительно повсеместной тенденции к бессознательности и мракобесию в этой весьма напряженной сфере деятельности:

Я должен спросить себя со всей серьезностью, не возникло бы ли большей опасности, если бы христианские символы были намеренно скрыты от вдумчивого понимания, будучи вытесненными в сферу священной неясности? [выделение наше — S.A.H.] Они могут с легкостью настолько отдалиться от нас, что их нелогичность превратится в нелепицу.

Выше мы отметили наличие точных доказательств того, что были задействованы сознательные и бессознательные силы для того, чтобы вытеснить наследие рукописей из Наг-Хаммади и Кумрана лишь в такую “сферу священной неясности”. Ученые, знакомые с монолитным мировоззрением Ветхого и Нового Завета, столкнулись с сильным психологическим сопротивлением своего собственного разума, когда открыли, что, будучи озаренной светом вдумчивого понимания, их находка может явить себя как Иной Завет, радикально отличающийся и часто противоречащий двум принятым Заветам.

Проблема сознания состоит в том, чтобы навсегда отвлечься от мелочей ради возможности понять большее. Точно также проблема писаний эсеев и гностиков состоит в том, чтобы преодолеть неполное и одностороннее религиозное сознание в интересах большего, более глубокого содержания. Казалось бы, интенсивное решение именно этой задачи требуется от нас во имя роста и исцеления человеческой души как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Альтернативой было бы повторение фатальных ошибок, допущенных религиозными властями и их последователями в прошлом — ошибок, которые и привели к мучительной нехватке целостности в господствующей духовности Запада. В силу потребностей культуры в момент ее нынешнего кризиса такая альтернатива кажется недопустимой.

Иной Завет прибыл к нам во второй части двадцатого века. Как и все Заветы, он — свидетельство (именно из термина *testimony* — свидетельство, и было получено слово *testament* — завет). Иной, или Альтернативный, Завет является свидетельством существования мировоззрения, которое резко отличается от принятого Западом в форме господствующего иудаизма и христианства. Это — Еретический Завет, наследие, которое отменяет догмы и постулаты в религии и культуре, царившие там приблизительно 1.600 лет. Хотя его полный объем и содержание еще не проявились публич-

но, его доступных документов достаточно для того, чтобы явить нам соответствующую перспективу, касающуюся его характера и потенциального влияния. Таковы признания, которые должны мотивировать нас в нашем поиске буквального содержания и символического смысла Иного Завета. Начнем с наследия ессеев, которое может в первую очередь заинтересовать нас благодаря времени своего появления.

Глава 2. Святые мятежники: Люди Свитков

Свитки Мертвого моря были обнаружены в месте, известном сегодня как Кумран (произносится *koomrahn*), арабское слово без какого-либо определенного смысла. Это — древнее место, вероятно один из “городов пустыни”, упомянутых в Книге Иисуса Навина. Аллегро полагает, что таинственные Люди Свитков специально прибыли туда, чтобы основать свою общину на древней израильской библейской земле, известной в древности как город *Sescah*. В нескольких милях к северу от Кумрана пролегает территория древнего Иерихона и брод, по которому Иисус Навин перевел евреев через реку Иордан, повторив чудо перехода Красного моря Моисеем. Как Красное море разошлось для Моисея, также и Иордан остановил свое течение для Иисуса, чтобы дать перейти евреям — по крайней мере, именно этой версии придерживались верующие. Область Кумрана и его окрестностей обладала священным прошлым. Это было место, где произошло чудо, где еврейский Бог вмешался в ход природы, чтобы явить свою силу детям Его. Любопытно, но божественное чудо — не единственное событие, из-за которого помнят эту землю. Равнина, ясно просматриваемая из Кумрана, является той самой, где под ужасным градом огня и серы несчастное население Содомы и Гоморры нашло свое последнее пристанище. Еще более примечательна Восточно-Африканская зона разломов в непосредственной близости от Кумрана, которая традиционно считалась той самой Бездной Правосудия, куда мятежные ангелы с их вождем Азазелем

были сброшены Богом, чтобы томиться там до Судного Дня. Такие апокрифические тексты, как Книга Еноха и Книга Торжеств (обе были любимы ессеями Кумрана) описывают в общих чертах весь темный миф об Азазеле и его ангельском воинстве, который вступал в брак с людьми и стал прародителем могущественного рода, обладающего мудростью и магией. Эти существа, время от времени называемые Стражами и Рефаимами (от еврейского глагола *garfa* — исцелять) считались, по крайней мере, некоторыми из Людей Свитков духовными предками представителей их собственной традиции целителей и врачей, которых называли ессеями. После ессеев гностики времен текстов из Наг-Хаммади также считали себя духовными потомками мятежных жителей Содомы и Гоморры и, по крайней мере, косвенно, рефаимов. Мы можем несмело предположить, что место открытия Свитков Мертвого моря и обитель общины ессеев содержат в себе явные признаки мятежной традиции, настроенной против ортодоксальных доктрин и посвященной тайному знанию и практикам.

Сосредоточив внимание на этих людях, мы должны отметить, что Свитки Мертвого моря ни в коем случае не были первыми доказательствами существования ессеев. Римский автор Плиний Старший, историк Иосиф Флавий и философ Филон Александрийский оставили нам множество свидетельств о тех, кого они называли ессеями. Греческое слово *ἑσσηῖοι* имеет неясное происхождение, но связывается учеными с еврейским словом *Asah* (действующий), *Nazah* (получающий видения), так же как и с арамейским *Hasaya* (благочестивый) и *Asa* (исцеляющий). Слово *Hasid* (благочестивый) в современном талмудическом иврите можно также считать сходным. Поэтому мы можем предположить, что они были людьми действия, провидцами, людьми исключительной чести и, прежде всего, целителями, и по этой причине (особенно в Египте) их часто называли *θεραπεῖται*, что значит врачи или целители. В то время как ранние описания

подчеркивают их аскетизм и благочестие, найденные свитки дополняют это описание мятежностью и иноверием.

В течение многих столетий ученый мир считал численность ессеев небольшой (Плиний указал, что их было приблизительно 4.000), что ессеи — это квиетическое и пацифистское движение, которое отчаянно следовало чистоте во всех ее проявлениях — безбрачию, аскетизму, ограничению в пище и совершенно не мирскому мировоззрению и занятиям. Наряду с этими понятиями им приписывались гипертрофированная ортодоксальность и строгая дисциплина, и поэтому ессеи были сочтены всего лишь очень ортодоксальной и аскетической группировкой евреев, доктрины и действия которых шли вразрез с господствующим иудаизмом, известным на протяжении всей истории. Картина, явленная в Свитках, по меньшей мере, разительно отличается от раннего представления о ессеях.

После открытия Свитков в академических кругах развернулись споры о том, были ли авторы документов ессеями или они были теми, кого называли зелотами. Как известно, в 66–70 гг. н.э. в Израиле произошло масштабное восстание, которое сотрясло всю страну и в 70 г. нашей эры привело к безвозвратному разрушению Иерусалимского Храма и последующему исчезновению еврейского государства вплоть до восстановления его в середине двадцатого века. Зачинщиками этого губительного восстания были зелоты, которые считали римские оккупационные силы воплощением мирового зла, а себя — армией света, призванной избавить Израиль и мир от дьявольского нашествия, проявленного во власти императорского Рима. Свитки (по крайней мере, частично) обращают наше внимание на грозные мифы, очень похожие на мифы зелотов. В одном из них Сыны Света во главе с Мессией, легко узнаваемые как ессеи, играли ведущую роль в борьбе против Детей Тьмы, которые, в свою очередь, возглавлялись Князем Тьмы, Велиалом, или Дьяволом. Этот полностью дуалистический документ четко

отделил Людей Свитков от пацифизма, приписывавшегося им ранее. Он также напомнил многим более поздние мифы гностиков и манихеев о борьбе *знающих* против Злого Властелина во главе с архонтом (управителем) тьмы. Таким образом, на свет появились первые признаки сходства гностической или, по крайней мере, прото-гностической традиции с традицией иудейской и эллинистической. Уважаемый не менее чем всеми ученый Роберт Бультман, основываясь на доказательствах Свитков, писал: “*Гностический характер дохристианского иудаизма, который до настоящего времени мог быть выведен лишь из более поздних источников, теперь доказан недавно обнаруженными Свитками Мертвого моря*” (Курсив наш — С.А.Н.).

Один из самых проникательных переводчиков Свитков, Теодор Х. Гастер написал в своей работе “Священные писания Мертвого моря”, что Свитки — это, по сути своей, мистические документы, и переживания, о которых говорится в документе, названном Свитком Гимнов, являются подлинными мистическими переживаниями. “Чудесные таинства” Бога, описанные авторами Свитков, напоминают одно из схожих гностических таинств, и на подобные мистические события ссылались различные гностические священные писания, особенно Трактат о Восьмерке и Девятке, так же как и другие трактаты из Собрания Наг-Хаммади. Более чем вероятно, что авторы Свитков эссеев, в отличие от гностических авторов Кодексов из Наг-Хаммади, придавали своим видениям и откровениям скрытый смысл, а содержание Свитков можно счесть обладающим внутренним, скрытым смыслом или шифром. (Эссеи имели возможность использовать шифры, поскольку им было известно открытие так называемого кода *Тахо-Асаф*, что гарантированно позволяет использование шифра Atbash)¹⁴.

¹⁴О деталях этого кода и шифра см. главу 3 данной работы, а так же Hugh Schonfield, *The Essene Odyssey* (Shaftsbury, England: Element Books, 1984).

Как неоднократно указывал К. Г. Юнг, гностические документы, в том числе из Библиотеки Наг-Хаммади, не были основаны на догматических или философских соображениях, но содержали главные открытия из самых глубоких областей человеческого психэ. Точно так же последнее исследование, кажется, доказывает, что, по крайней мере, значительная часть Свитков Мертвого Моря также содержит прямые мистические переживания, испытанные эссеистскими мистиками из Кумранской общины. Гностики более позднего периода не чувствовали необходимости скрывать при помощи кода и зашифровывать визионерскую природу своего вдохновения. Превосходный пример подобного гностического описания мистического видения можно найти в священном писании, упомянутом ранее, в Трактате о Восьмерке и Девятке.

Как я опишу всё? Я вижу иной Разум [Νόος] [духовная душа — S.A.H.], который движет душой. Я вижу того, кто говорит со мной через святой сон. Вы видите силы. Я вижу себя! Я готов мыслить! Я преодолеваю дрожь! Я понял, силы всех сил происходят из единого источника! Я вижу, как в его колодце бурлит жизнь!.. Я видел то, что не объяснит Восьмая часть. О, сын мой, души там, и ангелы поют в тишине. Но я, Нус, понял это.

Признавая, что им были явлены “поразительные тайны”, авторы Свитков Мертвого Моря используют метафоры и образы природы для того, чтобы указать на свои собственные мистические и тайные переживания. Так, мы читаем в благодарственном гимне:

Но ты, о, мой Бог, проник в уста мои как душа раннего дождя для всех, кто жаждет весны вод живых... внезапно пролились они из укрытий тайных...

В том же собрании гимнов (возможно, написанных таинственным Учителем Праведности) используется описание множества деревьев. Таким образом эссеи описывали себя.

Эти “деревья” питает живая вода, которая льется из тайного места божественной премудрости, часто называемого миртом, именем, которое на арамейском языке — assaya — фактически означает “дающая жизнь”. Такова популярная версия возникновения слова “есей”. Так, лингвистические шифры и другие метафоры использовались Людьми Свитков для того, чтобы показать и скрыть их тайный характер.

Теперь же зададимся вопросом: “Кем и какими были в действительности эти самые есеи, Люди Свитков?” Их внешнюю историю можно рассказать быстро. Приблизительно за полтора века до рождения Иисуса, нееврейский царь по имени Антиох Епифан решил ввести на еврейской земле языческую форму религии. Под руководством Иуды Маккавея вспыхнула революция, которая к 142 году до н.э. установила религиозную и политическую свободу для еврейского народа. Среди последователей революционных лидеров были много “благочестивых”, то есть, хасидов или ессеев, которые придерживались альтернативной формы мистической духовности, и чьи духовные традиции на долгое время возвратились в еврейскую историю. Последствием революции Маккавея стали вечные противоречия между этими благочестивыми мистиками и религиозно-политическими властями Иерусалима. Пришедшая к власти после революции династия Хасмонеев совершила непростительный, с точки зрения ессеев, поступок: цари лишили статуса высшего духовенства Храма наследников династии Садок, занимавших этот пост в течение приблизительно восьми веков, начиная с правления царя Соломона. Новым первосвященником стал никто иной, как правитель воцарившейся династии. Есеи не смогли примириться с этим. Они собрали свое имущество и ушли из-под власти недавно явленных политических деятелей-первосвященников, направившись в таинственную область Кумран, чтобы практиковать там свою особую форму религиозной чистоты, проводить тайные ритуалы, связываться с ангелами и демонами и

подготовить свержение власти тех, кого они с тех пор называли “нечестивыми священниками”.

С этого времени ессеи Кумрана были открыто объявлены еретиками. Их учитель, мессия, имя которого они никогда не упоминали, и к которому их писания всегда обращаются как к “Учителю Праведности”, был убит царской и священнической тиранией приблизительно в 100 г. до н.э. Эта жестокость, как мы увидим позже, отражает множество потрясающих сходств с казнью Иисуса веком и несколькими годами позже, еще больше ожесточившей Людей Свитков. С тех пор они мыслили себя участниками великих апокалиптических событий, писали мифы и пророчили зарю нового века, в котором Сыны Света будут вести большую войну с Сынами Тьмы, войну, которая приведет к созданию нового Царства Света и Праведности во главе с благочестивыми ессеями. Десятилетиями святые еретики размышляли в своем высеченном из камня жилье и лабиринтообразных пещерах, готовясь выйти накануне наступления нового Века Света. Именно в это время скорбного и гневного самоанализа они написали и переписали свои многочисленные анти-ортодоксальные священные писания, многие из которых стали известны почти два тысячелетия спустя как Свитки Мертвого Моря.

Династия Хасмонеев вместе с нееврейской династией Ирода были, в конце концов, свергнуты Римской властью. “Нечестивые священники” больше не правили в Иерусалиме, их трон вместо инородного царя занял римский губернатор. В то время как главные противники ессеев были устранены, условия жизни на землях Иудеи стали более привлекательными. Многие, вероятно, вернулись назад в города и деревни, на земли своих предков, некоторые даже нашли убежище в Иерусалиме, ненавистном месте слияния трона и алтаря. Некоторые перебрались в отдаленные области, особенно на землю тайнств и магии под названием Египет, где такой же еврейский еретик Филон Александрийский

назовет их *θεραπεύται*, терапевтами или целителями. Но все же большинство, по всей вероятности, продолжало жить в горах и пещерах Кумрана, ожидая нового века Мессии, который установит долгожданное Царствие Света, чтобы оправдать ожидания благочестивых.

В 1-м году нашей эры, когда таинственный младенец, предположительно, родился в Вифлееме, короткая жизнь и учение которого, казалось, были так близко похожими на жизнь и учение их Учителя Праведности, Люди Свитков были внутренне готовы передать ему, по крайней мере, некоторые элементы Нового Завета, который был провозглашен несколько лет спустя последователями таинственного Rabbi Yehoshva, более известного под латинским именем Иисус. Именно здесь содержание Свитков проливает много нового и ценного света на влияние ессеев на формирование христианства и, кроме того, на формирование определенного творческого неортодоксального вольного христианства, известного как гностицизм. Свитки Кумрана подтверждают большую часть уже доступных нам сведений о ессеях, но добавляют и много неопценного материала об учении Мессии, принца-воина, ожидаемого Людьюми Свитков. Джон Аллегро характеризует ожидаемого Мессию ессеев следующим образом: *“Этот харизматический лидер будущего, потомок известного царя Давида должен был установить Новый мировой порядок, где безраздельно властвовала бы Воля Божья. Такое счастливое государство могло появиться лишь после войн и революции, когда Помазанник... лично возглавит силы Света в их апокалиптической борьбе против сил Тьмы, возглавленных Дьяволом или Велиалом... в целом, первые нетерпеливое прочтение нового материала поддерживало идею того, что в учении ессеев мы могли бы найти ключ к разгадке концепции христианских идей”*¹⁵.

¹⁵ John M. Allegro, *The Dead Sea Scrolls and the Christian Myth*, (New York: Prometheus Books, 1984), pp. 63–64.

Свитки Мертвого Моря показали, тем самым, что Мессия, ожидаемый ессеями, был намного ближе к описанию Иисуса, нежели неопределенные намеки и пророческие ожидания ортодоксального иудаизма первого столетия. Мало того, что существует большое сходство между Мессией ессеев и фигурой Христа еврейской ереси под названием “христианство”, но также есть и все основания подозревать, что есеевская иудейская ересь, возможно, послужила матрицей для еще большей неортодоксальной христианской ереси, известной как гностицизм.

Нет никакой другой иудейской ереси, помимо учения ессеев, которая была бы настолько тесно переплетена со всей структурой религиозности Нового Завета, включая гностицизм. Ессеи и христиане выступали если не за форму коммунизма, то, по крайней мере, за коммунитаризм. И именно поэтому они преследовались и унижались религиозными властями Иерусалима. И те, и другие крестили своих посвященных, практиковали священное принятие пищи. В дополнение к этим важным общим чертам и те, и другие были очень привязаны к письменам пророков и к ожиданию всемирной катастрофы и величественного начала управляемого Мессией нового века.

Влияние Людей Свитков на Новый Завет и гностические евангелия очевидно. В дополнение к этому, существуют и другие предположения, слишком знаменательные для того, чтобы умолчать о них. Если традиционная хронология всей жизни Иисуса и последующего распространения христианских общин верна, то кажется почти очевидным, что уже существующая организационная структура была использована первыми христианами для того, чтобы на ее основе выстроить свою церковь. Время между обычно упоминаемой датой распятия на кресте Иисуса и самым ранним посланием Павла слишком коротко для того, чтобы вместить в себя развитие очень сложной сети организованных общин с хорошо развитыми методами взаимодействия, финансиро-

вания и структуры власти, которую представляет читателю Павел в своем послании. Была только одна существующая организация, которая, возможно, и послужила основой для этой быстро развивающейся структуры, и это была община ессеев. Сосредоточив свой штаб у берегов Мертвого моря, но простирающаяся на протяжении всей Иудеи и, по всей вероятности, до Египта, Рима и Малой Азии, организация ессеев служила готовой матрицей, на которой могла быть построена новая христианская община. Если, как мы предполагаем, ессеи объединили свое учение с новым христианским учением в первые годы формирования церкви, то удивительно быстрый рост и организация христианской сети кажутся куда более понятными. В этом случае мы должны также подтвердить то, что говорил о ессеях Аллегро:

...их доктрины, и особенно их ожидание мессии, были намного ближе ессеям, и, возможно, они и стали христианскими наставниками в чем-то, что лежит на поверхности Свитков.

Мессия, который был не в состоянии преобразовать не только мир, но даже и судьбу своих собственных соотечественников в своем же обществе, не смог бы вдохновить на единогласное изменение Писания, где говорится о нем. Если тот же самый Мессия был предсказан традицией Людей Свитков, и если достаточно многие из этих людей полагали, что таковой мог быть христианином, то связь между ними получила бы полное оправдание. Как сказал Хью Шонфилд,

Мы можем позволить себе заявить теперь то, что было ранее ясно и очевидно для всех нас, за исключением нескольких ученых, — что идея Мессии, приверженцем которой был Иисус и другие его современники, была далека от того, чтобы возникнуть из до-библейских источников. Она формировалась письменно и учением, в значительной степени сходным с учением ессеев, которое вдохновенно перенималось. Если бы представилась возможность быть полностью осведомленным в этом

и иметь доступ к большой части их литературы, то могла бы быть открыта истинная история утверждения христианства.

Теперь же, в заключение, давайте объединим черты Людей Свитков, прямо указывающие не только на историческую, но и на психологическую связь учения ессеев с Новым Заветом христианства, и еще большую связь с ранней гностической линией христианства. Хотелось бы надеяться на то, что такое резюме подарит читателю более глубокое понимание гения Людей Свитков и кульминации этого гения в подходе к христианскому учению, нашедшему свое самое полное литературное выражение в собрании гностических священных писаний из Наг-Хаммади, обнаруженных за несколько недолгих месяцев до обнаружения Кумранских рукописей.

1. Кумранская община была расположена на территории, которая представляет собой прекрасный фон для роста и развития ереси вообще и гностической ереси в частности. Выбор местоположения общины ессеев Кумрана, с одной стороны, связан с именем мессии (Иисусом Навином), а с другой — с демонами и сверхъестественными “Стражами”, связанными с Бездной Правосудия, расположенной в Восточно-Африканской зоне разломов. Все это могло быть взято в качестве основы мифов ессеев, которые, с одной стороны, мессианские, а с другой — ангельски-демонические.

2. Влияние Учителя Праведности породило у ессеев склонность к двойственности, к стремлению отвергать существующее мироустройство и понимать мир как зло — все эти идеи позже высказывались и гностиками. По всеобщему признанию, эта склонность возникла в политических условиях еврейского царства; однако в разуме ессеев Кумрана изначально приземленные проблемы вскоре преобразовались во всемирные и метафизические бедствия и проблемы. Правление священников-царей зла, Хасмонеев, предшествовало доминиону архонтов и Демиургу гностиков. Сыны света

были ранним воплощением гностиков-пневматиков, а Сыны Тьмы — прототипом темных управителей низшего мира, признававшихся гностиками.

3. Вдохновение, полученное авторами свитков, основывалось не на иудейских догмах и Законе, но на ярких, эмоционально сильных личных переживаниях мистического характера. Некоторые из этих переживаний свободно описывались в Свитках; другие же были зашифрованы посредством метафор и кодов, основанных на таких некогда популярных шифрах, как перестановка слов и т.п. Последнее также в значительной степени сходится с направлением юнгианской мысли — истоки гностических писаний должны быть найдены в прямом, личном опыте постижения тайн бытия, но не путем чистого синкретизма, философского предположения и т.п.

4. Идея Мессии, развиваемая эссеями в связи с трагической фигурой их таинственного Учителя Праведности, приготовила путь не только для мессианской деятельности Иисуса, но также и для мистического и всеобщего мессианства, воплощенного в фигуре гностического Христа, который говорит с нами в гностических евангелиях из Наг-Хаммади. Это обстоятельство, возможно, было изрядно подкреплено вероятной возможностью того, что большая часть самых ранних христианских новообращённых были эссеями.

Заключительный пункт нашего обзора логически подводит нас к рассмотрению фигуры Иисуса и к тому способу, с помощью которого можно выявить его связь с самым интригующим, хотя и неуловимым действующим лицом драмы эссеев — Учителем Праведности. Конечно, сравнив эти две очень важные фигуры, мы можем найти самые важные признаки того, что “дохристианский иудаизм гностического характера” (*gnostisierendes Judentum*), признанный Бультманом, возник для того, чтобы послужить основным источником и прародителем гностицизма. Между Мессией эссеев, христианским Иисусом, и более того, гностическим

Христом, можно найти связь, которая объединит написанные ессеями Свитки Мертвого Моря с гностическими евангелиями из Наг-Хаммади.

Глава 3. Мессия ессеев и гностический Христос: от прототипа к архетипу

В Евангелии от Матфея (16:13) мы находим описание Иисуса, спрашивающего у своих учеников, на кого он похож. Ученики сначала пересказывают слухи о нем, ходящие среди народа: “Некоторые говорят, что Ты Иоанн Креститель, некоторые Илия, а иные за Иеремию, или за одного из пророков”. Согласно этой версии (есть версия, сильно отличающаяся от нее — в Евангелии от Фомы¹⁶, входящем в состав Библиотеки Наг-Хаммади), апостол Петр дает ответ, принятый Иисусом, о том, что во плоти и крови нет ответа, а ответ исходит от Отца Небесного.

Как и во времена Матфея, описания Иисуса резко отличались друг от друга на протяжении всей истории. У первых христиан очень трудно найти описание их казненного основателя. Фактически бесспорным является то обстоятельство, что их понимание менялось, и что в ранних христианских общинах не существовало какой бы то ни было единой веры в Иисуса. Обратившись к гностическим христианам, мы находим, что их Иисус был загадкой, окутанной почти

¹⁶ Автор имеет в виду 14-й стих Евангелия от Фомы: “Иисус сказал ученикам своим: Уподобьте меня, скажите мне, на кого я похож. Симон Петр сказал ему: Ты похож на ангела справедливого. Матфей сказал ему: Ты похож на философа мудрого. Фома сказал ему: Господи, мои уста никак не примут сказать, на кого ты похож. Иисус сказал: Я не твой господин, ибо ты выпил, ты напился из источника кипящего, который я измерил”.

“И он взял его, отвел его (и) сказал ему три слова. Когда же Фома пришел к своим товарищам, они спросили его: Что сказал тебе Иисус? Фома сказал им: Если я скажу вам одно из слов, которые он сказал мне, вы возьмете камни, бросите (их) в меня, огонь выйдет из камней (и) сожжет вас”. — *Прим. переводчика.*

непроницаемой тайной. Иногда они представляли его как человека, иногда как божественного Антропоса, мудреца, пришедшего, чтобы спасти искры света, попавшие во тьму. Время от времени у него был человеческий облик и голос, которым он изрек множество мудрых высказываний, в других же случаях он был призрачной фигурой, которая была лишь подобна человеку. Подобно Трикстеру, богу индейцев, или Дураку колоды Таро, он пребывал везде и всюду; он был в теле и вне тела, он был в мире и за его пределами. В гностической оде он говорит Соломону слова, которые кажутся верными и сегодня: “Я кажусь им чужим, потому что я из другого рода”¹⁷.

Таков был образ Иисуса в течение первых трех столетий: собирательный, таинственный, вездесущий: как и его апостол, Павел, он был всем, заключенным в одном человеке. В подземных пещерах мы всё еще находим очень собирательного, очень гностического Иисуса. Он изображен словно Вакх, держащий обвитый виноградными листьями посох посреди виноградной лозы. Он — пастух, несущий ягненка на своих плечах. Он — таинственный Ихтос, рыба, которой невозможно найти никакого библейского обоснования, как можно было бы предположить в случае милосердного пастыря и виноградаря, — и к обеим этим метафорам он, как известно, обращался сам.

Начиная с третьего, а также в четвертом и пятом веках этот миф, непрерывно пополняющийся творческим потенциалом, стал ограничиваться догматическими формулировками. На Халкидонском Соборе¹⁸ 451 года н.э. от-

¹⁷Оды Соломона; Ода 41.

¹⁸Халкедон — город в Малой Азии, на Босфоре, напротив Константинополя, где был проведен Четвёртый Вселенский Собор, созванный в 451 году императором Маркианом, по согласованию с папой Львом, по поводу ереси Евтихия — монофизитства. Заседания Халкедонского Собора происходили в храме великомученицы Евфимии, пострадавшей около 304 года. Собор был открыт 8 октября 451 года и продолжался до 1 ноября; проведено семнадцать пленарных заседаний.

цы церкви объявляют догму, или стандарт веры, согласно которому Иисус — это союз двух сущностей, божественной и человеческой, и он был “совершенным Богом по образу Отца” и “совершенным человеком по подобию Девы Марии, его матери”. Отцы церкви тогда попытались рационально объединить эти противоречивые различия, но их попытка удовлетворить эту неизбежную потребность так ни к чему и не привела.

С этого времени образ Иисуса подвергается сначала постепенному, а затем резкому переосмыслению или деградации. В великолепных мозаиках Византийской Империи, которые до сих пор можно увидеть в Равенне и Константинополе, Иисус все еще предстает как сверхчеловеческое существо вселенского масштаба; он еще всемогущий *pantocrator* с державой и скипетром, представитель трансцендентального доминиона надземной жизни. В то же время, неизбежен и вывод о том, что, так или иначе, творческий поток не иссяк, но чаша евхаристии больше не переполнялась творческой силой, как это было в ранние века. Что-то уцелело, но многое было и утрачено. В течение длинной эпохи темного Средневековья Иисус был еще сверхчеловеческой фигурой — сдержанный, царственный, иногда страдающей на кресте, но способный повторить, хотя и с меньшей убежденностью, гностическое заявление: “Я из другого рода”.

Затем настал Ренессанс, во время которого, в соответствии с атмосферой гуманизма, Иисус обретает полностью человеческий облик. Он становится совершенным человеком, образцом анатомического совершенства человеческого тела: классическим героем-богом с размытым оттенком мессианства. Совершенный Бог уступил место совершенному человеку; божественный король теперь обрел идеальные пропорции человеческого тела. Предписание Халкидонского собора было исполнено: Тот, кто был объявлен и совершенным Богом, и совершенным человеком, теперь был испы-

тан в обоих аспектах, но их единство было безвозвратно порушено.

После Ренессанса настало время, которое можно было бы справедливо назвать периодом Великого Падения, по крайней мере, в том, что касалось образа Иисуса. Этот период начался с Реформации и закончился мертвым материализмом девятнадцатого и двадцатого веков. Лютер ненавидел языческую красоту Христа эпохи Возрождения. В своей отчаянной попытке выступить против так называемого римского язычества Ренессанса ему удастся умалить и низвести образ Христа еще больше. Он гордится тем, что Иисус пачкал свои пеленки также как и другие человеческие младенцы (тем самым, предоставив фрейдистским психологам более поздней эры прекрасное оправдание для вторжения в область религии с одной из их любимых навязчивых идей — с проблемой приучения к туалету). Лютер хочет сделать Иисуса настоящим и значимым, но вместо этого он просто иницирует длительный исторический процесс, который сделает его банальным и неуместным.

Другие великие реформаторы, особенно строгий и страдающий от осознания своих грехов Жан Кальвин и его фанатичный последователь Джон Нокс, все менее принимали Иисуса в расчет и, вместо этого, все больше поклонялись христианской форме Бога Ветхого Завета. Именно этот мстительный и жестокий архетип становится Богом пуритан и, в конечном счете, Богом Промышленной Революции торговцев шерстью в Манчестере и янки Новой Англии. Под влиянием индустриализованного образа Иеговы Ветхого Завета избранный израильский народ был заменен успешными, трудолюбивыми, богатыми людьми. Кальвинистское предопределение объявило, что пуританский Бог любит богатых больше, чем бедных, и что богатство и успех — это признаки божественного благословения.

И где же среди всего этого Иисус? Он все еще существует, но будучи свергнутым с престола. Семнадцатый

и восемнадцатый века используют его в качестве сентиментального объекта вызывающей жалость преданности и не более того. Он становится сочувственным утешителем, другом, на плече которого понесший тяжелую утрату может всплакнуть, но надежда когда-либо найти полное утешение гибнет. Какая огромная разница между этим размытым идеализированным образом и жестоким защитником изгоев общества, который появляется в Новом Завете! И как далеко ушел этот образ от величественного, необыкновенного всеобщего царя византийских мозаик, не говоря уже о таинственном, вездесущем источнике живых вод, которые когда-то, в первые несколько столетий нашей эры, вытекали из гностического представления о Христе!

Далее следует самое дно пропасти, самый нижний круг исторического ада. Рационализм становится божеством восемнадцатого и девятнадцатого веков. Культ разума или причинности, начатый Вольтером и энциклопедистами, совершенно неразумно подставляет всё большее число голов под гильотины, в то время как революционные рационалисты возводят парижскую проститутку на алтарь республики, провозгласив ее Богиней Разумности. Бог мертв; да здравствует Разум! Разум восторжествовал, и вот, он въезжает на своей колеснице в девятнадцатый век, но его приверженцы больше не являются благородными, аристократическими философами восемнадцатого столетия. Дарвин, Гегель и их товарищи вонзают меч разума в процесс жизни и не обнаруживают никакого Бога или спасителя там, где действуют только слепая сила и естественный отбор. Рационализм так же смотрит и на Иисуса и утверждает, что, как исторический факт, он едва ли существовал. Ренан¹⁹,

¹⁹ Джозеф Эрнест Ренан (фр. Joseph Ernest Renan; 1823–1892) — французский писатель, историк и филолог. “Самая важная книга XIX столетия, — писал он в 1849 г., — будет иметь заглавие: “Критическая история начал христианства” (“Histoire critique des origines de Christianisme”).

Легг²⁰ и многие другие, включая Альберта Швейцера, заявляют, что поиски исторического Иисуса ведут в никуда. “Иисус — миф”. Таково восклицание позитивистов, для которых он, с учетом недостатка своей ясно распознаваемой историчности, — простая выдумка, изобретение без какой бы то ни было сущности или замысла. Хор материалистов от науки, философии и искусства вместе с марксистами присоединяются к этому кличу с жестоким ликованием.

Бог мертв, религия — это одурманивание людей, а Иисуса не было. Действительно ли Его не было? Появляются мифологи, которые не вполне уверены в этом. За туманными и нечеткими историческими данными, окружающими личность основателя христианства, они находят серьезную мифическую реальность, не менее серьезную для того, чтобы быть, по крайней мере, частично отдаленной от действительной истории. Исторический Иисус уступает место Иисусу мифическому. Ученые заключают, что образ замученного Назарея очень глубок и связан со многими богами-спасителями древности: Осирисом, Гором, Таммузом, Митрой, Орфеем и многими другими. На пятки мифологам наступают представители современной глубинной психологии, и среди них — К. Г. Юнг.

В отличие от рационалистов, позитивистов и последователей Фрейда, Юнг глубоко почитает символическое и

В 1860-х годах вышли три первых тома его “*Histoire des origines du Christianisme*”, принесшей ему всемирную известность, а также “*Жизнь Иисуса*” (1863), “*Апостолы*” (1866) и “*Святой Павел*” (1869). Опираясь на психологию современных религиозных людей и, отчасти, на свою собственную, тщательно изучив современную жизнь в Палестине (для этой цели Ренан совершил ещё одно путешествие на Восток), Ренан пытается воссоздать, в качестве живой картины, зарождение христианства и ранний период его истории.

²⁰ Джеймс Легг (англ. James Legge, 1815–1897). Выдающийся британский синолог, миссионер, шотландец по национальности. Принадлежал к Конгрегационистской церкви Шотландии, находился на службе междоминационного Лондонского миссионерского общества (1840–1873).

мифологическое содержание религии. Для него осмеянный и развенчанный Иисус — одна из великих духовных фигур. В своем учении о коллективном бессознательном или объективном психэ он высказывает мысль о том, что религиозные символы являются результатом общечеловеческого первоисточника в глубине разума. Физическая реальность исторического Иисуса имеет для Юнга намного меньшее значение, нежели психическая действительность образа Христа, проявленная в пределах существования человеческой души. Символы и мифы, на которых строятся различные религиозные верования, указывают на возможность внутреннего преобразования и искупления. Они исцеляют и объединяют расколотые и измученные умы и сердца людей. Исходя из этого, Юнг рассматривает христианский миф с его центральной фигурой Христа-искупителя как большой и почти уникальный подарок человечеству. Психологическая и духовная ценность Христа как символа объединения и исцеления выражает внутри-психический принцип, называемый им Самостью, неизменно распознаваемый Юнгом в сказаниях и писаниях. Он признает, что Осирис, Сын Человеческий в Книге Еноха, Будда, Конфуций, Лао-Цзы и Пифагор — все они играли ту же психологическую роль, что и Иисус, однако он считает, что Иисус объединил в себе более сильные трансформирующие потоки, чем все остальные²¹.

Признавая Иисуса величайшим и последним символом архетипа Самости, Юнг дал нам бесценный инструмент, который будет использоваться в исследовании происхождения христианства и в отношении всех проблем и дисциплин, которые обращаются к религиозным проблемам западной культуры. Признание Юнга может внушать надежду на то, что эра негативного и неясного отношения к самому главному архетипу нашей культуры завершается.

²¹См. The Letters of Jung / G. Adler and Aniela Jaffe, eds., (Princeton, NJ: Bollingen Series XCV, Princeton Univ. Press, 1973–1975), Vol. 2., especially pp. 6, 21, 89, 157, 275.

Несомненно, противоречивых голосов и мнений все еще предостаточно. Мир развлечений представил нам в 1970-е годы такие продукты, как фильм *Godspell*, где Иисус появляется как нереальный и забавный клоун, а также мюзикл “Иисус Христос — суперзвезда”, где он явлен как несносный социальный критик. В мире популярной литературы у нас есть еще несколько новых Иисусов. Например, психоделически-фаллическая символическая фигура, описанная в спорной работе Джона М. Аллегро на основе Свитков Мертвого моря, под названием “Священный Гриб и Крест”²², или обольстительный маг, возникший в воображении ученого Мортона Смита в его книге “Иисус — маг”²³, а немецкий автор Йоханес Леманн в книге “Протокол Иисуса” [*Protokoll einer Verfälschung*]²⁴ (которая произвела громкую сенсацию в Европе 1970-х), представляет Иисуса как несколько застенчивого учителя эссеев, несправедливо убитого и похороненного в лохмотьях.

Думается, что из всех популярных книг об истории Иисуса наибольшее влияние оказала, конечно же, книга Хью Дж. Шонфилда “Пасхальный заговор”, где Иисус организуется заговор с целью инсценировать пророчество о Мессии, указанное в иудейском Священном Писании. Но в результате ошибки или случайности Иисус погибает, к печальному удивлению своих последователей. Просто в качестве развлечения мы можем упомянуть о любопытной книге австралийского журналиста Донована Джойса под названием “Свиток Иисуса”. В ней Иисус становится воином-зелотом, который доживает до глубокой старости и умирает смертью

²²John M. Allegro, *The Sacred Mushroom and the Cross: A Study of the Nature and Origins of Christianity within the Fertility Cults of the Ancient Near East*(Garden City, NY: Doubleday, 1970).

²³Morton Smith, *Jesus the Magician* (San Francisco: Harper and Row, 1978).

²⁴Оригинальное название — “Протокол одного подлога”; в английском издании книга вышла под названием “Протокол Иисуса”. — *Прим. переводчика.*

героя в последнем оплоте еврейских патриотов — в Масаде. (Кстати, документ, написанный Иисусом как раз перед его смертью, предположительно доступный автору в течение недолгого времени, присвоен КГБ и сокрыт в хранилищах Кремля и служит инструментом шантажа против Ватикана.) Всё это лишний раз доказывает то, что общественность в нашу пост-христианскую (или полу-христианскую) эру жаждет альтернативной версии истории основателя христианской веры, независимо от используемых авторами материалов и сенсационности их книг²⁵.

Противоречивость фигуры Иисуса и путаница вокруг нее вполне могут утихнуть вследствие некоторых событий совершенно иного рода, а именно — в результате осмысления учеными и обывателями содержания Свитков Мертвого моря. Как уже было отмечено ранее, ессеи Кумрана являлись главными носителями идеи Мессии в эллинистическом иудаизме. Описанный ими в Свитках Учитель Праведности имеет очень много сходных черт с христианским Мессией, поэтому неоднократно выдвигалось предположение, что эти двое, на самом деле, могли быть одним и тем же. Хотя подобные заявления несколько преувеличены, сходство этих двух фигур впечатляет. Вдобавок к Учителю Праведности, Люди Свитков также ждали скорейшего дуэта мессий — царя и первосвященника, которые вместе установят новый порядок истинного благочестия и праведности. И, в самом деле, можно сказать, что ожидания и предположения ессеев

²⁵ Вышеупомянутый список альтернативных гипотез и книг об Иисусе ни в коем случае не является полным. Предположительно, могила человека под именем Джо-Асаф в Шинагаре (Кашмир) считается некоторыми могилой Иисуса. Напыщенная сенсационность “Святой Крови, Священного Грааля” Майкла Бежена, Ричарда Ли и Генри Линкольна, повествующей о выжившем Иисусе, женившемся на Марии Магдалине и породившим многочисленное потомство, рассеянное по Франции, может послужить еще одним доказательством информационного голода в отношении истории Иисуса.

ни в коем случае не испытывали недостатка в таланте и творческом исполнении.

Совпадения между есеевским мессианизмом и христианской формой мессианских архетипических событий чрезвычайно разнообразны. Первое из них касается имени героя. Христианский Спаситель носил имя Иисус [Yehoshva], был потомком Моисея — вождя еврейского народа, и был выдающейся личностью. Иосиф Флавий, назвав его греко-латинским именем Иисус Христос, отзывается о нем с самым глубоким уважением. Иисус Навин²⁶, унаследовав преемственность от Моисея, стал новым вождем еврейского народа, что подтверждено Богом Израиля: “В тот день я возвеличу тебя в глазах всего Израиля, так, чтобы они узнали, что я был с Моисеем, так буду я и с тобою”. Позже, после свершения многих чудес, включая расхождение вод реки Иордан, разрушение стен Иерихона и изменение направления движения Солнца и Луны, его подвиги описали как величайший случай в истории: “Не было ни единого дня, такого, как этот, никогда прежде, или с тех пор, когда Бог был бы послушен голосу человека”. Самая главная роль Иисуса Навина, с точки зрения ессеев, заключалась не в его статусе исключительного вождя, а в том, что он был укрывателем Закона. Ессеи считали, что Иисус Навин спрятал Тору в Ковчеге Завета, где Писание находилось в течение очень долгого времени, пока праведный царь

²⁶Иисус Навин (ивр. יְהוֹשֻׁעַ בֶּן נֹון, Йехошуа бен Нун; в исламе Йуша бин Нун) — предводитель еврейского народа в период завоевания Ханаана, преемник Моисея. Его деятельность подробно изложена в “Книге Иисуса Навина”. Происходил из колена Ефремова и носил первоначально имя Осия (Хошеа), но был переименован Моисеем в Иисуса (Йехошуа), когда был послан разведчиком с представителями других одиннадцати колен. В латинской (а затем в католической и протестантской) традиции имя Иисуса Навина передается иначе, чем имя Иисуса Христа — Joshua вместо Jesus, в то время как в греческой православной традиции оба зовутся Иисус (поэтому к имени первого обычно прибавляется Навин или сын Навина, в то время как в западной традиции это излишне). — *Прим. переводчика.*

Иосия (предположительно в седьмом веке до н.э.) в ходе некоторых восстановительных работ в Святой Святынях случайно не обнаружил эту находку, описанную во Второй Книге Царств. Свиток ессеев, известный как Дамасский Документ, повествует о том, что Царь Давид ничего не знал о “запечатанной книге Закона”, потому что она была сокрыта со времен смерти Иисуса Навина²⁷.

Иисус Навин, таким образом, скрыл книги Торы, чтобы в свое время их нашли лишь достойные. Вышеупомянутый принцип синхронистичности, отразившийся в открытии важнейших священных книг, очень четко иллюстрирует поступок Иисуса. Всё это имеет важное значение для наших соображений ввиду того факта, что Свитки Мертвого Моря указывают на то, что ессеи воспринимали своего Учителя Праведности как нового Иисуса Навина, а его учение — как “вторую Тору”. Удивительно, но даже сам способ сокрытия и хранения свитков, описанный Учителем Праведности, кажется, следует примеру, традиционно применяемому Иисусом Навином. В апокрифической книге под названием “Успение Моисея”, относящейся ко времени первого века нашей эры, Моисей учит Иисуса обмазать пять книг Торы кедровым маслом и поместить их в глиняные сосуды, что очень похоже на метод, примененный для сохранности Кумранских рукописей. Кроме того, свиток пергамента, найденный в так называемой Пещере Куропатки и опубликованный Аллегро в 1956 году содержит ряд пророческих благословений и проклятий. Все они приписываются Иисусу Навину и касаются Мессии, который ритуально благословлен здесь его предшественником, тогда как злой строитель города, здесь же, был ритуально проклят²⁸. Нет необходимости включать изображение для того, чтобы предугадать, что ессеи собрали эти, главным образом, библейские формулировки с тем, чтобы применить благословения к Учителю Праведности,

²⁷ *Damascus Document V. 2–4.*

²⁸ Allegro, *The Dead Sea Scrolls and the Christian Myth*, p. 79.

которого они понимали как прообраз Мессии, тогда как проклятья относились к “злому священнику”, предшественнику дьявольской оппозиции минувшей эры.

Таким образом, здесь четко прослеживается то, что можно было бы назвать “взаимосвязью Иисусов”. Иисус Навин является первым прототипом мессианского принципа: завоевателем, законодателем, укрывателем и изначальным хранителем истинного Гнозиса, или тайной доктрины. Затем он находит свое отражение в Учителе Праведности ессеев, новом Иисусе, авторе Новой Торы, который был убит “злым священником”, замучен и повешен на дереве близ Кумрана, известном из Библии как Древо познания, или как Дуб Учителя у ессеев. Учитель Праведности оставил после себя различные пророчества, касающиеся истинного и последнего Мессии (иногда разделенного на две фигуры — царя и священника). Теперь же настало время для прихода третьего Иисуса, а именно, Иисуса из Назарета, казнь которого похожа на убийство Учителя Праведности. Вновь Иисус приносит новый Закон, или Завет, и предсказывает свое собственное второе пришествие во время решающей битвы между добром и злом. Поскольку первые два Иисуса скрыли свои тайные знания и запечатали их до тех пор, пока праведные люди не найдут их в свое время, также и гностический Иисус после своего Воскресения скрывает свое собственное тайное учение, извращенное затем его последователями (хотя, возможно, два или три века спустя), чтобы оно открылось в двадцатом веке в виде евангелий из Наг-Хаммади. В самом деле, это — великий мифический прототип, отражающий и изменяющий многократное перевоплощение архетипа: у трех Иисусов есть органическая связь друг с другом; они являются вождями, разоблачителями, они были принесены в жертву, умерли и вновь явили Гнозис, который всегда ищет свое выражение, независимо от бедствий и превратностей исторической судьбы человечества.

Чтобы завершить тему взаимосвязи Иисусов, было бы полезно рассмотреть отрывок гностического Евангелия от Филиппа в составе Библиотеки Наг-Хаммади:

*Иисус — имя сокрытое. Христос — имя открытое. Поэтому Иисус не существует ни в одном языке, но имя его — Иисус, как его называют. Христос же: имя его, по-сирийски — Мессия, а по-гречески — Христос*²⁹.

Автор этого Евангелия определяет имя “Иисус” как сокрытое, поскольку это имя относилось к Спасителю, но имеет смысл только на еврейском языке. Предположительное значение тайны имени “Yehoshva” (Иешуа, Иисус) может быть следующим: еврейские буквы Yod, Heh, Vav, Heh составляют Тетраграмматон, или четырехчастное имя Бога יהוה. Если вставить так называемую “святую букву” Шин в центр божественного имени, мы получаем имя Иешуа: Yod, Heh, Shin, Vav, Heh (יהשוה). Гностики могли рассматривать эту операцию как дополнение или исправление имени еврейского Бога, потому что в гностических священных писаниях этот бог появляется как несовершенный демиург. Иисус мог, тем самым, появиться как усовершенствованное или более развитое олицетворение Бога Ветхого Завета, способного к вознесению божественного Закона до уровня совершенства и исполнения. Владеющий властью святой буквы Шин, изначальный тетраморфный Бог теперь получает элемент, которым он ранее не обладал. Используя психологические термины, можно было бы сказать, что Яхве обретает сознание в Иисусе, и этот процесс роста осознанности шел от Иисуса Навина, Учителя ессеев и, наконец, достиг своей высшей точки в Иисусе гностиков. Евангелие от Филиппа ясно говорит, что имя “Иисус” содержит некую тайну, но эта тайна не существует ни в одном языке, кроме иврита. Таким образом, вышеупомянутая гипотеза о тайне этого имени ни

²⁹ *Евангелие от Филиппа*, стих 19.

в коем случае не испытывает недостатка в степени своей вероятности³⁰.

Сами ессеи время от времени чувствовали архетипическую связь своего учителя с более ранними духовными фигурами, известными им из священных писаний. Двумя из них (в дополнение к Иисусу) были почтенный старец Иосиф и левит Асаф времен царя Соломона. Иосиф, на первый взгляд, воплощает архетипическое сходство, проявляя себя как святой мученик, в то время как Асаф выступает как вдохновенный прорицатель и чудотворец. Ессеи считали Иосифа прообразом их Учителя Праведности. Существенные указания на это обстоятельство можно найти в нескольких священных писаниях ессеев, в частности, в Книге Торжеств и в Свитке Аввакума³¹, который был одним из первых трех свитков, обнаруженных в 1947 году и содержащих повествование о пророке Аввакуме. В писании, ни коим образом не связанном с ессеями, в Завете Двенадцати Патриархов, часто называемом Заветом Вениамина, мы находим пророчество, соотносимое различными учеными, включая Хью Дж. Шонфилда, с Учителем Праведности, даже с учетом того, что оно якобы обращено к Иосифу. Вот некоторые из заключений, выдвигаемых Шонфилдом относительно этого документа:

За фигурой Иосифа мы легко можем различить еще кого-то, судя по всему, Учителя Праведности, который

³⁰ Автор данной работы не претендует на полное признание этой гипотезы о значении имени Иисуса иначе, чем исходя из собственной точки зрения.

³¹ Аввакум (от аккадского Хаваккук, ивр. **רַבִּיבֵק** “обнимающий”) — восьмой из малых пророков, предсказавший приход Спасителя и пленение Иерусалима [1]. Пророчества его, состоящие из трёх кратких глав, составляют 8-ю книгу сборника 12 Малых пророков (Тре-ассар) в еврейском каноне. Время и место деятельности Аввакума с точностью не обозначено; но из содержания его речей, в которых он жалуется на угнетение слабых сильными и говорит (I, 6) о завоевательных походах халдеев, можно заключить, что он жил во времена первого нашествия халдеев на Иерусалим, при царе Иоакиме.

пострадал от рук преступных и безбожных людей, и чья смерть, как и предполагалось, принесла искупление. То, что это пророчество не относится к Иосифу, отражают и христианские писания: поскольку после слов “пророчество Небес” добавлены слова “Агнец Божий и Спаситель мира”, относившиеся к Иисусу³².

Христиане, сделавшие такое дополнение, несмотря на узость своих намерений, могли чувствовать архетипическую связь между Иосифом, Учителем Праведности и Иисусом, ясно понимая, кому было бы лучше всего подражать.

Связь с Асафом интригует еще больше. В свитке ессеев “Успение Моисея”, упомянутом ранее, встречается, на первый взгляд, бессмысленное имя — Тахо, святой левит, который с семью сыновьями покидает порочный город Иерусалим и поселяется в пещере. Шонфилд пришел к этому убеждению, применив древний шифр еврейских священных писаний и, тем самым, обнаружив, что Тахо — это зашифрованное имя Асаф. (В этом шифре первые одиннадцать из двадцати двух букв еврейского алфавита заменены последними одиннадцатью буквами в обратном порядке. Ключ к шифру — Алеф = Тау, а Бет = Шин, и эта последовательность была названа Atbash.) Теперь возникает вопрос: кто же такой Асаф?

Асаф Бен Берехия описан в нескольких библейских текстах как Левит времен царя Соломона. И в иудаизме, и в исламе он описан как мастер тайных и удивительных искусств, который дает советы царю Соломону в его магической работе, как человек, обладающий знанием истинного и невыразимого Имени Бога. Согласно более поздней версии, он, как говорят, ушел жить в пещеру. Всего этого было достаточно, чтобы ессеи приняли его как предшественника своего Учителя.

³²Hugh Schonfield, *The Passover Plot: New Light on the History of Jesus* (New York: Bernard Geis Assoc, 1965).

Иисус Навин — героический жрец сокрытого Закона; Иосиф — благородный старец, преданный и замученный своими братьями; Асаф — священный маг, который творит чудеса и знает тайну Божественного Имени. Все трое приводят нас к Истинному Учителю, или Учителю Праведности. Возможно, это даже хорошо, что у него нет конкретного имени, поскольку в мистическом смысле он — Иисус, подобно и Иосифу, и Асафу, создателю новой Торы, замученному и убитому, образ смиренного могущественного мага, целителя и вершителя великой духовной работы. И далее в истории появляется Иисус, воплотивший все эти архетипические качества, и он синхронно связан с именами всех трех своих духовных предшественников. Его зовут Иисус, его отец — Иосиф, и — невероятно, но одним из его последних легендарных проявлений, как указано в исламских и азиатских источниках, был никто иной, как таинственный человек по имени Ио-Асаф. Последнее необходимо кратко пояснить.

Древние исламские тексты упоминают о благочестивом духовном учителе по имени Ио-Асаф, или Яз-Асаф. Влиятельная мусульманская секта, известная как движение Ahmadiyya, категорически заявляет, что этот Ио-Асаф есть Иисус, который был распят на кресте и некоторое время жил в Индии.

Все вышеупомянутые соображения довольно ясно дают нам понять, что личность христианского Спасителя — последнее и величайшее архетипическое проявление этого образа в еврейской традиции, которая, наконец, сошлась в универсальном Мессии нового порядка. Иисус, вождь, законодатель, как и его тезка, стал и страдающим Иосифом, и чудотворцем, как Асаф, и именно тогда он был воспринят ессеями как олицетворение дуэта мессий — царя и священнослужителя. И он был принесен в жертву Первосвященником и царем Давидом.

От этого схождения в одной точке остается лишь один шаг до неприкрытой внутри-психической мистики, выра-

женной во всеобщем мессианстве гностиков. Последовательность, идущая от Иисуса Навина, Иосифа, Асафа и Иисуса логически приводит к гностическому Христу, астрономическому Антропосу, или Небожителю. Шонфилд просто поясняет это, говоря о связи Иисуса с мессианским прообразом старца Иосифа:

Используя цитату из Библии о любимом сыне Иакова — Иосифе³³, которого хотели убить его же братья, и который был сослан со своей земли как прототип мессии, он говорит, что ессеи видели в нем прообраз своего Истинного Учителя. От этого прообраза, объединенного с идеей двух Мессий, появился “Сын Иосифа”, Мессия... Он был бы Совершенным человеком, исполняющим Божью волю и страдающим за это. Более высокий полет эзотеризма тогда связал этого Совершенного Человека с астрономическим Совершенным Человеком, первобытным Совершенным Сыном, в заполняющем всю Вселенную сходстве с которым и был создан первый человек на земле, Адам.

Следуя за самыми ранними прототипами (первообразами) или антитипами, как называл их Шонфильд, появился прототип Крещения (исконный Образ), принятый и провозглашенный гностиками. Ессеи предположили эту мысль с замечательной проникательностью, но, вследствие священного таинства своего учения, они не говорили об этом открыто. Аллегорически скрывая и запечатывая его

³³Иосиф в Ветхом Завете — одиннадцатый сын Иакова и первенец его любимой жены Рахили (Быт., 30:24). Будучи поздним ребенком (“сыном старости”), Иосиф был особо обласкан своим отцом, что возбуждало ревность в его братьях. Эта ревность особенно усилилась после того, как Иосиф рассказал им два своих сна: в одном из них снопы, связанные братьями, поклонились снопу Иосифа, а в другом солнце, луна и одиннадцать звезд поклонились Иосифу; эти сны явно указывали на то, что Иосиф будет царствовать над братьями (Быт., 37:2–11). Однажды, увидев Иосифа, которого отец послал за ними, братья решили убить его, однако Рувим отговорил их от этого, и вместо этого они продали его в рабство купцам, караван которых направлялся в Египет, а Иакову сказали, что мальчика сожрал дикий зверь. — *Прим. переводчика.*

кодексом и шифром, они хранили архетип Мессии в своей тайной Торе. В своей чрезвычайно авторитетной ранней работе, посвященной Свиткам Мертвого моря, Аллегро пошел на беспрецедентное заявление:

*Интригующей проблемой, которая возникала во время работы, была расшифровка многочисленных и различных секретных шифров, которыми были написаны несколько работ... чтобы сохранить в некоторых текстах особые тайны*³⁴.

В отличие от них, гностический Христос и прочие мифические и полу-мифические фигуры Спасителя более не скрывались. Религиозный плюрализм крупных столичных центров Римской империи, где процветал гностицизм, покончил с той тревожной скрытностью, которую соблюдали Люди Свитков. Только несколько веков спустя, когда плюрализм прекратился, репрессии со стороны недавно появившейся ортодоксии заставили гностиков вновь прибегнуть к тайне. До тех пор гностический образ Мессии был открыт для пристального взгляда всех желающих. Еврейская навязчивая идея с укрывательством исчезла, наряду с озабоченностью праведностью, постом и другими пережитками старого Закона. Настала новая эра, новый Закон, новое пространство Гнозиса. Однако новое было ничем иным, как сильно раздробленным потомством старого; явная и неявная непрерывность, так или иначе, пребывала между ними. Аллегро справедливо заметил на этот счет:

Гностик (“знающий”) ессеев вновь появляется на литературной сцене как “гностические христиане”, но... нет в действительности никакого оправдания жирной черной линии, которую обычно проводят между нами на страницах истории. Есть непрерывное развитие религиозной мысли под влиянием политического поворота событий, который полностью постижим хронологически

³⁴John Allegro. *The Dead Sea Scrolls: A Reappraisal* (London and New York: Penguin Books, 1956), p. 47.

*и доктринально без искусственного отделения “христианина” от “до-христианина”*³⁵.

Рассматривая движение еврейских эзотерических прототипов и их кульминацию в новый архетип Мессии — Христа гностиков, необходимо помнить, что на такое развитие событий значительно повлиял мощный интеллектуально-духовный прогресс, который не нашел себе места в Палестине, но воцарился в Александрии. Великий город Александра, расположенный на перекрестке многих культур и традиций, дал пристанище и славу движению, стремящемуся к синтезу самых глубинных и самых просвещенных элементов религиозной традиции евреев и так называемых языческих народов древности. Еще за 250 лет до рождения Иисуса мудрецы Александрии совершали попытки привести к единству структуру еврейской и греко-египетской духовности. Со времен просвещенного правителя Птолемея Филадельфийского (325–246 до н.э.), собравшего команду ученых для перевода еврейской Библии на греческий язык, усиливался поток греко-еврейской духовности. Величайшим представителем этого движения был Филон Александрийский (хорошо знакомый с движением ессеев). Он стал первым мыслителем, который будет использовать термин “архетип” в смысле, близком к современной глубинной психологии. Филон Александрийский ясно признавал — так же, как впоследствии и гностики — что пропасть, отделяющая монотеистического Бога от человеческой души, может быть устранена с помощью неких промежуточных духовных существ, а также возвышенных и действительно обожествленных личностей, таких как некоторые из самых великих библейских персонажей. Концепция Филона об архетипах была глубоко увязана с его же учением о духовных существах и четко прослеживалась в других его идеях, в частности, в учении о Божественном Логосе. Этот принцип, по

³⁵ Allegro, *The Dead Sea Scrolls and the Christian Myth*, p. 107.

словам Филона Александрийского, был, в действительности, архетипической проекцией человечества на Бога. Логос был проясняющим, пророческим, священным сиянием Бога, способным дать людям Его знание. Мало того, это понятие, судя по всему, позднее было введено в христианское богословие, и оно также весьма напоминает нам принцип, лежащий в основе воззрений эссеев, особенно относительно их архетипических духовных фигур, таких как Иисус Навин, Иосиф, Асаф и Учитель Праведности. К. Г. Юнг был вдохновлен учением Филона Александрийского и дал имя “архетип” определенному феномену психэ³⁶.

Юнг определил архетип (Urbild, исконный образ) как “образ, будь он демоном, человеком или процессом, который постоянно повторяется в ходе истории и проявляется везде, где свободно выражена творческая фантазия”³⁷. Когда человек сталкивается с одним из этих образов, он ощущает его яркость и неповторимость. Юнг описал это ощущение следующим образом: “Это как если бы мы почувствовали в себе некий отклик, который не испытывали никогда прежде, или словно бы в нас проснулись силы, о существовании которых мы никогда ранее не подозревали”³⁸. Человечество изначально понимало, что архетипы независимы, что они повинуются своим собственным высшим законам, и когда они задействованы в характере внутренних переживаний, они проецируют себя на экран внешнего человеческого опыта. Поэтому архетипы присутствуют одновременно и внутри человеческого психэ, и на исторической арене. В ходе своей жизни Юнг пришел к выводу, что следует разделять архетипы как таковые и архетипические образы. Архетип как таковой, по его словам, не достигает сознания, поскольку

³⁶См. *Mysterium Coiunctionis*, а тж. *Два эссе об аналитической психологии*.

³⁷C.G. Jung, *The Spirit in Man, Art and Literature*, Collected Works. Vol. 15, par. 127.

³⁸К. Г. Юнг, *Структура и динамика психэ*.

он существует в недоступной области психической действительности, “невидимый, ультрафиолетовый конец психического спектра”. С другой стороны, архетипические образы регулярно являют себя в сознании, снах, видениях, архетипических событиях и измененных состояниях сознания. Архетипы, говорил Юнг, пребывают выше человеческого психэ, в то время как архетипические образы внутриспсихичны, то есть они распознаются сознанием. На все эти открытия Юнга вдохновили идеи Платона и учение Филона Александрийского об исконных образах. Вслед за Филоном эту идею продолжили христианские гностики, отразившие свое понимание архетипов и архетипических образов примерно таким же образом, как в следующем фрагменте Евангелия от Филиппа:

*Истина не пришла в мир обнаженной, но она пришла в символах и образах. Он не получит ее по-другому*³⁹.

(В другой линии того же самого высказывания в этом евангелии автор использует фразу “образ через образ”, что может указывать на различие архетипа и архетипического образа.⁴⁰)

Для нас сегодня несколько сложно понять смысл архетипической составляющей в связи с такими личностями духовных учителей, как Иисус Навин, Иосиф, Асаф, Учитель Праведности, а также Иисус. Проницательный писатель-юнггианец Лучинди Ф. Муни пишет об этом следующее:

Архетипические символы, исконные образы, на самом деле, сохранили то же значение, что и было у них всегда. Единственное, что изменилось в христианском мире —

³⁹Евангелие от Филиппа, стих 67.

⁴⁰Дословно в Евангелии от Филиппа сказано: “Есть возрождение и образ возрождения. Следует воистину возродить их через образ. Каково воскресение? И образ через образ, — следует, чтобы он воскрес. Брачный Чертог и образ через образ, — следует, чтобы они вошли в истину, которая — восстановление. Это следует тем, которые не только приобретают имя Отца, и Сына, и Духа святого, но приобретают их для самих себя”. — *Прим. переводчика.*

это отношение к ним религиозного западного человека. Например, форма или физическое воплощение символа, созданная нашими древними предками для того, чтобы выразить внешне внутренние переживания, почти всегда отклоняется и воспринимается лишь как обыденный элемент резьбы или штукатурки. Ничто иное. Как только подобные символы подвергаются рациональному сомнению, они умирают, так как являются выразителями чего-то выходящего за пределы рациональности. Поэтому наша культура, лишенная своих символов, колеблется между двумя мифами, лишившись своего родного дома⁴¹.

Как в Евангелии от Матфея, цитируемого в начале этой главы, так и сегодня нам могли бы справедливо напомнить, что плоть и кровь не могут явить истинный характер архетипа. “Плоть и кровь” представлены в нашем современном мире нашими отчужденными эго, запутавшимися в отчужденной культуре. Однако надежда есть. Большая часть этой надежды, кажется, воплощена в писаниях ессеев и гностиков, обретенных нами много веков спустя. При условии глубокого психологического осмысления их содержания, эти священные писания могли бы полностью изменить печальную тенденцию духовного истощения, на которое ссылается вышеупомянутая цитата. Архетип Мессии говорит нам, что людям он кажется чужаком, поскольку происходит из другого рода, но глубинная психология двадцатого века, наряду с недавно вновь обретенным наследием ессеев и гностиков, которое является истинным ядром западной духовности, возжигает наши родственные чувства к яркому и таинственному незнакомцу. Ключевым словом духовного спасения в древние времена было слово “грех”. Страх перед Богом, слепое повиновение дог-

⁴¹Lucindi Frances Mooney, *Storming Eastern Temples: A Psychological Exploration of Yoga* (Wheaton, IL: Theosophical Publishing House, 1976), p. 158.

ме и заповедям теряют свою власть в условиях развития культуры. Возникли новые критерии духовности, главным образом, происходящие из психологической теории: самопознание, объединение противоположностей, истинность, духовный рост, целостность. Несмотря на путаницу, противодействие и часто детскую наивность, с которой оно употребляется, определение Гнозиса прижилось в нашей среде. Сам этот образ, персона, которая характеризуется людьми, способными воспринять этот Гнозис, начали собирать вокруг себя созвездия. Этот образ архетипичен сам по себе, и поэтому он, если можно так выразиться, резонирует со всем, что отражает свет той, прежней архетипической действительности.

Этот новый образ может, и в самом деле, быть предвестником новой зари и более подходящего мифа для Запада, мифа, способного вернуть недостающие элементы, нехватку которых ощущал Юнг, и без которых наша культура была вынуждена жить, испытывая крайнюю, наиважнейшую нужду в восстановлении целостности.

Поиск архетипов и прототипов в учениях эссеев и гностиков на современном этапе имеет жизненно важное значение. Древние народы мудро считали, что боги бессмертны, и поэтому они пришли к политеистическому видению архетипичных сил психэ. Родившийся в густом тумане древнего еврейского учения, меняясь и совершенствуясь, образ Мессии вновь выходит на тропу истории. Начиная с Иисуса Навина и до мистического и космического героя-бога гностиков, мы видим разворачивание могущественного принципа искупления и целостности, который не потерял своей актуальности для нас даже сегодня. Незначительное признание, данное этому образу, не является тем обстоятельством, которому следовало бы потворствовать и даже принимать его в расчет. Относительно такого подхода Юнг предупреждал нас: "Как мне кажется, мир, если он потеряет из виду архетипические элементы, будет нахо-

даться на грани исчезновения и полного обнищания ума и души”⁴².

К счастью, теперь мы обладаем средством для предотвращения такого обнищания в виде доказательств духовной важности имени архетипической истории образа Мессии-Христа. Близость искупления Бога, о которой говорит прототип образа Христа у ессеев — это всего лишь одна из важных составляющих в рамках этих доказательств. Неизбежная близость Божественности достигает новых и новых высот признания в гностической традиции времен ее расцвета, исследованию которой мы и посвятим сей труд.

Глава 4. Женская Премудрость и отход от одностороннего знания

Джидду Кришнамурти, индийский учитель современной альтернативной духовности, писал в своей ранней, небольшой книге “У ног Учителя”:

Во всем мире есть только два вида людей — те, кто знает, и те, кто не знает; и знание — это единственное, что имеет значение.

Этот афоризм вполне мог бы быть написан приблизительно 1.700 или 1.800 лет назад любопытными и незаслуженно оклеветанными людьми, называемыми гностиками, или Знающими.

К какому знанию обращаются Кришнамурти и его ранние предшественники? Английский язык чрезвычайно беден в выражениях, описывающих тонкие различия философского или психологического смысла. В отличие от него, греческий язык отличает рефлексивное и научное знание от иного знания, основанного на опыте и наблюдении. Это иное знание и называют Гнозисом. В более глубоком и более полном смысле этот термин можно более точно представить как “просветление” или, в рамках глубины психологии,

⁴²C. G. Jung, “A Psychological Approach to the Dogma of the Trinity” in: *Psychology and Religion: West and East, Collected Works*, Vol. 11, par. 295.

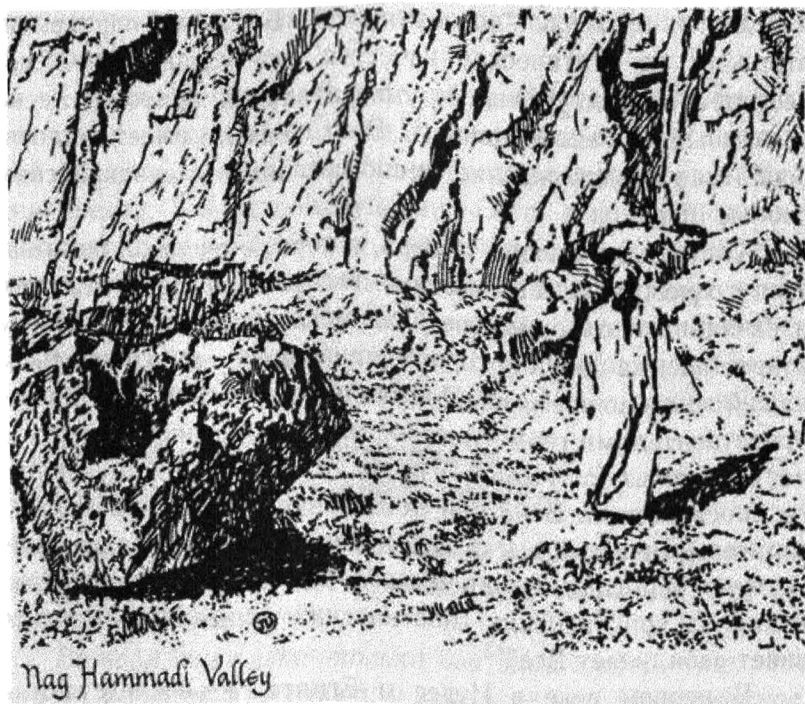
определить его как “осознанность”. В любом случае, он отражает не статическое качество или условие, но, скорее, процесс интуитивной, умозрительной природы, тесно связанный с самопознанием. Этот термин имеет индоевропейское происхождение, тесно связанное с санскритским словом *jñāna*.

Хотя слово “Гнозис” теперь, в первую очередь, связывается с христианскими гностиками первых веков нашей эры, изначально оно понималось как некое бесценное духовное сокровище, на поиск которого отправлялись многие люди до нашей эры и во время ее. Поймандр и Асклепий, оба бывшие представителями герметической школы мистической мысли, часто используют термин “Гнозис” для описания внутреннего просветления. В некоей неназванной армянской коллекции герметических высказываний мы находим предложение, которое решительно напоминает нам некоторые высказывания из христианских гностических евангелий: “Тот, кто знает себя, знает Всё”⁴³.

В первом веке в Иудее и Египте, а впоследствии и на большей части Римской империи появилась странная, новая разновидность людей. Те, кто заводил с ними знакомство, называли их *gnostikoi*, то есть Знающие. Было принято считать, что они обладали тем заветным сокровищем, которое искали столь многие люди — внутренним знанием реальности, — и что они были знакомы с областью сверхчувственного опыта постижения бытия.

Самым ранним из бродячих гностических мудрецов и пророков был Симон, прозванный чародеем, или Симоном Магом. Он был евреем из Самарии, “самаритянином”, как называли его соотечественников. Самаритяне жили на севере Иудеи. Ессеи считали их своими наиболее неортодоксальными соотечественниками. Также как и ессеи, они не посещали Иерусалимский Храм и совершали поклонение на своей собственной Святой горе. Из еврейской Библии они

⁴³(Wheaton, IL: Theosophical Publishing House, 1944), p. 6.

признавали только книги Моисея. Из этого мятежного и отверженного народа и вышел Симон Маг.

Существуют некоторые сомнения в том, что Симон Маг был реальным историческим персонажем. Изобилие рассказов о нем встречается в ранних христианских письменах. Книга Деяний Апостолов (8:10) представляет его как неправедного представителя христианской общины, осуждаемого апостолом Петром, а затем, по-видимому, примирившимся с апостольской церковью. Другие христианские авторы, такие как Юстин Мученик, а также анти-гностические полемисты Ириней Лионский, Ипполит и Тертуллиан говорят о нем как о ненавистном конкуренте апостолов. В других ранних письменах, известных как труды Псевдо-Климента, перечислены некоторые наводящие на размышления подробности деяний Симона.

Судя по всему, Симон вместе с арабом по имени Доштай были учениками Иоанна Крестителя. После своего обучения Симон и Доштай объявили себя мессиями и ездили по дорогам римского мира, проповедуя и совершая таинства. Не исключено, что эти двое людей, которые, как и Иисус, были посвящены Иоанном Крестителем, были охвачены властью архетипа мессии и действовали соответственным образом, поскольку альтернативный спаситель фигурирует бок о бок с Иисусом. Кроме того, римляне считали Симона воплощением Бога и называли его “сильным мира сего”.

Иисуса, Симона и Доштая объединяет не только посвящение, данное Иоанном Крестителем, но и таинственная и спорная связь с подавляемой до настоящего времени и тайной женской стороной еврейской духовности. Эта связь открыто проявляет себя в том, что и у Симона, и у Доштая была ученица по имени Елена, в то время как Иисус был глубоко привязан к своей ученице Марии Магдалине. Как мы увидим позже, эти женщины были больше, чем просто ученицами, и представляли божественное женское начало, наряду с мужским божественным началом Мессии.

Часто предполагается, что евреи были настроены отчаянно против почитания богини во всех ее формах. Такие выводы строятся на высказываниях некоторых пророков, согласно которым еврейская популярная религиозность якобы отличалась женоненавистничеством. Первооснова египетской и вавилонской духовности, которая была весьма тесно связана с ранней еврейской историей, была сильно привязана к женскому божеству, чего часто не хватало еврейскому народу, потому что их вожди дали им одинокого бога-мужчину без спутницы. Весьма вероятно, что в течение столетий простые люди, далекие от теологических предубеждений, были склонны поклоняться Богине наряду со своим Богом. Сообщалось, что сравнительно недавно близ Хеврона и в области Негеб были найдены надписи, относящийся к временам восьмого века н.э., которые

упоминали не только “Бога, который защитит нас”, но также и жену Господа Бога, названную именем Ашера, женской формой одного из имен еврейского Бога. Так же, в пятом веке н.э., еврейские воины, временно размещенные в Египте в Элефантине (близ нынешнего Асуана), имели обычай поклоняться Анат Яху, богине, которую они считали женой их Бога, Бога Израиля. Это еще раз доказывает, что в дохристианской еврейской архетипической структуре женская сторона отсутствовала не полностью.

С первого века до н.э. архетип Божественной Женственности начал проявляться в священных писаниях. Он обретает изящество и тонкость, которая резко противоречит популярному мнению, на которое мы ссылались выше. Раннее еврейское изображение богини, как и его вавилонский вариант, было относительно примитивным и несло, прежде всего, сексуальный подтекст, время от времени принимая форму гермафродита. Новый божественный женский принцип, который проявился и сформировался значительными литературными усилиями александрийских еврейских авторов, не был лишь примитивной великой матерью, но был духовным источником самой высокой божественности, описанной еврейским именем Хокма, Премудрость. Поскольку греческий язык был тогда основным языком образованного населения, Хокма скоро стала известна под своим греческим аналогом — Софией. Основным литературным трудом, посредством которого Хокма-София совершила свое великое восхождение на трон александрийской и еврейской духовности, была Книга Премудрости Соломона, которая в действительности представляла собой переосмысленное и исправленное содержание определенных элементов до настоящего времени сокрытой еврейской традиции женской божественности времен первого века до н.э.

Так впервые появилась София, женская премудрость Бога, впоследствии столь тесно связанная с гностиками. Поначалу она изображалась как Дух Божий, проникший во

всё сущее. В Книге Премудрости Соломона она выступает творцом (“сотворившая всё сущее”), всемогущей (способная “исполнить всё”) и как мать, обладающая даром мудрости и предсказания (“присутствует в душах святых всех поколений, творя пророков и друзей Господа”). Конечно же, в этой работе отражается эхо древней идеи того, что Хокма-София может быть Божественной супругой Господа: “Она прославляет его благородство, будучи сведущей в Боге; и Бог любит ее превыше всего сущего”. Возможно, что еще более важно, эта женская премудрость также становится любимой женщиной и музой праведных и мудрых. Соломон, архетипический мудрец, объясняется ей в любви: “Ее я любил и искал в своей юности, ее я желал взять в жены: и я стал почитателем ее красоты”. Кроме того, автор Книги Премудрости Соломона призывает руководствоваться ее Гнозисом для должного ведения мудрой и святой жизни:

Отправить ее ко мне с Твоих святых небес и от престола Твоего величия, чтобы она могла быть со мной, и вершить дела со мной, и я буду знать, что будет одобрено тобой, потому что она знает и понимает всё, и будет мудро направлять меня в моей работе, и давать мне свою силу⁴⁴.

В то время как Книга Премудрости Соломона, можно сказать, представляет женскую Премудрость посредством самых высоких образов, эта Премудрость уже была представлена подобным образом в древней библейской Книге Притчей Соломоновых. Премудрость описана там идущей по земле и громко кричащей по улицам, призывая людей оставить их путь ребенка и отбросить их ненависть во имя Гнозиса. В той же самой книге Премудрость получает приоритет в Сотворении и называется первенцем Бога, соратником в Его деяниях, а также восхищается Его Сотворением мира и человека⁴⁵.

⁴⁴Книга Премудрости Соломона.

⁴⁵Книга Притчей Соломоновых.

Таким образом, мы находим, что вновь обретенная Премудрость того периода была представлена как человек, и, начиная с Книги Премудрости Соломона, этот человек обретает отчетливые женские черты. Архетип Женской Премудрости явился в образе прекрасной женщины, Богини под покровом таинственности, покровительницы и возлюбленной всех искателей мудрости.

Приняв во внимание доводы добросовестных читателей Притч и Книги Премудрости Соломона, отметим, что Женская Премудрость изначально появляется как эфирный дух высших миров, но позже она материально воплощается как женщина. Первым, кто признал мифологическую составляющую Женской Премудрости в образе женщины, был вышеупомянутый Симон Маг. Согласно мифу, Симон встретился с женщиной по имени Елена и признал в ней Первейшую Мысль (синоним Премудрости), которая когда-то давно снизошла в сотворенный мир и подверглась повреждению и вырождению. Сам Симон, как говорят, поэтически выразил это следующим образом:

*Вначале Отец задумал явить ангелов и архангелов.
Его замысел отделился от него и стал Мыслью, знавшей
намерение Ее Отца.*

Так она снизошла в низшие сферы.

Она породила ангелов и силы, которые создали мир.

Но после того как она создала их, она была пленена ими.

Она претерпела от них много страданий,

Но она не могла возвратиться к Отцу.

Она была заперта в человеческом теле.

И так, от эпохи к эпохе, она переходила от тела к телу,

Пребывая то в одном женском теле, то в другом...

Так она была потеряна⁴⁶.

Одним из женских тел, обладающих Первейшей Мыслью, как говорил Симон, была Елена Троянская, самая красивая и роковая женщина, известная древним грекам.

⁴⁶Hymns of Thanksgiving, Col. VII.

В системе Симона Отец, как и Первейшая Мысль, возникает в Тишине и обретает всю полноту существовавшей когда-либо до этого безграничной власти. Так, изначальное единство ясно демонстрирует основную двойственность, состоящую из мужского принципа (Отец, также **Νόος**, то есть, Разум) и женского принципа (**Ἐπίνοια**, Первейшая Мысль). Женская Премудрость теряется в космосе, а мужской принцип вынужден спуститься в низший мир, чтобы спасти принцессу из темницы. Симон, как могло бы показаться, рассматривал себя как воплощение испуительного мужского начала, в то время как Елену он понимал как последнее проявление отпавшей мысли о Боге. (Ранние христианские авторы утверждали, что Елена была проституткой, но подобные заявления могли быть неверно истолкованы Ж. Киспелем.)

Используя минимальное количество сложных терминов, мы могли бы обобщить историю Симона следующим образом. Был человек, посланный Наивысшим Богом, и этого человека звали Симон. Он был светом, ниспосланным свыше, и он был умен и подобен Солнцу. (С точки зрения Каббалы его имя звучит как Шимон, и в основе своей оно содержит еврейские буквы Шин и Мем, которые, с повторением в конце буквы Шин, становятся словом Шемеш **שמש**, Солнцем, символом света и ума, разума, или искупления истины, принципом Гнозиса.) Также была женщина по имени Елена, являвшаяся воплощением Мировой Души, в то время как Симон был Мировым Разумом. Она также была светом, но мягким, подобным ночному сиянию яркой луны, и имя ее происходит от имени Селена, Луна. Спустя множество жизней в земных телах, Елена, наконец, почувствовала приближение своего освобождения, и она знала о том, что ее астрономический вечный двойник придет на землю и найдет ее. Близнец должен явиться в теле мужчины, потому что сама она родилась в теле женщины. Так она нашла приют в прибрежном городе Тире, где привыкли останавливаться

многочисленные путешественники, и она надеялась, что один из них мог бы быть ее космическим спутником и освободителем. Как это часто случалось, она была обязана продать себя в рабство, чтобы получить еду и крышу над головой.

Однажды человек средних лет с величественным лицом посетил место, где в неволе жила Елена, и он сразу же признал ее Душой Мира. Он выкупил ее и отправился с нею в большое путешествие. Вместе шли они пыльными дорогами Сирии и Палестины, пересекающими Римскую империю, и они обращались к душам, несущим в себе иску света, к потенциальным посвященным, чтобы те могли собраться вместе и свободно присоединиться к ним. Годы шли, Симон старел, и зрение его испортилось, поэтому Елена вела его за руку от города к городу с целью освобождения душ. Люди, как гласит гностическая легенда, всё еще могут увидеть, как молодая женщина идет по тропе мира, ведя за руку пожилого, величественного мага. И те, у кого есть глаза, чтобы видеть, могут узреть, что у старика за спиной сияние Солнца, в то время как молодую женщину сопровождает яркий свет Луны. Многие легенды и повествования всех времен выражают эту вечную историю: Фауст и Елена Троянская, Спящая Красавица и Принц, Кандри и Парсифаль, Дульсинея и Дон Кихот. Меняются имена и времена, но актеры остаются теми же. Елена и Симон, Мировая Душа и Мировой Разум всё еще среди смертных и всё еще творят свои дела, а их Прародитель всё еще живет посреди Великой Тишины.

Освобождение Елены посредством влияния Симона явилось примером для искупления всех других людей от рабства ложного космоса, в котором они оказались. Объединение Мировой Души и Мирового Разума, сердца и головы, связь Эроса с Логосом явили архетип, который с тех пор был крайне важен для любой формы Гнозиса — архетип творческого объединения противоположностей, которое

приводит к свободе от ограничения и к рождению нового и более высокого сознания. Учение Симона воплощено не в одиноком Мессии, как у ессеев, но в творческой и искупительной власти божественно-человеческой пары. Спаситель ессеев был уединившимся мудрецом, подразумевающим духовную андрогинность только в форме монашеского целомудрия. Учитель Праведности говорит в одном из торжественных гимнов, найденных в пещерах Кумрана: “Ты сделал меня отцом сыновей благодати, и, обретя отца, они заранее открывали рты при виде меня, словно грудные младенцы”. И, примерно таким же образом, Учитель приписывает аскетически-андрогинные особенности Богу: “Ты бо еси Отец — все (сыны) Твоей Истины, и как женщина, которая нежно любит своего малыша, так и ты радуешься за них; и я как приемный отец, держащий ребенка на коленях, ощущаю, как все создания Твои нуждаются в Тебе”. Пассивные и аскетичные ессеи всё еще были обязаны предполагать, что их Бог играл двойную роль мужчины и женщины, в то время как Симон освободил Гнозис и больше не нуждался в таких психических хитросплетениях.

В гностической системе Симона (в первой подобной системе за всю историю) отчаянный, навязчивый акцент на праведность, который мы находим у Людей Свитков, уступает место свободе и либертарианству. Поскольку Симон жил во времена Иисуса, он, конечно же, был знаком с отменой Закона Моисея, провозглашенной раввином Назареем. Поскольку Иисус призывал к установлению нового закона милосердия вместо строгого правосудия, Симон проповедовал свободу от ограничений еврейской ортодоксальности и иноверия ессеев. Ограничение — это запрет, наложенный на мир ангелами тирана-создателя, говорил Симон, тогда как свобода от ограничения — это следствие естественного Гнозиса. Несколько фрагментов писаний Симона, доступных нам, указывают на то, что он беспокоился не об освобождении евреев от политического притеснения, но об

освобождении душ мужчин и женщин от того, что сегодня мы называем психологическими ограничениями, такими как односторонность и узость сознания. В так называемом Большом Объявлении он четко отразил свой величественный гностический миф о Первейшей Мысли (или Мировой Душе) и Мировом Разуме, тогда как в тексте “Четыре Четверти Мира” он, вероятно, вынес на обсуждение магический образ Вселенной. И в *Sermons Refuter* он, кажется, раскритиковал Бога еврейской Библии и повлиял на переосмысление Книги Творения в свете глупости создателя, который заключает в тюрьму своих человеческих детей в “раю дураков”, чтобы мудрый Змей помог им освободиться.

Из этих уцелевших фрагментов учения Симона очевидно, что почти все основные моменты более поздних гностических систем уже присутствовали в его наследии. В итоге их можно свести к следующему:

(1) Миф о Софии, женской Мировой Душе, плененной низшим миром и освобожденной своим божественным близнецом, который затем становится ее спутником;

(2) Магическое представление о космосе и вытекающая из него потребность в Священном таинстве ведет к освобождению и целостности; и

(3) Открытие ошибочности Ветхого Завета и его Бога с вытекающей из этого потребностью в новом руководстве, или “соглашении”, в котором ветхий Закон был бы объявлен более недействительным и был бы провозглашен новый Закон свободы и любви.

Говоря о третьей особенности, интересно отметить, что Симон, как самаритянин и как гностик, противостоял еврейской группе первых христиан, которые были представлены Петром, иногда известным как “апостол обрезанных” с учетом его верности еврейским традициям. Предания, развитые христианами хулителями Симона, вовлекли его в длительное соперничество и соревнование с Петром, насыщенное поединками, демонстрирующими удивительные

чудеса и битву за то, что сегодня можно было бы назвать духовным преимуществом. Весьма интересно, что обоих мужчин называют Симоном (Симон Маг и Симон Петр). Следующий еврейским обычаем христианский апостол и Симон Маг появляются как две стороны одного и того же или, по крайней мере, похожего архетипического образа. Было даже предположено (как это сделали ранний исследователь гностицизма В. Баур⁴⁷ и его Ново-түбингенская школа), что Симон Маг — это всего лишь маска апостола Павла. Христианство для ограниченного круга людей апостола Петра, таким образом, противостояло универсальному христианству апостола Павла. Это предположение нельзя считать верным буквально, но, тем не менее, оно может содержать определенную долю символической истины. Можно сказать, что в сопоставлении Петра и Симона мы находим символическое противоречие христианства, ставшего впоследствии нормативным и ортодоксальным, освобождению и тому гностическому христианству, которому учил сам Иисус, и которое церковь Петра, под влиянием архетипической структуры Ветхого Завета, стала отрицать. И, конечно же, верно и то, что христианство Павла с его открытостью нееврейскому населению и его плюралистическим взглядом на церковь, разумеется, было ближе к духу Гнозиса Симона, нежели вера его более твердого товарища.

Нужно помнить также, что Симона справедливо назвали *Magus*, или Маг. Как таковой, он был наследником архетипа Мессии, который был явлен ранее в Левите Асафе, очень уважаемом ессеями авторе многих псалмов. Принимая во внимание, что Иисус, прежде всего, воплотил в себе архетип Страдающего Святого и Героя-Завоевателя (и лишь незначительно — архетип Священнослужителя и Мага), Симон появился как мудрец и чудотворец, управляющий стихиями, возносящий хвалу алхимическому огню (который он

⁴⁷Баур (Baур) Фердинанд Христиан (1792–1860) — немецкий церковный протестантский историк, глава Ново-Түбингенской школы.

в своем Большом Объявлении представляет как символ Универсального Корня бытия), проповедовавший и сотворивший множество удивительных чудес. В первую очередь, нам известна предполагаемая способность Симона летать. В сирийской работе третьего века, названной *Didascalia*, указано, что Симон взлетает, а Петр чудесным образом заставляет его упасть и сломать лодыжку. Евсевий в своей работе по истории церкви (324 г. н.э.) пишет, что Симон, когда встретил Петра в Иудее, просто поднялся в воздух и улетел в западном направлении. В Деяниях Петра И Павла Симон получает божественный призыв вернуться в Рим, и он летит по воздуху из Ариции в Рим, достигая городских ворот в облаке дыма. Возможно, в более значительном источнике четвертого века мы найдем Симона, едущего в колеснице, запряженной четырьмя огненными лошадьми.

Что же мы думаем о легендах об этом *Гностика Икара*? Мотив полета не встречается ни в Ветхом, ни в Новом Завете. Пророк Иезекиль, в некотором смысле, считался покровителем всех мистических полетов, поскольку в своем известном видении он созерцал божественную колесницу с престолом, на котором сидел Бог в окружении четырех крылатых существ, названных *Курубимами*⁴⁸. Эта колесница-трон, названная по-еврейски *Меркабой*, стала мистическим архетипом определенного направления еврейской мистики. Во время такого духовного полета, как говорят, душа оставляет свое тело и поднимается сквозь различные промежуточные области к Божественному престолу. Некоторые ученые утверждали (в частности, Гершом Г. Шолем в своей упомянутой выше работе “Основные тенденции в еврейской мистике”), что подобная практика мистического полета дала начало более поздней системе Каббалы, происходящей из традиции тайного еврейского Гнозиса. Для нас особенно знаменательно то, что Свитки Мертвого моря содержат фрагменты, где говорится о славе Божественной колесницы

⁴⁸Ezechiel X.

и о видении “Великолепного Лица” среди “Ангелов Познания”. Таким образом, мистическая Меркаба и ранняя кабалистика могли быть знакомы ессеям так же, как и практический метод “полета на колеснице.”

Симон, казалось бы, унаследовал от ессеев таинственную способность летать и усовершенствовал это искусство посредством своей магии. Отсюда и происходит духовная метафора полета. Со времен Симона гностики всегда знали, что для того, чтобы достичь освобождения, новопосвященный должен найти способ выпустить свой Дух, заключенный в тюрьму ограничений грубого материального тела, позволив ему взлететь и вполне насладиться своей истинной небесной обителью, словно птице, выпущенной из клетки. Это — еще одно подтверждение того, что традиция ессеев предшествовала гностической традиции. Кроме того, мы находим описание этой идеи ессеев в словах Иосифа:

Они неоспоримо верят в то, что тело бrenно и состоит из непостоянной материи, но душа бессмертна и нетленна. Будучи созданными из самого прекрасного эфира, эти души заперты в тюрьме тела, которое пленило их неким естественным желанием; но как только они освобождаются из уз плоти, как будто из долгого рабства, они радуются и несутся ввысь⁴⁹.

Мало того, что здесь мы еще раз убеждаемся в преемственности ессейской и гностической духовных практик, но мы можем также найти и связь между еврейской альтернативной традицией и практикой шаманских путешествий. Универсальный опыт издревле известной личной техники экстаза — это выход из тела и полет души на большие расстояния. Мистические полеты — это яркая черта историй пророков, таких как Илия, Иезекиль и Мухаммед, так же как ведьм и колдунов, преследуемых инквизицией. Симон, летающий гностик, оказывается, тем самым, в поистине выдающейся компании.

⁴⁹Иосиф, Быт. II, viii, II, pag. 154–155.

Симон увидел Мировую Душу в Елене так же, как его соратник Досифей — в другой Елене. В течение многих веков считалось, что поступок этих двух мужчин был отличен от поступка Иисуса, который просто искупил падшую женщину, Марию Магдалину. Но недавнее открытие евангелий из Наг-Хаммади представило вниманию христианского мира иную версию, принимаемую, по крайней мере, некоторыми христианами первых веков, согласно которой Иисус считал Марию Магдалину такой же спутницей-Софией, каковой Симон видел Елену. Мало того, что Мария Магдалина была любимицей гностического Иисуса среди многих его учеников, но, как сказано в Евангелии от Филиппа, она была также и космической спутницей Иисуса:

Трое шли с Господом всё время. Мария, его мать, и ее сестра, и Магдалина, та, которую называли его спутницей. Ибо Мария — его сестра, и его мать, и его спутница.

София, которая называется бесплодной, мать ангелов. И спутница [Сына — это Мария] Магдалина. [Господь любил Марию] более [всех] учеников, и он [часто] лобзал ее [уста].

И всё же, было бы ошибочным предполагать, что у таких мессианских фигур, как Симон, Доштай и Иисус были близкие личные отношения с этой особенной женщиной. Пара Мессии и Спутницы Мессии имеет все признаки мифа в самом истинном значении этого слова. Эти двое главных героев появлялись во многих различных формах и были названы множеством имен. Наиболее явно это прослеживается на примере мистической спутницы Симона, Елене, имя которой (когда оно связано с богиней Селеной) означает “факел”, и которая считалась Симоном и его последователями перевоплощением Елены Троянской. Эта женщина, красота которой вызвала Троянскую войну, обладала сверхъестественным сиянием, так что, когда она спала в Трое, ее греческие соотечественники могли узнать,

где она находится, почувствовав сияние, исходившее из ее комнаты. Цитируя Симона, отец церкви Епифаний упоминает этот эпизод как метафору гностической роли Елены в просвещении человечества:

Своим сиянием, как я бы сказал, она являла высший свет... Как фригийцы, привезя деревянного коня, по незнанию сами привели себя к гибели, так и язычники, то есть все люди, которым неведом свет Гнозиса, сами ведут себя к гибели...

Следовательно, Елена символизировала свет божественного знания, и ее роль на земле заключалась в том, чтобы провести людей сквозь тьму материи обратно к Богу. Мировая Душа, спасенная из изгнания, обеспечивает победу сил света, распространяя свое собственное сияние. София, Премудрость, явилась в образе женщины и стала спутником и даже равноправным партнером в деле освобождения. Понятие одинокого Спасителя-мужчины, утвердившееся затем в господствующем христианском мире, противоречит видению таких мудрецов, как Симон и его последователи. Гностики почитали как своих апостолов не только просветленных мужчин (Симон, Иисус), но также и просветленных женщин (София, Елена, Мария Магдалина) как сотрудников или помощников в деле спасения. Вслед за знанием явилась Премудрость, причем, что редко бывает в истории, Женская Премудрость. Унижаемая и преследуемая, из эпохи в эпоху побеждаемая и подавляемая, она явилась, чтобы на время обрести власть и любовь своих последователей — гностиков, которые должны были вписать ее имя в тревожный рассказ, составляющий историю христианского мира и западной культуры. Вновь и вновь вечный женский голос оставался неслышимым гласом вопиющего в пустыне, но гностики уважали ее, почитали ее и возносили ей молитвы. Со времен Симона Мага их традиция вышла из тени еврейской патриархальности и обрела свою уникальность, свою власть очаровывать и преобразовывать сердца и души тех,

кто так долго желал увидеть лицо госпожи Премудрости. Жак Лакарье, французский поэт и поклонник гностицизма, стремясь подвести итог, превосходно написал:

Существенным моментом всего, что связано с Симоном Магом (и гностицизмом) является образ исконной Пары, образ Желания... возвеличенный как изначальный огонь мира и источник освобождения, который есть образ Премудрости, воплотившейся в теле Елены, упавшей с высоты небес в глубины истории, чтобы научить людей, что путь к спасению лежит через союз с божественным сиянием, явленном в теле женщины.

Глава 5. Одиссея Гнозиса

Путешествие гностицизма началась долгими дорогами Самарии, но не закончилось ими. Двое учеников Симона принесли его учение в Антиохию и Сирию. Их звали Сатурнин и Менандр. Они проповедовали бытие Невыразимого Бога и большую промежуточную иерархию ангельских существ, не все из которых были доброжелательно настроены к человечеству. Твердое единобожие иудаизма, унаследованное ортодоксальным христианством, преподносилось этими учителями как грубое упрощение. Личный Бог, создатель, законодатель, тиран и судья своей вселенной — как говорили Сатурнин и Менандр — не является единственным и истинным Богом. Истинная Божественность — это безличная целостность, совершенно превосходящая человеческий разум и недостижимая для него на нынешнем этапе его развития. Эта Божественность, упоминаемая время от времени как Невыразимый Отец, пожертвовала частью своей возвышенной сущности и создала в ней космос. Он также создал много ангелов и творящих духов, некоторые из которых окончательно отдалились от своего источника и стали считать себя единоличными правителями. Традиционная космология древних евреев уже признавала то, что планеты не были инертными светилами, но были воодушев-

лены силами ангелов по приказу Иеговы. Звездные ангелы и другие правящие духи появляются в этом гностическом представлении как тираны и ограничители. Они — узурпаторы, которые помыкают человечеством и творением ради собственного величия и славы. Знающий обязан понять это и всегда освобождать себя от власти этих сил. Их господство существенно затрудняет человеческую жизнь, потому что младшие прислужники тиранов подчиняют души людей, а освободиться от них можно путем эмпирического опыта Гнозиса.

Такие мифы — это явно не “Библия” в понятии евреев или христиан и, при этом, не философский трактат, содержащий непоследовательные рассуждения о происхождении и природе человека. Скорее, они основаны на том, что можно назвать опытом психо-духовного знания. Они являются тем, что Жиль Киспель проницательно назвал “мифологизированным опытом Самости”.

Примечательно, что именно в Египте, а не в Палестине, Антиохии или Сирии гностицизм достиг своего наивысшего и наиболее полного расцвета. Это обстоятельство, при ближайшем рассмотрении, становится более понятным, чем могло бы показаться на первый взгляд. Эллинистический Египет был не только местом собрания и трансформации религиозных традиций и разнообразных духовных направлений, но также и местом, где существовали колонии ессеев. Людей Свитков собралось в Египте очень много, возможно, даже больше, чем в Палестине. Именно здесь Птолемей Филадельфийский (309–246 гг. до н.э.) изучал греко-египетскую линию и ранее отмеченный перевод еврейской Библии на греческий язык. Эта версия известна как Септуагинта. Здесь иудаизм встретил на своем пути учение Платона, мистерии Сераписа, Исида, и здесь набожность ессеев была подвергнута очищению и развитию под влиянием наследия всей мудрости мира. Неудивительно, что проповедующих гностиков приветствовали в Александрии и

других египетских областях, и что они обрели множество последователей.

Симон и, в меньшей степени, Сатурнин и Менандр были странствующими пророками. Следующее поколение учителей Гнозиса нашли приют в городах, или, что вернее, в городе Александрии, духовной столице Римской империи, а также в большей части мира. Принимая во внимание, что гностицизм отличается от большинства западных религий тем, что не имеет никакой личности основателя, он скоро становится глубоко связанным с еще юным движением христианства и с его основателем, Иисусом. Не подлежит сомнению тот факт, что один из самых ранних популяризаторов христианского учения, Луций Харинус, ученик Иоанна Богослова, был убежденным гностиком. Повествования от лица апостолов (а именно, от лица Петра, Андрея, Иоанна, Фомы и Филиппа) пользовались широкой популярностью и сыграли важную роль в распространении христианства. Эта литература не считалась еретической, по крайней мере, некоторое время, а ее авторов уважали как близких собратьев автора Четвертого Евангелия. Другой великий учитель Гнозиса, Василид, считался учеником Главка, который в юношестве сидел у ног апостола Петра. Василид проповедовал в Александрии приблизительно в 117–138 г. н.э., и его школа распространилась до Испании стараниями одного из его преемников, Марком Мемфисским. Учение Василида в той форме, в какой оно доступно нам, говорит о том, что он подчеркивал важность понятия о Невыразимом Боге, полностью трансцендентном, непостижимом и находящемся вне всяких категорий бытия. Вот некоторые из его высказываний, записанных отцом церкви Ипполитом:

Оно было, когда ничего не было, но это ничто не было чем-то из сущего, но — просто, ясно, без всяких софизмов — было всецелым ничто. И когда я использую этот термин, я не хочу сказать тем самым, что оно

было, но лишь обозначить его некоторым словом, и я использую выражение “было всецелым ничто”.

Ничто не было ни материей, ни веществом, ни чем-то из вещества, оно не состояло ни из чего, было необратимым, невосприимчивым, ни человеком, ни ангелом, ни Богом; ни чем-либо вообще, для чего человек когда-либо находил название, ни какой-либо операцией, находящейся в пределах человеческого восприятия или мышления.

Василид, очевидно, был знаком со многими восточными учениями, писаниями Заратустры и идеями, пришедшими из Индии. Возможно, благодаря этим источникам, мы можем отметить тот замечательный факт, что его видение поднимается даже выше архетипического мира Платона и достигает такой высоты, что может рассмотреть Абсолют, безымянное Единство, которое может выразить только тишина.

Бардесан, или Вардесан, родившийся в 155 г. н.э. на берегу реки Дайсан в Сирии, имел знатное происхождение и был близким советником местного правителя, которого он обратил в гностическую форму христианства. Таким образом, между 202 и 217 гг. н.э., там фактически существовало гностическое христианское государство Сирия, которая была впоследствии разрушена римским императором Каракаллой. Бардесан, однако, продолжил проповедовать в Армении, Месопотамии и Сирии; он умер в 233 г. н.э. Он был автором очень красивых од и гимнов; считается, что прекрасная мифическая поэма, известная как Гимн Жемчужине, была написана им⁵⁰. Его книга, состоящая из 150 гимнов, использовалась христианской церковью в Сирии, пока эти гимны не были заменены, примерно 170 годами позже, более ортодоксальными гимнами, составленными Св. Ефремом. После смерти Бардесана его дело продолжил его сын Хармоний, который также был известен как поэт и музыкант. Примем к сведению: часто считается, что подход Бардесана к христианскому Гнозису характеризовался

⁵⁰Глава 9 данной работы.

несколько необычными аскетическими тенденциями, а его учение делало также значительный акцент на Божественной Женственности, что иллюстрирует следующий тройной фрагмент его гимнов, сохраненный Св. Ефремом:

*Ты — источник радости,
Заповедные Врата,
Широко открытые Матерью;
Что ведут к познанию сущего,
Измеренного и основанного.
Как Отец и Мать
В своем союзе посеяли.
Совместно сотворили плод.
Позволь той, кто придет после тебя ко мне
быть дочерью и сестрой тебе.
Когда я смогу узреть,
Как во время праздничного ужина,
Молодую деву, дочь и сестру,
Сидящую на твоих коленях.*

Священные писания играли большую роль в учении и практике многих религий. Среди таких религий — их иудейско-христианско-исламская семья, которая, кажется, имеет особо пылкое пристрастие к своим священным писаниям, время от времени считая истинной верой написанные слова. Раннее христианство сталкивалось со значительными проблемами из-за своего евангелия, поскольку его основатель неоднократно выказывал явное непочтение к еврейским священным писаниям и, кроме того, объявил, что принес новый закон, очевидно, заменяя им старый. Человеком, который очень пронизательно отнесся к этой проблеме и решил ее, был живший на южном берегу Черного моря христианский священнослужитель и судовладелец по имени Маркион, который, будучи хорошо знакомым с александрийскими учителями Гнозиса, развернул значительную деятельность в Риме между 150 и 160 гг. н.э. Он был епископом и сыном епи-

скопа и имел большое влияние в различных христианских общинах.

Маркион утверждал, что Бог, о котором говорил Иисус, и Бог Ветхого Завета — не одно и то же существо. Бог Иисуса — Милосердный Бог, говорил Маркион, тогда как Бог еврейской Библии — лишь Праведный Бог. Много веков спустя современная школа библейской критики приняла точку зрения, весьма схожую с точкой зрения Маркиона. Дж.Р.С. Мид, комментируя положения школы Маркиона, очень убедительно написал:

Христос проповедовал всеобщую доктрину, открытие нового Доброго Бога, всеобщего Отца. Они попытались привить ее Иудаизму... кредо малочисленной страны, из-за этой печальной ошибки было неправильно понято учение Христа. Христос не был Мессией [ожидаемым господствующей тенденцией в иудаизме — S.A.H.]. Мессия должен был быть земным царем, предназначенным для одних лишь евреев, и он еще не явился. Поэтому псевдоисторическая, “чтобы это могло исполниться”, школа сфальсифицировала и исказила изначальное Слово Божие невежественными и ошибочными толкованиями, из которых она сплела собирательное учение, чтобы все были довольны⁵¹.

Нужно было что-то делать. Поэтому Маркион решил исправить существующий порядок. С огромным знанием дела он собирал материал, касающийся Иеговы в Ветхом Завете, и выписывал его в параллельных колонках наряду с высказываниями и деяниями Христа. Результат был сокрушительным. Противоречия и несогласованность потрясли и обеспокоили всех, кто столкнулся с ними. Иегова, в лучшем случае, выступал как строгий Бог Правосудия, тогда как в худшем он вел себя как капризное, жестокое и своевольное Существо. В обоих своих аспектах он казался очень далеким

⁵¹G.R.S. Mead. *Fragments of a Faith Forgotten* (New Hyde Park, NY: University Books, 1960), p. 180.

от идеала Доброго Бога, проповедуемого Иисусом. Маркион почтительно относился к личности и традиции апостола Павла, который, как он говорил, был первым, кто действительно понял миссию Христа, и кто спас христианство от провинциализма и мелкого сектантства, состоящего из тех, кто пытался следовать за Иисусом, не понимая его. (Это рассуждение ни в коем случае не было необычным среди учителей Гнозиса и было основано на том факте, что Павел имел духовный опыт общения с Христом на пути в Дамаск и, таким образом, обрел опыт Гнозиса, превосходящий опыт тех, кто просто видел Иисуса во плоти.) Маркион считал подлинным Евангелием версию Евангелия от Луки, которое, по его словам, было, в основном, работой апостола Павла.

Одним из самых спорных и наиболее привлекательных учителей Гнозиса был Карпократ, который, вместе с женой Александрой и сыном Епифанием (ряд людей подвергаются сомнению историческое бытие их обоих) осуществлял контроль над влиятельной школой гностицизма. Ириней Лионский описал Карпократа и его школу злонамеренно и со скандальными подробностями, в то время как несколько более заслуживающий доверия Климент Александрийский (150–205 гг. н.э.) сообщает нам, что Карпократ был греком, родившимся на острове Кефалония, но обосновавшимся в Александрии и проповедовавшим там во времена власти императора Адриана (117–138 гг. н.э.). В то время как отцы церкви обвиняли Карпократа и его школу в применении сомнительных методов (прежде всего, имевших сексуальный характер), нет никаких подлинных доказательств, указывающих на то, что эта особая группа гностиков была чем-либо иным, нежели культурным, высокообразованным и преуспевающим кругом александрийцев, состоящим из городских интеллектуалов со свободными представлениями и привычками. Некоторые из идей этого круга были сформулированы в трактате о правосудии, который, возможно, было написан сыном Карпократа, Епифаном. Это священное

писание выдвигает определенные идеи, которые были весьма распространены в христианских общинах того времени или, скорее, в коммунах, в которых разногласия по поводу личного имущества и семейных связей были сведены к минимуму. Также огорчает то, что Климент Александрийский, который, судя по всему, составлял некую конкуренцию Карпократу, послужил одним из наших основных источников информации по данной теме. С уверенностью можно сказать то, что Карпократ, наряду с большинством гностиков, учил освобождению от одержимости правилами и ограничениями раздробленной структуры Закона, и что он считал тенденцию некоторых христианских лидеров (возможно, включая Климента) поступаться свободой во имя веры проявлением господства старого, бесполезного Закона.

Наиболее интересной идеей этой школы является концепция Гнозиса Монады и ее интерпретация с точки зрения перевоплощения или переселения душ. Монада, или Изначальная Единица, является началом и концом всего бытия. Но область бытия содержит в себе многочисленные конечные духовные единицы, которые в интересах поддержания своих собственных отдельных сфер влияния рано или поздно вступают в борьбу с Изначальной Единицей, которая затрагивает всё сущее. Такой спустившийся на землю дух вводит различные ограничения в той области Вселенной, над которой они доминируют. Людям, прежде всего, необходимо вспомнить о своем изначальном состоянии и происхождении, чтобы, руководствуясь этими воспоминаниями, они могли бы подняться выше ограничений раздробленности и возвратиться к единству Монады. Таинство воспоминания (*anamnesis*), тем самым, впервые уверенно появляется в доступной нам гностической литературе. Экзистенциальная и психологическая проблема человеческой души, согласно этим представлениям, заключается в том, что она не в состоянии вспомнить, кто она и где находится ее истинный дом. Многие вспомнят всецело гностическое высказывание

современного британского автора Колина Уилсона о том, что человек — это бог, страдающий от амнезии, лени и кошмаров. Но как, спрашивается, вылечить эту амнезию? Ответ, данный Карпократом и его школой, гласит, что истинную память может вернуть целеустремленный или, как мы могли бы назвать его сегодня, сознательный опыт перевоплощения. За цикл своего существования душа должна пройти множество воплощений, которые, при тщательном отслеживании и усвоении уроков, могут привести к преодолению самозабвения. Посредством осторожного самонаблюдения человеческие души в состоянии избавиться от оков ограничения, наложенного на них снизошедшими на землю духами. Они освобождаются от повторения цикла жизней и событий и могут обрести состояние совершенства и высшего блаженства. Казалось бы, эта школа воспроизводит общепринятую версию доктрины перевоплощения, за исключением утверждения, что только человек, который хочет вести осознанную жизнь, может преодолеть непрерывный цикл воплощений, на который духи ограничения осудили человеческий род.

Это подводит нас к самому выдающемуся из всех гностических учителей, благодаря которому гностическая традиция получает наибольшее распространение и развитие: к поэту, пророку, провидцу и любимцу Божественности по имени Валентин. Мид называет Валентина “великим неизвестным гностицизма”, и, поистине, верно то, что у нас есть гораздо меньше сведений о нем и о его жизни, чем нам бы того хотелось. Валентин родился в Африке на побережье древнего государства Карфаген примерно в 120 г. н.э. Он получил образование в Александрии и провел там значительную часть своей жизни, хотя некоторое время он и жил в Риме. Он был лично знаком со многими отцами церкви в Александрии и Риме. Знаменитый отец церкви, Ориген, родившийся в 185 г. н.э., был один из его ранних товарищей, и вполне вероятно, что учение Оригена в части

общего отношения к гностицизму, возникло частично под влиянием Валентина. Между 135 и 160 гг. н.э. Валентин жил в Риме и, согласно Тертуллиану, был кандидатом на пост Епископа Рима, затем же, соответственно, кандидатом в еретики. Также Тертуллиан говорил, что Валентин был исключен из “Великой церкви” около 175 г. н.э. Однако есть доказательства того, что он никогда не осуждался как еретик, и что его уважали в большинстве христианских общин до самой его смерти. Он почти наверняка был священнослужителем господствующей церкви и, возможно, даже епископом. Как и другие выдающиеся учителя Гнозиса, Валентин также получил преемственность и священную власть от “апостольского человека”, в его случае, от Феуды, друга и ученика апостола Павла.

Конечно же, очень интересен вопрос, каков был бы курс христианской доктрины и практики, если Валентин был бы избран Епископом Рима. Его ясное, интерпретационное видение, объединенное с символической истиной мифа, вероятно, привело бы к общему расцвету Гнозиса в самой ткани христианской церкви и, возможно, создало бы авторитетную гностическую парадигму христианства, которую, скорее всего, в течение многих веков было бы нелегко, если вообще возможно, вытеснить. Вследствие некоторых обстоятельств и прилива псевдо-ортодоксальности его усилия потерпели неудачу, и ее можно считать одной из великих трагедий в истории христианства. Тем не менее, множество важных особенностей его уникального учения выжили и недавно обнаружили среди пустынных песков Египта. Некоторые из них и будут перечислены здесь.

Валентин и многие другие гностические учителя подарили своим ученикам и читателям сложную космологию — внушительную и содержательную систематизацию психодуховной действительности. Противостоящие им отцы церкви и их последователи уверяли, что эти космологические конструкции были ничем иным, как искусственно созданными

ми предвзятыми вычислениями, чтобы смутить умы и произвести впечатление на своих приверженцев. Результатом самого глубокого и непредвзятого понимания современной глубинной психологии стало то, что многие современные ученые начали признавать, что подобная космология, вновь появившаяся в родственных, нео-гностических системах, таких как теософия и антропософия, могла фактически быть основным образцом, воспринятым в результате прямого духовного и интуитивного опыта. К. Г. Юнг, который нашел замечательные общие черты между гностическими архетипическими образами и своим собственным опытом, неоднократно заявлял о своем убеждении, что гностическая система реальности была результатом прямого и очень поучительного духовного опыта гностических проводцев, среди которых особое место принадлежит Валентину. Юнгианский психолог и мифолог Иэн Бегг прокомментировал важность гностических архетипов для глубинной психологии следующим образом:

Гностические архетипы не были лишь понятиями или абстрактными идеями, и при этом они не были богами древних, персонификацией человеческих инстинктов и экранами для психологических проекций, богами, вступившими в свои сумерки к тому времени, когда гностицизм появился на сцене. Кажется, по крайней мере, некоторые гностики подошли очень близко к пониманию архетипов как психоидов, то есть бессознательных, коллективных, независимых энергетических единиц, проявляющихся, как правило, в синхронных или трансцендентальных событиях, овладевающих людьми и действующими через них. Представление гностиков близко совпало с личным опытом Юнга, но, тем не менее, Библиотека Наг-Хаммади была найдена после его смерти⁵²

⁵²Библиотека Наг-Хаммади была найдена при жизни Юнга, в 1945 году, но переведена на европейские языки лишь после его смерти. — Прим. переводчика.

так же как и Кодекс Юнга был переведен уже позже этой печальной даты.

Космогонии и теогонии, евангелия и мифы, которые часто объединяются под наименованием “Валентинианство”, можно было бы лучше всего понять как основанные на следующем признании: “Что-то здесь не так. Где-то, так или иначе, ткань бытия на экзистенциальном уровне человеческого существования потеряла свою целостность”. Мы живем в системе, которой сильно недостает целостности, и поэтому она несовершенна. Люди живут в абсурдном мире, где имеет значение только Гнозис, или самопознание. Мы живем в нелепой реальности. Это не значит, что физические или метафизические элементы этой реальности хаотичны, и мы не можем почувствовать их систему. Слово “космос”, также используемое гностиками, означает не мир (как это часто, но неточно переводят), но, скорее, систему, и поэтому оно может быть прекрасно применимо к системе реальности, созданной человеческим разумом. Василид назвал этот космос одной из иллюзий, повторив, тем самым, представление индуистов и буддистов. Валентин в Евангелии Истины (он, вероятно, и был его автором) вводит понятие “плоскость” [plane], имея в виду ошибку. Все мы можем согласиться, что реальность — это то, что нам кажется реальным, и, тем самым, наши умы из-за недостатка Гнозиса создают нам некорректную действительность, переполненную нелепостью.

Точно так же необходимо отметить, что попытка Валентина перенести вину космического дефекта с человечества на Бога ни в коем случае не является богохульством, которым ее сочли последователи иудаизма, христианства и ислама. Жесткому единобожию недостает той самой психологической и метафизической тонкости, которую можно найти в гностицизме. Младший Бог, или создатель, каким видели его гностики, является в некоторой степени родственным мифологеме, созданной разумом. Евангелие

от Филиппа, священное писание, отразившее в себе следы влияния Валентина, говорит нам:

Есть два дерева в середине рая. Одно порождает [животных], другое порождает людей. Адам [съел] от дерева, которое породило животных. Он стал животным. Он породил животных. Поэтому почитают [животных, которые подобны] Адаму. Дерево, [с которого Адам съел] плод, — [дерево животных]. Потому многочисленны были [дети его. Они] съели [плод дерева животных]. Плод [дерева животных] породил людей — [животных, которые] почитают человека — [животное. И] Бог создал (человека, и) люди создали Бога.

Подобным образом, в мире люди создают богов и почитают свои создания. Следовало бы богам почитать людей, как существует истина⁵³.

Суждение о том, что человеческий разум живет в значительной степени в созданном им самим мире иллюзии и ошибки, откуда его может выволить только постижение Гнозиса, находит почти точную свою аналогию в индуизме и буддизме. Упанишады утверждают, что этот мир — майя божества, которой человек обманывает себя. Будда говорил, что мир состоит из невежества, непостоянства, и ему не хватает истинной индивидуальности. Валентин попадает в очень хорошую компанию, когда провозглашает суждение о том, что мы живем в ошибочной системе ложной действительности, которая может быть исправлена познанием человеческого духа.

Как же Валентин предлагает людям исправить несовершенство космоса? Ириней Лионский цитирует ответ Валентина:

Полное искупление — постижение невыразимого величия: поскольку из-за незнания его появилась ошибка... целая система, созданная по незнанию, разрушается Гно-

⁵³Евангелие от Филиппа, стихи 84–85.

зисом. Поэтому Гнозис — искупление внутреннего “я”, которое не имеет тела, поскольку тело тленно: и при этом это не душа, поскольку даже душа — продукт ошибки и является вместилищем духа; поэтому искупление должно нести пневматическую (духовную) природу. Путем Гнозиса происходит спасение внутреннего Я, человека Духа: Гнозис открывает нам всеобщее бытие: и это — истинное искупление.

Невежественные силы, создавшие ложную систему, уничтожены духовным Гнозисом человека. Ошибка может быть исправлена Гнозисом. Духовное самопознание, тем самым, становится обратным эквивалентом невежества человеческого эго. Это суждение, обрисованное в общих чертах, которое некоторые называли “пневматическим уравнением”, представляет собою в учении Валентина тщательно продуманную мифологическую и космологическую структуру реальности и ее искупления. Методы, предлагаемые Валентином для обретения истинного, духовного Гнозиса, не ограничивались философскими доктринами и поэтическим мифологемами. Система Валентина была, прежде всего, основана на системе причастия. В дополнение к семи христианским причастиям, все еще принятым в некоторых частях христианского мира, Гнозис Валентина практиковал два великих тайных ритуала, названных “искуплением” и “Брачным Чертогом”⁵⁴.

У Валентина было множество учеников, среди которых следует особо отметить Марка, раннего ученика, и двух последователей, которые были склонны исказить учение Валентина, — Птолемея и Гераклеона. Последние двое сильно изменили учение, чтобы приспособить его к представлениям господствующего христианства. Таким образом, в то время как Валентин подчеркивал, что Иисус был чистым Духом, Птолемей признавал, что у него также были душа и тело.

⁵⁴О высших таинствах валентиниан см. 12-ю главу данной работы.

Имена, перечисленные здесь, ни в коем случае полностью не исчерпывают весь список гностических учителей классического периода второго и третьего веков. В осуждающих письменах отцов церкви также появляются такие имена, как Керинф, Моноим, Кердон и Апеллес. Тем не менее, всех вышеописанных учителей и практиков Гнозиса, включая Валентина и других выдающихся гностических лидеров можно считать самыми величайшими его представителями.

В каком же направлении продолжил гностицизм свою одиссею? Начиная с четвертого века, вся александрийская духовность пошла на спад. Вслед за роковым Никейским Собором (325 г. н.э.), созванным языческим императором Константином, который, тем не менее, сделал христианство государственной религией Римской империи, основная группа ортодоксальных сторонников буквального истолкования стала правящей силой не только в церкви, но и во всем обществе. Элайн Пейджельс в своей авторитетной работе “Гностические евангелия” говорит нам:

Со времен императора Константина..., когда, в четвертом веке, христианство стало официально принятой религией, христианские епископы, ранее преследуемые властями, стали командовать ими. Хранение литературы, признанной еретической, стало уголовным преступлением. Копии таких книг были сожжены и уничтожены⁵⁵.

С точки зрения целесообразности, христианство, теперь ставшее массовым продуктом, должно было быть настолько простым и понятным, насколько это вообще возможно. Этим критериям не соответствовал гностицизм. Учение и практика христианской церкви впредь были сведены к наименьшему общему знаменателю. Культура также пострадала: Великая Александрийская Библиотека была сожжена,

⁵⁵Elaine Pagels, *The Gnostic Gospels* (New York: Random House, 1979), pp. xviii-xvix.

а Философская Школа закрыта из-за нехватки студентов и квалифицированных учителей. Последователи гностицизма приспособляли свои умы, по крайней мере, якобы, к жестким догматам ортодоксальной церкви и поселялись в первых монастырях Египта и Европы, или же скрывали свои гностические концепции и методы в таинственных фразах и алхимических символах. Кроме того, в некоторых отдаленных областях гностическая преемственность сохранилась и была вынуждена хранить свои тайны за завесой таинственности. На востоке Римской империи, на древней земле Персии особое направление гностического движения было основано поэтом, живописцем, и пророком Мани. Родившийся в Месопотамии в семье персов в 215 г. н.э. и безжалостно казненный в 277 г. н.э., этот благородный и чистый почитатель Гнозиса в юности был, вероятно, знаком с сирийским направлением гностицизма, которое он в ходе своей деятельности приспособил к персидской духовности. Мани и его последователи были не только провидцами и писателями, но также и эффективными организаторами. Несмотря на относительную краткость жизни Мани, движение манихейства выросло и распространилось не только в Средиземноморском регионе, но также в Индии и Китае, на Балканах и в Европе. Истреблявшиеся мечом и многократно и во многих землях сжигаемые на кострах, последователи манихейского Гнозиса героически и упрямо выживали. На Балканах святой учитель по имени Богомил приблизительно в 960 г. н.э. установил форму манихейской веры, которая широко распространилась и пользовалась популярностью в течение нескольких веков и, как говорят, все еще насчитывает немало тайных приверженцев в Болгарии. Безусловно, самым большим и наиболее влиятельным манихейским движением было движение катаров (чистейших) в Лангедоке, учивших моральной чистоте и доброте, чем они и заслужили любовь и уважение местного населения и одновременно пробудили беспокойство и ярость папства

и королей Франции, совместные усилия которых привели к жестокому истреблению катаров и опустошению прекрасных земель, на которых они жили.

16 марта 1344 г. последняя цитадель веры катаров, горная крепость Монсегюр пала и была разрушена северной французской армией, а вожди этой веры погибли во время заказанного инквизицией их массового истребления, названном романистом Лоренсом Даррелом истязанием гностической души. Как на Балканах, так и повсеместно искры Гнозиса никогда не угасали, и тайный огонь продолжал тлеть на земле под ногами вражеских войск. По сей день в Лангедоке можно найти скромное сельское поселение, где лишь осторожному посетителю жители доверят тот факт, что они никогда не прекращали быть катарами, и что они должны передавать свою древнюю чистую веру до конца их рода. Внешний мир также все подробнее узнавал тайну и историю мучеников благочестия и разрушенной крепости Монсегюр, сегодня ставшей местом частых паломничеств из многих частей мира. Историк и романист Зоя Ольденбург, описавшая катаров на страницах современной литературы на нескольких языках, продолжает исследовать пути и тихие дороги истории, а также учение катарского Гнозиса⁵⁶.

Существуют ли гностики сегодня? Ответ — да. Современные представители гностической традиции могут быть разделены на две группы: прямые и выжившие потомки древних гностических школ с одной стороны и движения возрождения с другой. Прямая наследница древнего гностицизма — вера мандеев, которые в отдаленных уголках Ближнего Востока передавали свою традицию, начиная с самых первых веков нашей эры. Фактически об этих

⁵⁶Самый необычайный вклад в литературу по этой теме сделал британский психиатр Артур Гюрдхем, столкнувшийся в своей практике с несколькими людьми, которые, вероятно, обладают поразительно точными воспоминаниями о предыдущих жизнях, когда они были катарами. См. *The Cathars and Reincarnation* (Wheaton, 111.: Quest Books, 1978).

гностиках-отшельниках ничего не было известно вплоть до осуществления инициативы британской женщины, леди Е. С. Дроуэр. В первые десятилетия двадцатого века она обнаружила их существование и перевела многие из их священных писаний на английский язык⁵⁷. Мандейский Гнозис и гностическая вера этих людей, судя по всему, имеет древнее происхождение, так как не принимает Иисуса и, вместо этого, концентрирует свое внимание на фигуре Иоанна Крестителя. Мандеи сегодня составляют уважаемое религиозное меньшинство в Ираке, живущее, прежде всего, в городах, таких как Багдад и Басра, и становятся предметом все большего интереса со стороны ученых. Ни в коем случае не исключено, что полностью гностическая, но нехристианская вера мандеев станет жизненно важным недостающим звеном, объединяющим последний расцвет учения ессеев с классическим Гнозисом.

С постепенным возрастанием интереса к таким найденным в восемнадцатом и девятнадцатом веках гностическим документам как Кодекс Эскью, Берлинский Кодекс и Кодекс Брюса, усилился сочувствующий интерес культурных творческих кругов к гностицизму. Уильяма Блейка назвал гностиком его друг Кребб Робинсон, в то время как столетие спустя мадам Е.П. Блаватская обеспечила полную реабилитацию и распространение гностицизма. Религиовед Роберт К. Эллвуд-мл. отметил:

*Блаватская возродила Гнозис. Она [в своих работах] подтвердила большинство его принципов, хотя его экзистенциальный пессимизм был смягчен эквивалентами из восточной, герметической и каббалистической доктрин*⁵⁸.

⁵⁷E.S. Drower, *The Mandaean of Iraq and Iran* (Leiden: E. J. Brill, 1962). Тж. см. E.S. Drower, Transl.,

The Canonical Prayerbook of the Mandaean, (Leiden: E. J. Brill, 1959).

⁵⁸Robert S. Ellwood, Jr., "American Theosophical Synthesis," in *The Occult in America: New Historical Perspectives*, Howard Kerr and Charles L. Crow, eds. (Urbana and Chicago: Univ. of Illinois Press, 1983), p. 124.

Мнение ученых относительно характера этого самого влиятельного новаторского оккультного движения девятнадцатого и двадцатого века является к настоящему времени почти единодушным в том, что теософия — это действительно новое гностическое движение. В своей работе, посвященной теософии, профессор Брюс Кэмпбелл говорит, что теософия — это “древняя западная гностическая традиция, которая ушла в подполье, когда христианство одержало победу”⁵⁹.

Как и следовало ожидать, открытие и последующий перевод гностических текстов из Наг-Хаммади, как и старинные рукописи, найденные в восемнадцатом и девятнадцатом веках, привели к возрождению гностицизма. В двадцатом веке во Франции была основана известная Гностическая церковь, которая функционировала как общественная организация. Эта “Eglise Gnostique Universelle” привлекла таких выдающихся французских эзотериков как Папюс (доктор Жерар Анкокс), Седир (Ивон ле Луп), а также художников и писателей (таких как поэт-символист Фабр де Эссарт) и весь творческий круг господствовавшей культурной тенденции. Взяв преемственность от таинственных и различных носителей Гнозиса, таких как катары, рыцари-тамплиеры и от еще более древних тайных гностических обществ, французская Гностическая церковь возродилась и стала распространяться на другие части света, тогда как гностическое наследие становилось все более известным миру. Сердце и душа гностической традиции — мифология. С древних времен своего рождения в пустынях Иудеи и Египта, среди благочестивых еврейских еретиков, называемых ессеями, и расцвета, озаренного великими светилами Гнозиса, такими как Валентин, Василид и Мани, Иная Традиция продолжает свой путь, лишь немногим отличаясь от большой подземной

⁵⁹Robert S. Ellwood, Jr., “American Theosophical Synthesis,” in *The Occult in America: New Historical Perspectives*, Howard Kerr and Charles L. Crow, eds. (Urbana and Chicago: Univ. of Illinois Press, 1983), p. 124.

реки, вырвавшейся на свободу в современный мир с его реактивными самолетами, компьютерами и духовным кризисом, нарастающим вследствие потери мифа, питающего этот мир. Теперь настало время, когда мы исследуем основные мифы этой Иной Традиции, чтобы найти в них то, чего не хватает нашим, общепринятым мифам. Теннисон написал: “Бог являет себя разными способами, чтобы единственный общепринятый обычай не испортил мир”. Конечно же, альтернативный миф, который несет Иная Традиция — это один из путей, на которых осознание Божественности может спасти нас от бессовестного грабежа, сотворенного односторонностью традиций и мифов господствующей традиции. Именно с такой надеждой мы вместе можем обратиться к мифологическим образам, которые дарят нам осознание Иной Реальности.

Часть II. ИНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Глава 6. Наследуемая Мудрость: Миф о Софии

Введение: Гнозис, Метафора и Миф

Традиция всегда берет начало в опыте. В основе любой конструкции, сотканной из теологии, философии и выведенной из них морали лежит трансцендентный опыт. Моисей поднялся на гору Синай и пережил явление Иеговы, получив Скрижали Завета. Будда достиг просветления под священным деревом Бодхи, а затем продолжил путь, чтобы возвестить Дхарму. Мухаммед беседовал с ангелом Джабраилом в пещере перед тем, как начать свою пророческую миссию. Но все же неоспорим тот факт, что господствующие религиозные традиции существенно отличаются от альтернативной традиции, поскольку первые стремятся обратить опыт откровения в веру и заповеди, а вторая усиленно сопротивляется превращению опыта в теологию и проповедь морали. Таким образом, гностическая традиция, берущая начало от ессеев и получившая развитие в христианстве, всегда сопротивлялась превращению опыта в теолого-моральные конструкции и предпочитала этому другой путь.

Как было отмечено ранее (в главе 5), гностики регулярно занимались “мифологизацией опыта Самости”, как назвал его Жиль Киспель. Он же пояснил этот процесс более подробно следующим образом:

В своей работе “Гнозис как Западная религия” [Gnosis as Weltreligion (1951)] я предположил, что гностицизм выражался определенным религиозным опытом, который часто превращался в миф. Например, история, когда Мани, основателю религии манихейства, в двенадцать лет Бог послал ангела, чтобы вдохновить его. Когда ему исполнилось двадцать четыре года, ангел явился к нему вновь и сказал: “Теперь пришло время тебе выступить перед людьми и провозгласить свое собственное учение”.

Имя ангела означало “близнец”, и он был братом-близнецом Мани, или его “Божественной Самостью”.

Этот манихейский миф выражает столкновение я (эго), и божественной Самости. В системе Валентина мы находим сходное понятие об ангеле-хранителе, который сопровождает человека в течение его жизни, открывает ему Гнозис, подводит его к вечному блаженству, а затем покидает его⁶⁰.

В основе альтернативной традиции гностицизма лежит внутренний опыт Самости, которая, имея божественную природу, естественным образом объединяет человеческое сознание с божественным. На личный опыт гностиков ссылалась профессор Элайн Пэйджелъс в названии шестой главы своей книги “Гностические евангелия”, которая звучит следующим образом: “Гнозис: самопознание как знание Бога”. Этот опыт самопознания, которое в то же время является и знанием Бога, гностики обратили в самое творческое из всех символических выражений реальности — в миф.

Один из самых великих современных мифологов, венгерский ученый К. Кереньи, уподоблял мифологию музыке. Музыка и мифология объединены тем же способом, каковым слиты воедино искусство и материя. Искусство композитора и используемый им материал, который является миром звуков, едины. Создающий миф и созданный мифом материал, в этом случае — мир образов, связаны друг с другом наиболее глубоко. Миф, таким образом, не сотворен, но прожит, и в этом случае опыт дает начало потоку мифологических образов, выражающих его смысловые оттенки. Кроме того, истинное содержание мифа, или мифологема невыразима никаким иным способом. Нельзя заменить мифологию способом выражения иного рода. Объективный опыт может быть выражен только в форме мифа и никаким иным образом.

С этой точки зрения, миф приобретает новое значение. Он становится выражением духовных принципов, которые

⁶⁰Ж. Киспель, “Гностицизм”. *Человек, миф и магия: из Иллюстрированной энциклопедии сверхъестественного*, Ричард Кавендиш.

имеют первостепенную важность для всех людей, поскольку эти принципы выражают в относительном мире опыт Абсолюта. Этот опыт, каким мы находим его в гностическом учении о внутреннем Я, в области разума был отражен в форме мифа, который проявляет себя одновременно и как завеса Истины, и как Путь, ведущий к ее постижению. “Тайное становится явным”. Это изречение указывает на то, что за символом стоит реальность, связанная с этим символом, и что за мифами, в свою очередь, стоит действительность, опирающаяся на опыт, имеющий прямую связь с исконным опытом (названным Юнгом *Urerfahrung*, т.е. архаичным опытом), который и дал начало мифам.

Более чем вероятно, что гностики были первыми сознательными творцами мифов и теми, кто использовал миф, чтобы выразить свой оригинальный мистический опыт и тонко подвести других к подобному опыту. Уже во времена античности греческое слово “миф” [*μῦθος*] означало легенду о древних временах, рассказ, повествующий о жителях доисторических времен, а именно, о богах, богинях и героях. В сравнительно недавние времена, в эпоху романтизма, тот же самый термин был повторно введен для обозначения историй о необычайных людях или событиях ранее неизвестной эпохи. Многие современные словари определяют миф как нечто “полностью вымышленное”. Но нужно вспомнить, что слово “вымышленное” [*fictional*] происходит от латинского “*ingere*”, что значит “сформулировать” или “определить”, таким образом, предполагая, что миф хоть и не верен исторически, но всё же представляет собой формулировку вечных истин. Мифические события происходят, как говорится на латыни в Евангелии, *in illo tempore*, в “те времена”, которые, вероятно, подобны временам, которые австралийские аборигены имеют привычку называть “*dreamtime*”⁶¹. Гностические мифы нужно понимать как существующие в категориях вечности.

⁶¹ Дословно — “время сна”.

Все случаи, как говорят на латыни, *sub specie eternitatis* по сравнению с вечностью. Именно из таких глубинных и таинственных источников черпали поддержку и вдохновение создатели гностических мифов.

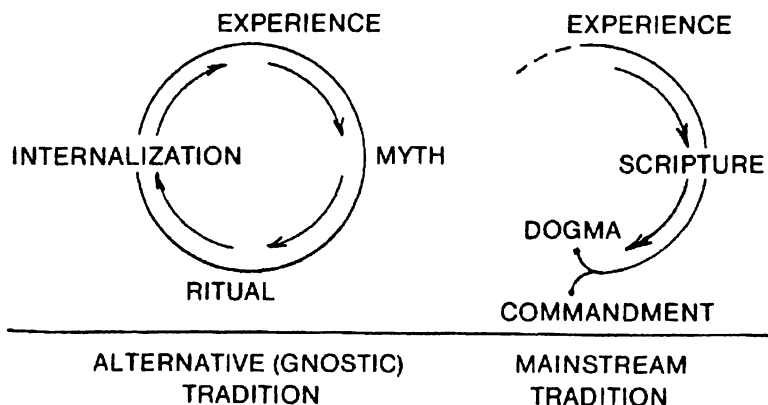
Творческая часть современной науки давно подозревала, что гностики были именно такими искушенными в психологии опытными мифотворцами. Задолго до Юнга, Киспеля и Джозефа Кэмпбелла, уже в 1932 году, Ф. К. Баркитт писал:

*Вполне очевидно, что он [Валентин] всё время описывает происхождение материи в форме мифа... и далее, что его идея происхождения материи является психологической, родственной умственной деятельности нашего собственного разума, которая на деле является единственным умственным процессом, о котором мы знаем*⁶². (Выделение наше — С.А.Н.)

Вслед за Бёркиттом, Юнгом и другими психологическая ценность мифотворчества была признана Гансом Йонасом и Рудольфом Бультманом в качестве “экзистенциальной объективизации”, или, проще говоря, гностические мифы представляют собой объективное понимание человека и его бытия. В борьбе за индивидуацию психэ или в важнейшей потребности людей понять свое роковое отчуждение и сделать выбор в связи со своим дальнейшим существованием, огромная ценность гностических мифов признана обеими сторонами.

Опыт преобразовался в миф, и миф стал внутренним, как и психологическое самопознание: таково великое достижение Гнозиса в плане психической реальности. Но всё же, существует еще и третий компонент, позволяющий мифу снизойти от психологического до уровня материального проявления, где он может произвести впечатление не только на интуицию, но и на функцию чувства, а также на функцию ощущения. Этот третий элемент — ритуал, несущий знание

⁶²F. C. Burkitt. *Church and Gnosis* (Cambridge, England: Cambridge Univ. Press, 1932), p. 45.

истины, который инсценирует или проигрывает смысл мифа на обычном, чувственном уровне. Значимая потребность гностиков в священном ритуале свидетельствует о важной роли ритуализации мифа в вышеупомянутом гностическом движении. Эта потребность заложена в самой природе этого направления, так что мы сразу можем ощутить великое различие, отделяющее такие господствующие традиции, как иудаизм, не гностическое христианство и ислам от альтернативной традиции гностицизма.

Тенденция господствующих традиций заключается в том, чтобы превратить изначальный опыт в догму и заповеди путем исторически интерпретируемых Священных Писаний, которые обычно представляют собой моральные проповеди. Тенденция альтернативной традиции состоит в том, чтобы перейти от изначального опыта к выражению опыта в мифе, а оттуда — к ритуальной мифической игре во всецело реальном физическом проявлении, где отражаются образы Самости, еще раз открывая, тем самым, путь к оригинальному и изначальному опыту.

Любопытное подтверждение трансцендентальных корней гностических мифов мы находим у вышеупомянутого

мифолога К. Кереньи. В своем “Эссе о науке мифологии” (написанном совместно с К. Г. Юнгом) он указывает на то, что гностики были мистиками, занимающимися мифологизацией мистического опыта. Следуя примеру ныне покойного ученого Лео Фробениуса (1873–1938), Кереньи признает существование определенных основных мифических структурных направлений, которые он называет “монадами”. Эти мифические монады представляют собой основные формы, которые принимает исконный опыт мифической реальности. Отметим, что немецкий философ Освальд Шпенглер признавал восемь подобных культурных монад (вот некоторые из них: египетская, греко-римская, ведически-арийская и майя-ацтекско-инкская). Все эти мифические монады строились на основных мифологемах, являвшихся до-монадическими. Эта категория, как говорит Кереньи, включает в себя гностические мифологемы:

*Мифологемы, которые ближе всего соприкасаются с Божественностью, мы понимаем как основные мифологемы... они в своем чистом состоянии, например, чистая идея **мандалы**, ее “архетип”, если можно так выразиться, до-монадичен. Они имеют природу не только исторически существующей монады, то есть принадлежащей в пространстве и времени к определенной культуре, но также действуют как некий архетип на определенных людей. С другой стороны, каждый народ показывает свою истинную природу наиболее ясно, когда сталкивается лицом к лицу с Абсолютом... именно поэтому Плотин может сказать нам о чистом мистическом опыте, и поэтому его современники, гностики, могут сказать нам о том, что мистицизм ближе всего к мифологии⁶³.* (Выделение наше — S.A.H.)

⁶³C.G. Jung and C. Kerenyi, *Essays on a Science of Mythology* (Princeton: Bollingen Foundation and Princeton Univ. Press, 1949), pp. 22–23.

Эта мистическая мифология, которую мы находим у гностиков, и является тем самым весьма уникальным явлением. Будучи основанной на чрезвычайно сильном личном опыте глубинных состояний сознания, она обладает качествами, которые редко встречаются в традиционном фольклоре и культурно обусловленной мифологии. В отличие от последней, она способна к передаче значительной доли своего изначального характера, в отношении которого Юнг и другие применяли термин “нуминозный”, т.е. несущий силу Нумена, или божественности. Гностические мифы принадлежат к особой категории, и, как таковые, они обладают силой, способной особым образом повлиять на человеческое психэ. Самый успешный популяризатор мифологии, Джозеф Кэмпбелл, писал (в значительной степени используя существовавшие ранее исследования Эммануила Канта), что а ргіогі трансцендентальная сфера может временно связать себя с областью проявления этого феномена только по аналогии, и что инструментом, посредством которого эта аналогия выражена, является метафора⁶⁴. Этот посредник, который Кэмпбелл определил как “психический эмоциональный образ, проводящий трансцендентность”, нужно понимать как истинный краеугольный камень гностического мифа. Гнозис, миф и метафора, тем самым, составляют триаду влияния на сознание, посредством которого факты, увиденные гностическими провидцами, становятся доступными для смертных, все еще стремящихся к такому видению. Теперь давайте позволим некоторым из гностических мифов и метафор говорить с нами своим собственным способом, хотя и несколько измененным и усиленным нашими современными восприятием и языком. Мы, таким образом, обратимся к первой из главных мифологем, к истории о Божественной Женской Премудрости, Софии.

⁶⁴Joseph Campbell, *The Inner Reaches of Outer Space: Metaphor as Myth and Religion* (New York: Alfred Van Der Marck Editions, 1986), pp. 56–57.

Миф о Софии

Высоко, в невыразимом и трансцендентном мире света существовала изначальная пара, явленная как Глубина и Тишина. Вместе они ясно представляли прекрасную сферу баланса и творческой силы, состоящую из тридцати архетипических форм сознания под названием Эоны. Самая юная и самая предприимчивая из них, по имени София (Премудрость), влюбилась в своего царственного прародителя, великого невидимого всеобщего Царя по имени Глубина и захотела понять его вечную непостижимую природу. Сбитая с толку своей любовью, она бросала взгляд во все стороны от своего эонического дома в Полноте. На расстоянии она увидела великолепный свет, сияющий с величественным изяществом. В замешательстве, вызванном любовью, она больше не могла различать высшее и низшее и подумала, что обольстительный свет, который находился ниже ее, был ничем иным, как величественным сиянием великого Царя, ее отца, который жил в самой вышине небес. Так она спустилась в безотрадную пустоту, где в безграничном и бездонном озере отражался небесный свет, манивший ее. Ее эонический супруг, Христос, был неспособен удержать ее, поэтому после последнего болезненного объятия она погрузилась в темную глубину — лишь для того, чтобы понять, что отраженный свет обманул ее. Огорченная и испуганная, она была пленена пустотой, лишенной преимуществ и силы Гнозиса, к которому она привыкла в Полноте. Жаждающая родственного существа рядом с собой, она непорочно породила создание по имени Иисус. Она задумывала его как носителя изначального Гнозиса, но Иисус смешался с тенью тьмы, которая влилась в него из-за пагубного влияния темной пустоты, в которой он родился. Иисус же затем освободился из плена тьмы и поднялся в Полноту, оставив Софию в отчаянии.

Оставшись вне божественной духовной вселенной, в одиночестве и печали, София пережила и породила

психическую бурю. Переживания, горе, страх, отчаяние и невежество сформировали огромные облака, уплотнившиеся в четыре элемента — землю, воду, огонь и воздух, а также во многих существ, которые позже стали известными как Демиург и правители (архонты), все до единого бывшие жестокими и неприятными духами. Самый могущественный из них, существо с обликом льва, исполненный гордостью и желанием власти, уподобил себя тому, кто создал мир духа, и из сырья земли, воды, огня, и воздуха он с архонтами построил мир внешнего проявления, преисполненный немалыми изъятиями, созданными по подобию его создателей. Горе, страх, невежество и прочие болезненные и разрушительные переживания были вплетены в ткань этого несовершенного мира, поскольку материал, используемый творцами, был явлен чувствами, испытанными Софией. Смотри вниз на ошибочный и беспокойный мир, гордо вылепленный ее собственным невежественным потомством, София была полна жалости к творению и решила помочь ему всеми способами, которые будут ей доступны. Она, тем самым, стала Духом мира, с тревогой заметив, что она подобна матери, ухаживающей за болезненным и уродливым ребенком.

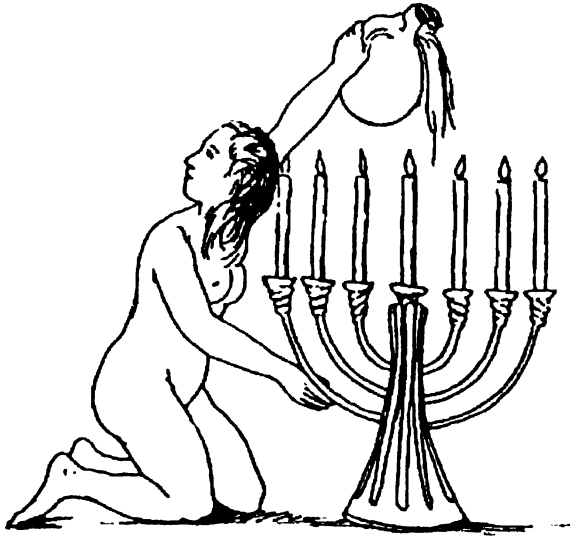
Тем временем, наверху, в Полноте, Иисус с тревогой наблюдал за печальной судьбой своей матери, Софии. Он соединился с эоническим супругом Софии, Христом, и стал Иисусом Христом, Мессией и посланником Бога. Вокруг него сплотились все возвышенные и сострадательные силы Полноты, даруя ему силу и славу принадлежащих им благ. Таким образом, в Иисусе Христе собралась вся сила Полноты, подготовив его для великого акта искупления и освобождения Софии из ее печального пленения пустотой. Непрерывные мольбы Софии поднялись как облака сладостно-горького ладана, проникнув сквозь преграды Полноты и пробуждая сострадание всех царственных эонических существ, пребывающих в вечной славе в царствии совершенства. Столетиями и тысячелетиями земной истории София

молилась и горевала о своей судьбе, судьбе ошибочного мира и искр света, связанных сетями архонтов, уподобившихся чудовищным паукам, плетущим паутины материи, эмоций и мыслей с тем, чтобы пленить глиняными телами искры высшей природы Софии.

Наконец, силы Полноты были собраны в Иисусе Христе и спустились на землю, чтобы освободить Софию и принести искупление ее духовным детям, представителям человеческого рода. После преодоления препятствий, ниспосланных ему архонтами и обманутыми ими людьми, Иисус Христос триумфально возвысился над землей, держа Софию за руку. В радости они поднимались в разные небесные обители, стучали во врата духовных стражей и получали допуск к наивысшим и тончайшим областям бытия. Перед каждым вратами София пела песни славы и благодарности свету, спасшему ее от хаоса низших областей.

Когда Мировой дух, София, подошла к границе, отделяющей низшие миры от Полноты, она еще раз посмотрела вниз на ошибочный и беспокойный мир, остающийся в пустоте и хаосе, и сострадание наполнило ее разбитое, но теперь искупленное сердце. Нет, она не имела возможности вернуться назад, к этим странным созданиям. И при этом она не могла оставить своих истинных детей, женщин и мужчин, которые были сильнее и глубже связаны с нею, чем остальные существа за пределами Полноты. Так она применила свою магию и разделила свою природу пополам: первая половина поднялась к зонам Полноты, чтобы жить там с Иисусом Христом, а вторая осталась ближе к творению и продолжала помогать ему с милосердной мудростью. Ее второе Я, созданное из сострадания, стало известно как Ахамот, Странствующая или низшая, все еще находящаяся в контакте с человечеством и областями мира сего.

Случилось же так, что Вселенная образовала три уровня. Первым из них является подлунный или материальный мир, которым управляет Князь, известный древним под име-

Sophia extinguishing the old law of the seven planets

нем Пан, которого другие неточно называют дьяволом. Этот Князь управляет землей, растениями и живыми существами и, как терпеливый пастух, следит за тем, чтобы все эти проявления жизни Софии могли однажды достичь высших миров, независимо от того, как далеко они находятся. Не будучи посвященным в события и замыслы могущественных эонов света, Князь мира сего попросту крутит большое колесо рождения, смерти и возрождения, надеясь, что, если он и его стадо не выйдут за пределы биологической жизни, то не наступит и час их освобождения, и они останутся без надежды на искупление.

Выше находится нематериальный мир души, или разума, которым управляет главный архонт, также известный как Демиург, обладающий многочисленными именами, включая имена Иалдабаоф (Бог-дитя) и Сакля (Слепой).

Именно от этого высокомерного и властолюбивого божка исходят многие понятия и предписания, которые ослепляют разум и волю людей. У слепого бога есть большая симпатия к тому, что он рад называть законом. Правила, предписания и инструкции всех видов были вылеплены им для того, чтобы умалить свободу, которая является неотъемлемым правом Духа. Основные положения и идеологии всех видов также привнесены в сферу человеческого разума Демигургом, наряду с жадностью, властью и другими навязчивыми идеями, затеняющими и искажающими духовную чистоту мужчин и женщин.

В третьем мире, находящемся выше планет, но ниже врат могущественной Полноты пролегает область, где возведена на престол София-Ахамот, эоническая мать и мудрая помощница человечества. С ней пребывают ангелы света и святые, праведные души, которые когда-то были пленены человеческими телами. Это — мир Духа, где также живут ангелы-близнецы людей, и где находится космический Брачный Чертог, в котором низшее я человека может встретиться и вступить в супружескую связь со своим духовным Я, своим ангелом-близнецом. Когда людям предстает Богиня в различных своих аспектах, то она — никто иной, как София-Ахамот, их мудрая хранительница. Не осознавая эту едва уловимую тайну, многие преисполненные благих намерений последователи христианства увидели проявление Софии в Марии, Царице Небесной. И в этом образе наша госпожа Премудрость, искупленная и помогавшая Иисусу Христу в деле искупления, даже по сей день недалеко от детей своих.

У трех космических областей, о которых мы говорили, есть свои соответствующие доли, рожденные в природе человека. В каждом есть материальная область (*ὕλη hyle*), явленная царствием Пана и содержащая в себе инстинкты и представления материальной жизни с ее интенсивной выживаемостью и физической непрерывностью, обеспечи-

ваемой потомством. Есть также область разума и эмоций, часто упоминаемая как душа (*ψυχή psyche*). Эта часть была получена из сферы Демиурга и потому содержит более чем одну опасную особенность. В то время как она является областью этического понимания и разумного расчета, она также восприимчива к влиянию и убеждению архонтов с их одержимостью заповедями, фанатическими идеологиями, гордостью и высокомерием души. Третья область — человеческий Дух (*πνεῦμα pneuma*), принадлежащий Полноте, хотя он и является даром Софии. В большинстве людей эта духовная искра тлеет и дремлет, подсознательно ожидая дыхания посланников Полноты, которые раздуют ее в пламя. Это — Дух Софии; с ней и вне ее он имеет высшую природу, подобно Царю и Царице, Глубине и Тишине в себе.

В этом проявленном существовании мы находим некоторых людей, которых можно назвать гиликами, которыми управляют инстинкты, убеждения и эмоции, которые обитают, в значительной степени, в сфере Пана. Других назвали психиками, и они обычно поклоняются Демиургу как Богу, не имея понятия о духовном мире выше него. Их гордость и радость — закон и доктрина, и они воображают, что они выше других людей из-за своих законов. Таким образом, духовная история человечества является, в значительной степени, развитием от примитивной инстинктивности к поклоняющемуся пантеизму (где Пан — *θεός*, то есть, Бог), к догматической религии и морали, а от них — к истинной духовной свободе Гнозиса. Чтобы достичь царства света и стать пневматиком, человек должен сначала отказаться от своего материального рабства, а затем, часто с большим трудом, также отказаться от неволи Демиурга и его архонтов в форме идеологического рабства. Идеи порабащают настолько же, насколько и страсти; и те и другие — препятствия для Духа. Тем самым, появляется Великое освобождение (*ἀπολύτρωσις*), когда люди ломают кандалы архонтов, связывающие их тела и умы. После этого остается

всего лишь один главный шаг: Брачный Чертог, или трансформирующий союз низшего человека с вышедшим из тени ангелом-близнецом.

Превосходя материальный мир и переживания разума, мужчины и женщины поднимают глаза и созерцают вечные высоты царства духовного света Софии-Ахамот. Ангел-близнец опускает сияющую руку на землю и возносит человеческую душу наверх, в Брачный Чертог, в котором заключается духовный союз или небесное супружество. Одного за другим София привлекает своих духовных детей к себе, предлагая им присоединиться к армии избранных. Таков дар Софии, явленный из вечного хранилища света и ставший доступным для людей посредством ее сострадания и премудрости. Она, оставшаяся преданной истинному свету, призывает своих детей сделать то же самое. Верность духовной жизни в самых глубоких и самых высоких проявлениях своей природы приведет к отказу от иллюзии и к постижению реальности.

Интерпретация Мифа

Вышеупомянутая версия мифа о Софии основана, прежде всего, на интерпретации Валентина в том виде, в каком она была представлена в Пистис Софии, главном священном писании о Софии, но эта версия была упрощена и расширена для удовлетворения потребностей современного человека. Также ее можно назвать продуктом “свободомыслящего” подхода к гностицизму, как говорят некоторые, судя по всему, пуритане, однако следует учесть, что подобный подход здесь явно недопустим. Показная и догматическая образованность может получить выгоды от пуританского подхода, но этот способ ни в коем случае не подходит с точки зрения целей, поставленных автором.

Давайте тогда обратимся к некоторой наглядной схематичной интерпретации мифа Софии. София — это Мировой Дух, или коллективный архетип Полноты всеобщей и лич-

ной жизни, роста и развития. Также она наиболее тесно связана с природой и судьбой человечества из-за изначального разделения и последующей индивидуации души и ее союза с Духом. Сначала она пребывает в пространстве неразделенной психической энергии, в небесном мире, где все вещи существуют в полной потенциальной возможности. Полнота (Pleroma) походит на еще не оформившийся фрагмент даосской китайской метафорической мысли: полнота бытия, из которой личность и проявленная реальность появляются путем вычитания, а не посредством creatio ex nihilo (творение из ничего). Нисхождение, а не творение — это закон проявления, очевидный в сфере психэ и, по всей вероятности, в сфере всеобщего проявления⁶⁵; единая изначальная природа психэ делится и нисходит в глубины, удаляясь от своего первоисточника света и силы. На психологическом уровне это отчужденное разделение лежит в основе тайны падения Софии во тьму.

Любовь Софии к своему Отцу, царю небесной Полноты, и ее попытка быть ближе к его свету часто интерпретировалась как метафора для гордости, посредством которой человеческий разум, или каждое частично ограниченное сознание испытывает желание постичь извечно непостижимое и невыразимое совершенство бытия. В нашем желании знания мы больше не осознаем и не видим, восходим ли мы к совершенству или спускаемся в низшие сферы разума, где оно лишь отражено. Снова и снова в нашей жизни мы принимаем отраженный свет за свет истинный. Это особенно верно в отношении весьма высокомерных попыток многих психологий развития и так называемого Движения Нью-эйдж в слишком сглаживающей и поверхностной манере постичь великие тайны бытия, как будто они легко

⁶⁵ Авторитетный нео-гностический миф о создании мира путем воплощения посредством нисхождения близок метафизическим теориям индуизма и буддизма Махаяны, как было отмечено в выдающемся произведении Е.П. Блаватской “Тайная Доктрина”.

поддаются манипуляциям личного сознания. Полезный, хотя и относительно приземленный пример можно найти в области использования сновидений. С одной стороны, Юнг и другие авторитетные аналитические психологи понимают сновидения, прежде всего, как откровения бессознательного и относятся к ним с большим вниманием и уважением. С другой стороны, мы находим попытки менее почтительных людей эксплуатировать и управлять сновидениями людей для исполнения сугубо личной цели. Всякий раз, когда психо-духовное явление, обладающее ценным трансцендентным потенциалом, подчинено личным целям, можно сказать, что мы, как и София, принимаем отраженный свет за божественное сияние и, тем самым, подвергаем себя опасности.

В ходе дифференциации психэ все мы, в конечном счете, оказываемся в пустоте, не обладающей Гнозисом. Здесь наш ужас, мучения и прочие эмоции производят сомнительные эманации, которые проистекают из нашего собственного психэ и, в свою очередь, принимают форму тиранов и демиургов-мучителей нашей истинной природы. Как только человеческое эго попадает в пространство, сильно удаленное из психической целостности, аспекты эго (или, в представлении некоторых, само эго) становятся демиургами. Иэн Бегг, рассуждая о гностических мифах, пишет:

Архонты — планетарные боги... помогающие демиургу в создании преград для человека с целью помешать ему осознать свое истинное происхождение. Они — архетипическое ядро, комплексы или суб-личности, которые живут нашими жизнями за нас, в то время как мы не осознаем их... Сознательное эго является сознанием эго демиурга, а его ограниченное восприятие считается единственной реальностью. Человек — пленник пространства и времени. Его архонты реальны не только как временные деления, но и как комплексы. Солнце, комплекс эго, главный архонт, управляет днем, а его свет и высокая температура уничтожают скрытое влияние

*другого архонта. Луна — огромный маятник, который сдерживает всё, будто бы постоянно тикая и непреклонно фиксируя всё в пределах своего собственного цикла*⁶⁶.

Не только Солнце и Луна, но также и другие планеты понимались гностиками как символы различных ограничений, наложенных архонтами на свободу человеческого духа. Зачастую мелочный, хотя и разумный интеллектуализм Меркурия, всепоглощающее и внушающее иллюзии желание Венеры, жестокая воинственность Марса, барская беспечность Юпитера и, конечно же, ограниченность и малодушие Сатурна (часто сравниваемого с Демиургом) — всё это великолепно символизирует тенденции и склонности личного эго человека, отделяющего земную жизнь от света истинного смысла. Живя на земле, под луной, мы, судя по всему, попадаем в плен к планетарным архонтам, как и София, которую также завлекли и пленили архонты.

Тайна спасения заключается в освобождении от бессознательности и ограничений, а также во внутренней связи с нашим собственным божественным происхождением. С одной стороны наш спаситель — Христос, божественный архетип, истинный дом которого — в Полноте. С другой стороны, Иисус несет в себе частицу человеческого, поскольку он был рожден в долине слез, которую поэт Джон Донн также называл “долиной сотворения души”. Мы не можем полностью зависеть от внешнего и трансцендентного Спасителя, как к тому уже очень давно привычен христианский мир, потому что, таким образом, мы теряем свое неотъемлемое право на духовную свободу. Однако созданный нашим же тяжким трудом Спаситель поможет нам не в большей степени, если не будет обладать высшими архетипическими силами. Поэтому София порождает Иисуса в своем изгнании, но она же искуплена Иисусом, объединившимся с божественной вечностью Христа.

⁶⁶Ean Begg, *Myth and Today's Consciousness*, p. 71.

Триумфально освободившись из плена, София всё же не забывает про человечество, своих маленьких и слабых детей, и решает остаться и помогать им. (Очень похожую аналогию можно найти в идеале Бодхисаттвы буддизма Махаяны, где искупленный становится искупителем. Фактически, небесный Бодхисаттва Авалокитешвара, чье имя буквально означает “тот, кто смотрит вниз с высоты”, чаще всего явлен в женской форме — как Бодхисаттва Гуань Инь, из сострадания дающая всем нуждающимся жителям земли возможность искупления, и она имеет такое сильное сходство с Софией, что все готовы предположить, что эта связь неслучайна. Также можно вспомнить Гаутаму Будду, который, согласно учению Махаяны, также оставил после себя свое проявление, чтобы и дальше помогать живым существам в деле освобождения. Именно это проявление, согласно некоторым легендам, и является один раз в год во время буддистского праздника Весак — тем, кто способен его узреть).

Таким образом, София, спасенный Спаситель, продолжает оберегать и спасать жителей земли. В личном, психологическом смысле можно сказать, что главный шаг к индивидуации всегда заключается в необходимости освобождения еще не интегрированной области самого себя, так же как и в сострадании и милосердии к близким нам людям. У мифа о Софии также есть более прямой и близкий человеку смысл. Симон увидел свою супругу Елену как проявление Мировой Души; есть также некоторые доказательства того, что Мария Магдалина, которую гностические священные писания описывают как “любимую ученицу”, возможно, понималась как земное проявление Софии, а ее отношения с Иисусом, возможно, были ритуальным разыгрыванием на земле освободительного союза Небесного Мессии и Софии.

Итак, мы подошли к концу наших рассуждений, касающихся мифа о Софии. Само собой разумеется, что предлагаемое здесь минимальное толкование никоим образом

не может отдать должное этому обширному и вдохновляющему мифу. Психологический акцент этих комментариев, которых, самих по себе, недостаточно, отражает лишь одну грань великолепного драгоценного камня, которым является история и тайна Софии. (Подобные заявления могут быть весьма оправданы и в отношении других гностических мифов, которые будут рассмотрены в последующих главах.) Тем не менее, в заключение вторгается еще одна мысль: “Но ведь можно было бы спросить, почему вообще было полезным или даже необходимым для Софии, Мировой Души, души и эго, обмануться обманчивым светом и подвергнуться таким испытаниям и печалям, так же как радостям и триумфам?” Никто иной, как К. Г. Юнг предложил нам один из лучших ответов, когда написал: *“Если не будет резких перепадов и мерцания души, человек глубоко погрязнет в его самой большой страсти, праздности”*⁶⁷. Действие и риск важны для гностического поиска. Предпринимающие его должны знать, что рискуют погружением в пропасть одиночества и отчуждения. Гностический риск ведет индивидуальное психэ ко многим приключениям и может привести к возможности воплощения такого вида сострадания, который способна проявить лишь премудрость, несмотря на вновь возникающие наивные идеи многих об исправлении всех ошибок бытия путем одних только экстравертных коллективных решений (попытка, достойная спеси демиурга). Сострадание и мудрость объединяются в одном человеке за другим. Коллективные решения в действительности не являются вовсе никакими решениями для людей в целом как носителей истинной жизни, потомства нашей госпожи, Премудрости. Благословенные сиянием Софии, они могут посвятить свои жизни борьбе на общественной арене, или просто осветить милосердным светом Софии человеческие задачи своей повседневной жизни. Тем не менее, в любом случае, к ним могут быть обращены слова, написанные

⁶⁷К. Г. Юнг, *Архетипы коллективного бессознательного* (сборник).

Мигелем де Унамуну в его “Трагическом смысле Жизни”: “И, быть может, Бог не дал тебе мира, но дал тебе славу”.

Глава 7. Танцующий Спаситель: Гностический миф о Христе

Введение: Альтернативный образ Спасителя

Искры света, которые являются Духом мужчин и женщин, угнетаемым архонтами этого низшего мира (по мнению гностиков), тем не менее, не были брошены на произвол судьбы тем божественным Источником, от которого они произошли. Высший Свет никогда не терял интереса к рассеянным частицам своей сущности. Он послал искупителя, или посредника, чтобы помочь им в освобождении. Значительная часть гностиков была связана тогда с совершенно новым христианским движением и рассматривала Иисуса как носителя этого самого света искупления. Тайная традиция евреев, преобразенная движением ессеев, подошла к успешному преобразению политического Мессии ортодоксального Иудаизма во всеобщего и личного спасителя, который спасет Дух сыновей света от угнетения мира тьмы и ее темных архонтов. Это развитие достигло высшей точки в образе Иисуса. Как мы отметили ранее (в главе 3), сегодня существует, по меньшей мере, удивляющее количество описаний Иисуса, большинство из которых полностью противоречат друг другу. Это — всего лишь другие образы, намного более ранние, в особенности явленные нам в религиозном искусстве, вызывают еще большую путаницу и противоречия.

Все образы Иисуса, требующие нашего внимания, основаны на источнике, который до недавнего времени составлял единственное доказательство существования этой таинственной фигуры, а именно — на Новом Завете. И утверждения самого Нового Завета являются запутанными и противоречивыми. Некоторые из канонических Евангелий изображают Иисуса как довольно человеческого, даже чув-

ственного: «Сын Человеческий ест и пьет, и они говорят: “вот обжора и пьяница, друг мытарям и грешникам”» (Мф. 11:19). Его отношения с женщинами вызывают недоумение: “И они удивились, что Он разговаривал с женщиной” (Ин. 4:27); “Были также женщины, которые смотрели издали, а также многие другие женщины, которые пришли с ним в Иерусалим” (Мк. 15:40). В то же время Павел описывает его, в основном, как трансцендентную, даже гностическую духовную сущность, когда он говорит, что Иисус “гораздо выше всякого начальства, и власти, и силы, и выше всякого имени, называемого не только в эту эру, но и в ту, что грядет” (Еф. 1:21). Если Вы предпочитаете видеть Иисуса как кроткого и мирного человека, можно обратиться к его описанию в Мф. 11:29: “ибо Я кроток и смирен сердцем, и вы найдете покой для души”. Если же, напротив, вы захотите вызвать в воображении картину его гнева и грубости, можно вспомнить изгнание торговцев из храма и его не совсем справедливое осуждение фарисеев как ханжей, оскверняющих могилы, и слепых поводырей, вводящих людей в заблуждение. Само собой разумеется, что такие разные образы Иисуса делают столь часто перевозносимое “подражание Христу” более чем затруднительным. Например, должны ли мы подражать ему, когда он говорит нам: “Подставь другую щеку” после первого удара; или мы должны подражать ему, когда он говорит: “Я пришел, чтобы принести не мир, но меч”?

Альтернативой Иисусу Нового Завета всегда был другой Иисус, хотя большая часть его описаний лишь недавно стала общедоступной. Чтобы представить и понять этого Иисуса, мы должны восстановить миф, сохранившийся в гностических писаниях, многие из которых являются современными или даже предшествующими Новому Завету. Что гностики говорили об Иисусе? Они не соглашались с общепринятыми христианскими догмами о природе его физического воплощения, так же как и о его смерти и

воскрешении. Они не принимали упрощенную идею о том, что искупление человечества свершилось в момент физической смерти Иисуса на кресте, и что добропорядочный христианин просто должен поверить в это, чтобы спастись. Причина большинства этих разногласий состояла в том, что гностики никогда не считали, что люди, прежде всего, нуждаются в искуплении греха. Задача посланного Мессии состояла в том, чтобы помочь людям увидеть, кем они являются на самом деле, и помочь им преодолеть враждебно настроенные космические силы и воссоединиться с Полнотой истинного света. “Спасение”, тем самым, стало синонимом “освобождения”, достигаемого не с помощью веры, но путем внутреннего опыта, подкрепленного учением Освободителя и священными таинствами, которые он вручил своим последователям.

Гностический Иисус — человек не только внешне, но и по сути своей отличающийся от Иисуса канонических Евангелий. Его человечность имеет меньшее значение, чем его трансцендентная, или архетипическая природа. Тем самым, можно справедливо заметить, что гностики обращали меньше внимание на то, чем занимался Иисус, и больше интересовались тем, кем он являлся. Большинство их священных писаний, таких как Евангелие от Фомы, содержат лишь высказывания Иисуса без какого-либо связующего рассказа. У нас нет гностического евангелия, подобного четырем каноническим, где в форме повествования собраны детали из жизни Иисуса. Однако совершенно очевидно, что у гностиков была своя собственная версия событий, связанных с Иисусом. Доказательства этой версии можно найти во многих источниках, таких как Деяния Иоанна — в писании, доступном и широко распространенном в течение многих столетий и, по всей вероятности, написанном Луцием Харинусом, от которого некоторые гностики получили свою мистическую преемственность. Фрагменты Евангелия Египтян, одного из писаний Библиотеки Наг-Хаммади, являются

самыми полезными в этом отношении. Другая выдающаяся историческая работа — собрание под названием “Оды Соломона”, некоторые фрагменты которых, судя по всему, были ранее открыты в Пистис Софии, а полное собрание их было издано в девятнадцатом веке и датируется, вероятно, концом первого или началом второго веков. В дополнение к ним, еще несколько писаний из Наг-Хаммади содержат ценный материал, который позволяет нам, в некотором роде, восстановить мифическое повествование. Ядро мифа о Христе — это, конечно же, в первую очередь вопрос о том, почему люди нуждаются в Спасителе. Разве Гнозис не может явиться людям без помощи посланника, сошедшего из великого мира Полноты и Света? Разве добрых дел, искреннего желания осознанности и медитации недостаточно для освобождения, спасения, просветления, независимо от того, как мы назовем этот опыт искупления? Исторически сложилось так, что понятие **σωτήρ** (целитель, создатель целостности, свободно переводимый как “спаситель”) было с течением веков связано с еврейской идеей Мессии. На самом деле, она имеет всеобщие, архетипические духовные корни намного большей широты и глубины. Совокупность важнейших вопросов, на которые гностицизм дает ответ (по словам Валентина), звучит следующим образом: “Кем мы были и кем мы стали; откуда мы пришли и где мы очутились; куда мы идем; что есть рождение, а что — возрождение?” Ответы могут быть следующими: “Люди — изначально чистый Дух, но они пленены космической системой; они жили в царствии Полноты, вместе с Божественным, но были вынуждены спуститься в область несовершенства. Духовная сущность людей желает вновь объединиться с Божественностью и, тем самым, освободиться от экзистенциальных ограничений жизни в рамках космической системы. Рождение означает появление в этом космосе, который находится, по крайней мере, частично, во власти злых сил. Возрождение — это перерождение в форме свободного существа в божественном

мире сознания и света. Это перерождение происходит не без помощи извне. Божественность активно способствует возрождению человечества в его исконном и истинном состоянии. Спасение требует спасителя не только в иудаизме и христианстве, но и в большинстве главенствующих духовных традиций. Уже в Упанишадах мы находим утверждение, что спасение осуществлено “Богом” (Ишвара)⁶⁸. Продолжение этой концепции — учение об аватаре, или эманации Бога, особенно второй составляющей индуистской троицы, Вишну. У Вишну, как известно, есть, по меньшей мере, десять эманаций, среди которых самыми главными являются Рама и Кришна. А в буддизме Тхеравады и Махаяны предполагается несколько проявлений Будды (обычно семь, отражающих всю эволюционную историю земли), и все они являются эманациями духовных существ (Дхьяни-Буддами⁶⁹, или Дхьяни-Бодхисаттвами) в дополнение к их земному олицетворению. Все эти Будды, тем не менее, также признаны вариациями Света Будды в его искупительном аспекте. Даже боги, которые управляют бытием в проявленной сфере, нуждаются и с радостью встречают эманацию Будды. В одной из сутр один из таких богов обращается к Будде следующим образом: “Как чудесно, о, Боже, что после такого долгого времени Ты сегодня являешь себя в мире! Целых восемь тысяч эпох сей мир жил без Будды”⁷⁰. Отношение гностической традиции к этому было ясно указано персидским пророком Мани. Вот как оно было записано арабским ученым Аль-Бируни:

⁶⁸*Svetasvatara Upanishad*, 6:16.

⁶⁹ Дхьяни-Будды, Будды Высшей Мудрости — пять Будд, которые в тибетском буддизме представляют собой пять аспектов Высшей Мудрости Изначального Будды — Ади-Будды. Точнее, пять Дхьяни-Будд соответствуют телу Самбхогакайя, свободного от страстей и привязанностей, выраженных пятью скандхами. Поэтому их также называют Буддами пяти скандх. — *Прим. переводчика.*

⁷⁰*Saddharmapundarikasutra*, 7:32.

Мудрость и благодеяния всегда, время от времени, приносились человечеству посланниками Бога. Так, в одну эпоху они были принесены посланником по имени Будда в Индию, в другую Заратустрой в Иран, а в третью Иисусом на Запад. Затем это откровение терялось, и истина в нашу эру передана через меня, Мани, последователя Бога истины в Вавилонии⁷¹.

Всего этого должно быть достаточно для того, чтобы убедить нас в том, что в идее спасения и Спасителя мы сталкиваемся с действительно архетипической идеей, всеобщей и не обусловленной временем или культурой. Тем самым, мы можем теперь благополучно обратиться к пересказу мифа о Спасителе, в нашем случае — об Иисусе, о котором Мани сказал в вышеупомянутом абзаце, что он “принес мудрость и благодеяния, как посланник Бога, на Запад”.

Миф о Спасителе

Когда настало время нисхождения того, кто должен был исцелить разбитое сердце низшего мира, собрались все великие силы царства Полноты. Всеобщий Отец и Святой Дух объединили свою духовную сущность и явили пламенное семя жизни. Силы собрались в большой круг и наложением рук наделили семя Отца и Святого Духа своей властью. Тогда пламенное семя спустилось через звездный круг и сферу планет в матку избранной человеческой девы по имени Мария, которой было предназначено стать матерью воплотившегося Спасителя. Будучи девственницей, она стала матерью без какой-либо боли, поскольку силы Полноты окружали ее и предоставляли ей помощь.

Мальчик рос в доме, где царили уют и чистота; он был оберегаем своей матерью, Марией и изучал ремесло ее мужа, Иосифа. Тем не менее, со временем стало очевидно, что он был человеком необыкновенной силы и природы, и

⁷¹Al Biruni (about 1000 A.D.), *Alhar ul Bakiya*, English transl. by C.E. Sachau.

его земные мать и отец отнеслись к этому с опасением. Так, однажды Иисус работал в винограднике с Иосифом. Когда человек, внешне похожий на Иисуса, захотел войти в дом и спросил: “Где Иисус, мой брат?”, Мария подумала, что она встретила духа, а не человека, и заперла его в доме, а затем позвала Иосифа и Иисуса. Когда Иисус вошел в дом, он выпустил духа из плена, они обнялись и стали одним. Затем стало известно, что этот дух был ангелом-близнецом Иисуса, который спустился из высшего мира и объединился со своим земным двойником в нерушимом союзе. Этот союз стал позже называться таинством Брачного Чертога, испытанным только мудрейшими и величайшими из людей, достигших совершенства в духовных навыках.

Иисус был единым и обрел целостность, будучи еще маленьким мальчиком, чтобы быть готовым принести целостность всем чадам человеческим.

Когда он был юношей, мать и братья принесли новость о человеке по имени Иоанн, который крестил людей в дикой местности ради освобождения их от грехов. Хотя Иисус заявил, что у него нет греха, от которого он должен быть освобожден, он всё же отправился получить крещение от Иоанна, и когда он окунулся в воды, они засияли ярким светом так, что все испугались. Над головой Иисуса поднялся голубь и запел, и многие поняли, что на него снизошла сила не от мира сего. Этой силой и был Христос, ниспосланный свыше Полнотой, чтобы привести его к исполнению своей земной миссии. Когда люди собрались, чтобы посмотреть на него, они его не узнали, и он сказал им: “Я кажусь вам незнакомым, потому что я из другого рода”.

Он стал проводником тех, кто последовал за ним; он был спокоен и нетороплив. Он посрамил тех, кто был преисполнен важностью своего собственного учения и Закона; он назвал их пустыми людьми, и они возненавидели его. И он сказал своим ученикам такие слова: “Я пришел из сердца мира, и во плоти я явился им, но я нашел их всех

пьяными, и я не нашел ни одного желающего испить моих живительных вод. И печалюсь я о чадах человеческих, потому что они слепы и не в состоянии видеть сердцем”. И он также сказал им, что пришел, чтобы сделать низшее подобным высшему, а внешнее подобным внутреннему, а также объединить мужское и женское. Ученики слушали его, но поняли немного из того, что он сказал. Многие своих учеников он выбрал необычным способом. Так, у Галилейского моря первыми он выбрал Петра и Андрея, а затем направился к Иоанну и Иакову Зеведееву, которые ловили рыбу, сидя в лодке недалеко от берега, и сказал им: “Вы нужны мне, следуйте за мною”. Иаков увидел его как ребенка на берегу и сказал брату, что он, возможно, хочет, чтобы они его проводили. Иоанн увидел его как взрослого мужчину, в то время как другие видели один только свет, а остальные не видели ничего. Они сошли на берег в сильном недоумении, задаваясь вопросом, почему они видели так по-разному.

Иисус не проявлял большого уважения к духовенству Храма и к Закону. Когда он с учениками зашел в Храм, к ним обратился знаменитый священник по имени Левий и высокомерно заявил, что Иисус и его ученики грязны и не достойны находиться в священных сосудах и местах. Иисус назвал его слепцом, который принимает внешние символы чистоты за истинную чистоту и мудрость. Он также призвал своих учеников не следовать за слепыми, такими как Левий и другие служители Храма. И когда его ученики спросили его, необходимо ли обрезание, он ответил: “Если бы это было необходимо, то каждый отец породил бы уже обрезанного мальчика от его матери”. Когда его спросили о потребности соблюдать пост, он просто ответил, что намного важнее не лгать и не делать того, что ненавистно, и тогда скрытое в душе рано или поздно выйдет на свет. Всем становилось всё более и более очевидно, что Иисус пришел, чтобы объявить старый Закон недействительным

и провозгласить новый Закон, основанный на любви. И он сказал: “Любовь — ваш брат, как и ваша душа, и храните ее как зеницу ока”. Объясняя отношения духа и тела, он сказал: “Я поражаюсь тому, как такое богатство поселилось в такой бедности!” В Вифании женщина привела Иисуса к могиле, где был похоронен ее брат. Брат воззвал к нему из могилы, и Иисус поднял его, взяв за руку. Иисус тогда собирал молодых людей ночью, учил их великим истинам и открывал тайны. Он стал известен как чудотворец и посвящающий, помогавший людям возвыситься над этим смертным миром и прийти к духовной жизни.

В это время архонты мира сего побудили духовенство и фарисеев арестовать и убить Иисуса, потому что, если бы он остался, люди последовали бы за ним, и вечная тьма была бы побеждена. Иисус знал, что, решив воплотить свой план убийства, главы духовенства настолько дискредитировали бы себя, что им стало бы труднее держать народ в послушании. Так, Иисус встретился со своим учеником Иудой Искарриотом, который сказал ему тайно: “Разве не верно, Господь, что этот мир во власти Зла, и что ты должен сделать низшее высшим?” И Иисус ответил ему: “Это так, Иуда. Но как можно войти в дом сильного человека и лишить его сокровища, если сначала этого человека не связать? Только тогда каждый сможет войти и взять сокровище. Помните, что когда я вознесусь над этим миром, его правитель будет связан цепями в тот же час”. И так Иуда понял, что Иисуса необходимо было предать его врагам, и он содействовал предательству Иисуса, понимая тайную необходимость этого замысла. И вожди людей, чей закон был ложен и явлен злыми архонтами, поверили Иуде и подготовили арест Спасителя, тем самым подведя к гибели себя, свой Храм и свой Закон.

Перед арестом Иисус собрал всех своих учеников и предложил им разделить с ним священную пищу. Он благословил хлеб и чашу вина и завещал им делать так же

в память о нем, чтобы призвать его Дух, когда его не будет с ними во плоти. Тогда он сказал ученикам: “Прежде, чем меня предадут, позвольте мне спеть гимн Отцу, и затем мы пойдем дальше к тому, что нас ждет”. Тогда он встал в середине комнаты и попросил учеников встать вокруг, держась за руки, и после прочтения каждого стиха отвечать ему словом “Аминь”. Так он начал петь песню, а ученики танцевали вокруг него, многократно говоря “Аминь”.

Иисус начал петь гимн:

Слава тебе, Отче!

*(И ученики вторили ему),
Аминь! Слава тебе, Грация!⁷²*

Слава тебе, Дух!

Слава тебе, Святой!

Слава твоей Славе! Аминь!

Мы воспеваем тебя, о, Отче;

Мы благодарим тебя, о, Свет,

В котором нет тьмы! Аминь!

Благодарим, коли свершится воспетое мною:

Я был спасен; и я спас бы. Аминь!

Я был освобожден; и освобождал бы. Аминь!

Я был сломлен; и я сломил бы. Аминь!

Я был рожден; и я хочу родить. Аминь!

Я принял пищу; и меня бы съели. Аминь!

Я был услышан; и меня бы слышали. Аминь!

Я понял; и я был бы понят. Аминь!

Я был очищен; и я бы нес очищение. Аминь!

(Теперь начинает танцевать Грация.)

Я играю на трубах; а вы все танцуйте. Аминь!

Я играю песню траура; а вы все плачьте. Аминь!

Эти восемь поют оды с нами. Аминь!

*Те, кто танцует, не думают, что это закончится.
Аминь!*

Я сбежал бы; и я остался бы. Аминь!

⁷²Один из высших женских эонов. — Прим. переводчика.

Я был бы украшен; и я украсил бы. Аминь!
Я был бы искуплен; и я искупил бы. Аминь!
Не имейте никакого дома; у меня есть дома. Аминь!
Не имейте никакого места; и у меня есть места. Аминь!
Не имейте никакого храма; и у меня есть храмы. Аминь!
Светильник я для тех, кто созерцает меня. Аминь!
Зеркало я для тех, кто понимает меня. Аминь!
Дверь я для тех, кто стучится ко мне. Аминь!
Путь я для тех, кто идет ко мне. Аминь!
Теперь вторьте моему танцу!
Зрите себя во мне, когда я говорю;
И наблюдайте за тем, что я делаю,
И молчите о тайне моей.
Поймите, что я делаю, танцуя;
Я должен пострадать от страстей людских.
Ты должен знать,
И ты за меня страдаешь,
Пославший меня Логос-Отец.
Смотри, что мне предстоит вынести,
И вторь моим страданиям;
И не отводи взора.
Страдания изменяют тебя,
Они сделают тебя мудрыми.
Я буду твоим утешением; обрети покой во мне.
Знай то, что я — это ты, когда я уйду,
Что теперь я — уже не я.
Но то, что я — это ты, будет открыто тебе.
Если бы ты знал страдание. . .
Ты предпочитаешь иметь власть, не страдая.
Знай же, что, страдая, ты слабеешь,
Чтобы силу затем получить.
Тому, что не ведаешь ты, я сам научу тебя.
Я — твой Бог, а не предатель.
Я спасу святые души.
Во мне узнают они Логос Софии.

*Повторяйте за мною снова:
Слава тебе, Отче!
Слава тебе, Логос!
Слава тебе, Дух Святой!
Вы хотите узнать, кто я?
Одним словом я — Логос,
Который танцует и никогда не стыдится.
Именно я танцевал.
Но вы должны понять всё,
и, понимая, сказать:
Слава тебе, Отче! Аминь!⁷³*

Сказав это, Иисус ушел, а его ученики разбежались в разные стороны, как люди, очнувшиеся от транса, поскольку их сознание было сильно изменено гимном и танцем Иисуса. И даже Иоанн, его любимый ученик, не смог остаться и быстро сбежал в пещеру на Елеонской горе, и там он плакал и горевал. А когда Иисус был распят, тьма накрыла землю, но образ Спасителя явился Иоанну в пещере вспышкой яркого света и сказал ему: “Иоанн, в глазах прочих в городе Иерусалиме я распят и пронзен копьями, и в муках своих пил желчь и уксус, но вы должны знать, что ничего из того, что они скажут про меня, я на самом деле не перенес; поскольку истинным таинством было не это, но, скорее, то страдание, которое явил я тебе и другим в танце; вот что было истинным таинством, которое произошло на самом деле. Я показал вам, кто я на самом деле, и я один знаю это, как никто другой”.

Так Иоанн был упокоен явлением Спасителя. Иисус посетил также Петра, главного апостола.

В видении, которое случилось до пыток и распятия на кресте, Петр видел, что толпа подошла и схватила Иисуса. “Что я вижу, о, Господи?”, — спросил Петр. “Кто

⁷³ Автор использовал несколько текстов. Cf.: *The Hymn of Jesus*, Transl., with comments, by G.R.S. Mead (London: John M. Watkins, 1963), pp. 21–55.

это возвышается над крестом, счастлив и смеется? Он ли это или же другой, чьи ноги и руки прибывают гвоздями?” Спаситель ответил Петру: “Тот, кто возвышается над крестом, счастливый и смеющийся, — это живой Иисус. Тот, чьи руки и ноги прибывают гвоздями, является лишь его материальным телом, которое всего лишь замена, сделанная по его подобию”. Так, преследователям Иисуса не было известно, что во время распятия на кресте Иисус стоял в стороне и смеялся над слепотой врагов своих.

С этого времени Иисус стал известен как Живой, поскольку он сумел возвыситься над смертным миром. Хотя его тело было замучено и убито слугами Демиурга, он остался жить. Многие тайны явил он ученикам своим уже после того, как победил смерть. Он передал им много мудрости и брал их в мистические путешествия в тайные миры Эонов, где они узнали о сокровищах и чудесах света. Когда же настало его время покинуть это земное царство, он убедил своих учеников идти дальше и передать Гнозис всем людям. И он также ясно дал им понять, что пришел принести им свободу от Закона Моисеева, время которого вышло: “Я не оставляю вам заповедей, кроме той, что я повелел вам (а именно, что вы должны любить друг друга), и я не даю вам закона как законодатель, потому что я не хочу связывать вас каким-либо законом”. Сказав это, он ушел и, возвысившись, занял свое место в вышине, посреди Эонов.

После ухода Иисуса ученики были сбиты с толку и испугались, потому что каждый по-своему понимал тайны, которые он передал им. Они подошли к Марии Магдалине, которую он любил больше всех остальных учеников и которая считалась его спутницей, и они искали ее помощи. Мария же сказала им: “Я открою то, что скрыто от вас”. И она открыла им тайное учение, которое поведал ей Иисус, учение об окончательном освобождении всех вещей, и земных, и небесных, и то, каким образом душа

поднимется над сферами семи планет, которые должны спросить душу: “Откуда ты прибыл, могучий герой, и куда ты идешь, завоеватель пространства?” И победившая душа, освобожденная Гнозисом, ответит: “Независимо от того, что меня схватили и убили, и вопреки тому, что меня свергли, воля моя исполнилась, и теперь невежество мертво. Я — целый мир, и я была спасена от пространства, от оков беспомощного знания и от бытия во времени. Отныне я буду наслаждаться моментами вечности и тишины”. Так, Мария открыла другим ученикам истинную тайну спасения, и, хотя некоторые из них возмутились по поводу ее пола, они были обязаны принять ее Гнозис и пошли дальше в мир, зная, как следовать цели Спасителя и выполнить его задание по освобождению⁷⁴.

Интерпретация мифа

Миф о Спасителе повествует о том, что решающее открытие Гнозиса было принесено Христом, небесной Властью, которая снизошла и объединилась с природой Иисуса во время его крещения в реке Иордан. Это — все тот же Христос, который, согласно мифу Валентина, ждет возвысившиеся души у врат Плеромы вместе с Софией и хранителями Брачного Чертога, где в пневматическом союзе происходит высочайшее одухотворение человеческих душ. Христос, тем самым, является и посланником, дающим начало искуплению на земле, и трансцендентным жрецом, опечатавающим освобожденную душу печатью окончательного искупления.

⁷⁴ Миф о Спасителе был скомпилирован по мотивам следующих писаний: *Оды Соломона*; *Пистис София*; *Евангелие Израильтян*; *Евангелие от Фомы*; *Евангелие от Филиппа*; *Евангелие Истины*; *Деяния Иоанна*; *Апокалипсис Петра*; *Оксирихские папирусы*; *Тайное Евангелие от Марка*; *Евангелие Египтян*; *Евангелие от Марии*; *Codex Vercellensis*; *Codex Sangermanensis*; были также использованы цитаты из работ Иринея, Тертуллиана и Епифания. Автор наложил свой собственный стиль на перевод этих материалов.

Здесь, как и в случае с мифом о Софии, мы можем облегчить свое понимание, применив амплификацию с использованием архетипических мотивов, признанных К. Г. Юнгом: “Архетипическая драма жизни Христа символически описывает как события сознательной жизни, так и жизни, выходящей за пределы сознания — человека, который был преобразен своим высшим предназначением”⁷⁵.

Это означает, что жизнь Христа в психологическом отношении представляет собой процесс индивидуации. Юнг многократно ссылался на тот факт, что люди, охваченные коллективным мифом, бессознательно или полусознательно следуют ему, тогда как те, кто по различным причинам оставил его, претендуют на личный опыт Гнозиса, который, в конечном счете, преобразует их и приводит к психологической целостности. (Слово “человек” получено от латинского *in-dividuum*, что означает “неделимое единство”.) Следовательно, когда история Христа принимается на веру, она часто действует как заменитель или замена индивидуации ее символом. Когда миф, с другой стороны, признан метафорой, открытой для трансцендентности, он становится и символическим описанием, и руководством для личного опыта индивидуации. Это можно лучше понять, когда различные аспекты вышеупомянутого мифа индивидуации объяснены с точки зрения их смысла как стадии этого процесса.

Предыстория сознания символизируется трансцендентным семенем света, ниспосланным свыше. Процесс психодуховного развития начинается и заканчивается в Полноте, пространстве бытия. Полный потенциал психической жизни собран в целях воплощения его психэ настолько эффективно, насколько это возможно. Каждый шаг к истинному психологическому росту и преобразению начинается с расширения возможностей, которое обязано происходить в состоя-

⁷⁵C.G. Jung, “A Psychological Approach to the Dogma of the Trinity,” *The Psychology of Religion West and East, Collected Writings*, Vol. 11, par. 233.

нии целостности. В молитве Греческой православной церкви эта трансцендентная обстановка рождения выражена в предложениях, которые кажутся гностическими: “Девственница сегодня рождает Сверх-основу, и земля предлагает пещеру Неприступности. Я созерцаю Тайну, странную и поразительную: пещера — Небеса, и Дева — трон Херувимов: В яслях уложена Бесконечность”⁷⁶.

Перед рождением Иисуса священный огонь трансперсональной энергии нисходит в проявленное. Он делает это с помощью Девы Марии, девственность которой является символом личности человека или эго, способным к выражению трансперсональной психической энергии, не подвергаясь тем самым инфляции. Мария — лишь мать Иисуса “во плоти”; это означает, что каждая душа в процессе индивидуации “дважды рождается” — однажды в сфере духовного совершенства и однажды во внешнем проявлении. Духовная чистота и домашний уют земных родителей Иисуса показывают необходимую проницаемость человеческого эго, без которой невозможна успешная индивидуация. Эта проницаемость может облегчить ранние столкновения и даже союз с Самостью, символизируемой в гностических священных писаниях ангелом-близнецом, который посещает маленького Иисуса и объединяется с ним еще в детстве.

В таинстве крещения будущий Спаситель получает свое истинное призвание посредством света или нисхождения божественного принципа. Объективное психэ, самая глубинная сущность коллективного бессознательного, проявляет себя и путем индивидуации приводит человека к его истинному предназначению. Каждый человек в своей жизни переживает трагедию смерти и возрождения, когда трансперсональная судьба встречена и принята. Эта судьба никогда не находится на уровне приземленных и личных соображений, но она всегда является результатом явления (или Епифании — таково древнее название праздника в честь

⁷⁶Гимн Греческой Православной Церкви на литургию 25 декабря.

крещения Иисуса) силы, большей, чем наша человеческая индивидуальность. О гностическом понимании крещения Ириной пишет:

“Поскольку крещение, принятое видимым Иисусом, было освобождением от грехов, но Христос, который снизошел на Него, был совершенством; ...первый — тварь, а второй — Дух. И крещение Иоанна было объявлено в целях покаяния, но искупление Иисуса было введено ради совершенства. И он выражает свое отношение к нему, когда говорит: Крещением должен я креститься, и как я томлюсь, пока сие свершится!” (Лк. 12:03)⁷⁷.

Первое крещение Иоанна связано с подготовкой и очищением, второе — с искуплением от ограничений и ужасов, наложенных на людей архонтами космоса.

Индивидуальное эго считает себя противоречащим обстоятельствам этой жизни и в особенности правилам и нормам, наложенным на душу теми, кто заинтересован в сохранении приземленного порядка вещей. Таким образом, Иисус жалуется на слепоту своих братьев и призывает их не следовать за вождями и законами, демонстрирующими духовную слепоту. Закон индивидуации сильно отличается от процедур, которые душа может соблюдать до открытия своего истинного, высшего предназначения. Таким образом, старый Закон должен быть упразднен во имя возобладания нового.

Тайная вечеря, проведенная Иисусом и его учениками, принимает двойной гностический аспект. Первой частью его является таинство евхаристии, все еще широко распространенной в христианском мире. Слово “Eucharist” означает “Благодарение”, а акт освящения и вкушения хлеба и вина считался первыми христианами надлежащим способом благодарения Бога то, что тот ниспослал им Спасителя и сделал эту благодать доступной для них. Вторая часть истории

⁷⁷Adv. Haer. I. XXI, 2.

Тайной вечера, явленной в гностическом мифе, имеет иное устройство. Для объединения с высшей жизнью необходимо испытать экстаз, и этот элемент воплощен в танце, на который Иисус приглашает своих учеников после того, как они делят с ним священную пищу. Кроме того, он делает очень важное заявление о том, что истинная природа его страдания выражается в танце, а не в мрачной трагедии Казни. Вот важный момент в драме Спасителя, который был забыт и проигнорирован в канонических писаниях, признанных церковью! Почему? *Χορεία μύστικα* (экстатический танец) был известен в древности. В одном греческом магическом папирусе мы читаем: “Приди ко мне, Ты, чье искусство самое великое на небесах и кому небеса были даны как танцующая земля”⁷⁸. Таким образом, высшие божества часто понимались как танцоры, своим танцем побуждающие мир проявиться. Точно так же у религиозного танца есть способность произвести сильное впечатление на последователей веры, которые, радостно танцуя, проходят сквозь врата инициации в божественные Эоны. Танец как содействие установлению контакта с Богом был по-прежнему известен в Средневековье, где немецкий мистик Мехтхильда фон Магдебург (1212–1277 гг.) в своем стихотворении *Der Minne Wag* (“Путь любви”) описывает нам диалог Бога с девушкой. Бог повелевает: “Дева, танцуй так ловко, как избранницы мои танцевали прежде”, и девушка отвечает:

*Я бы не танцевала, Господь,
Если бы Ты подошел ко мне.
Хочешь, чтобы я подпрыгивала выше?
Тогда спой для меня.
Так я прыгну в любовь,
От любви в знание.
От знания в радость,
От радости*

⁷⁸*Mimaout Papyrus*, Col. V. 130.

*За пределы всех человеческих чувств*⁷⁹.

Таким образом, мы подходим ко второй части мифа о Тайной Вечере; восторженный танец явлен как другая, или вторая евхаристия, акцент которой сосредоточен не на пролитой крови и изувеченном теле распятого, но, скорее, на танце, который не ограничивается земными танцорами; к нему присоединилась Грейс (Грация), одна из высших женских эонов Полноты, равно как и восемь (семь планет вместе с их сферами трансцендентности), и двенадцать знаков Зодиака. Танец, таким образом, показан как космическое и транс-космическое движение, в котором участвует всё творение и который также задействует представителей божественной Полноты. И потому Иисус говорит Иоанну, что истинная тайна его страдания не в Распятии на кресте, но в танце. Может быть, в этой связи было бы полезно напомнить, что глагол “пострадать” [to suffer] происходит от латинского “sub-ferre” — “претерпеть”. Что же, таким образом, на самом деле претерпел Спаситель? Распяtie на кресте своего материального воплощения? Нет, поскольку, в отличие от гилетической части человечества, он обладал способностью отделения от плоти. Он, однако, претерпел ограничения для того, чтобы войти в область, где находятся потерянные искры света и откуда их следует освободить.

Психологическое значение Распятия на кресте — и даже, по большей части, космического, нежели физического, на деревянном кресте — хорошо обозначено К. Г. Юнгом:

Реальность зла и его несовместимость с добром раскалывает мир на две противоположности и непременно приведет к распятию на кресте и страданию всего живого. Так как “душа является по своей природе христианкой”, она обязана очиститься, как это произошло

⁷⁹Fr. Schulze-Maizier, ed, *Mystische Dichtung aus sieben Jahrhunderten* (Leipzig: n. d.), p. 78.

*в жизни Христа, то есть, претерпев моральные страдания, эквивалентные истинному распятию на кресте*⁸⁰.

Крест и танец — два взаимосвязанных и меняющихся символа. Танец являет Животворящий Крест, который является не простым деревянным крестом, но крестом света, на котором претерпевают истинную жизнь и спасение космоса. Это таинство явлено именно в восторженном танце: Логос говорит, что он — тот, кто станцевал все вещи и кто научил нас природе страдания и искупления. Юнг говорил, что, с психологической точки зрения, драма Христа представляет собой претерпевание Самости, поскольку она подвергается воплощению в человеческом я и индивидуальном эго, потому что она участвует в спасительной драме индивидуации. Миф о гностическом Христе чрезвычайно совместим с этим пониманием, хотя важно признать, что интерпретация мифа с точки зрения трансцендентных психологических категорий обладает многочисленными аспектами, которые мы здесь не сможем объяснить. Танцующий Спаситель — это уникальный гностический образ, в котором экстаз и страдание, космический процесс и его трансцендентность, воплощение и освобождение сливаются в особом гностическом соединении противоположностей. В этом мы можем также найти признаки часто упускаемого из виду явления: роли экстатического, измененного состояния сознания в опыте Гнозиса. Интенсивность передачи мысли и эмоций точно описывает образ Танцующего Спасителя, погружающего нас в свой удивительно изящный экстаз, когда он повелевает нам:

*Все, чья природа может танцевать; танцуйте.
Аминь!*

*Те, кто танцует, не думают, что это закончится.
Аминь!*

⁸⁰ *Психология и алхимия.*

Глава 8. Князья Мира: Миф об Ангелах-тиранах

Введение: Создания Творца или Божьи Мятежники?

Кто же является создателем, а кто — управителем мира сего? Ответы на эти вопросы сильно различаются. Господствующая традиция иудо-христиано-исламской ортодоксии приписывает создание и последующее управление Космосом Единому Богу, конечному источнику и всеобщему Судии. У альтернативной традиции, разумеется, всегда были сомнения относительно этого суждения, которое она считала, в лучшем случае, упрощением, а в худшем — и вовсе обманом и ложью. Древние народы были гораздо более утонченными в своих взглядах на изначальные метафизические вопросы, чем мы признаем это сегодня, и, тем самым, они часто выдвигали идеи, подвергающие сомнению упрощенное представление монотеистических религий. Один из таких вопросов — сама природа Бога. Если изначальный источник всего сущего является абсолютным, как утверждает большинство религий, тогда как могло это совершенное, трансцендентное, абсолютное бытие быть в ответе за мелочи формирования и развития неисчислимых деталей созданной структуры мира? Отражая настроение многих древних источников, нео-гностицистский автор, Е.П. Блаватская, пишет:

*Единое бесконечно и невыразимо. Оно не может создавать, поскольку не имеет никакого отношения к конечному и обусловленному. Если всё, что мы видим, от величественных звезд и планет до травинки и пылинки, было создано совершенным Абсолютом и являлось непосредственной работой Первичной энергии, происходящей из него, тогда каждая такая вещь была бы совершенна и невыразима, как и ее создатель...*⁸¹

Как выявила вышеупомянутая цитата, следующий вопрос, поднимаемый критиками монотеистических религий, касается существования изъянов и зла в мире. Как может

⁸¹Е.П. Блаватская, *Тайная Доктрина*.

всемогущий, добрый Бог создать и/или одобрять существование столь многого, выходящего за пределы, несправедливого и бессмысленного зла? (Часто давался почти легкомысленный ответ, что зло, так или иначе, происходит от человеческого греха, — ответ, который не был бы даже всерьез рассмотрен большинством просвещенных философов античного мира.) С другой стороны, если зло и дефекты существуют в мире, они должны быть, по крайней мере, частично, следствием усилий неких посредников, которые стоят между проявленным бытием и Абсолютом и не разделяют совершенство и добродетель Создателя. “По делам их узнаете их”. Несовершенный мир, заполненный реальным злом, должен быть творением богов или Бога, являющего собой ошибку. Таково было суждение гностиков и предшествующих им искушенных мыслителей античности.

Иудейская религиозность перенасыщена любопытными противоречивыми образами и понятиями относительно природы Бога и происхождения зла. Шумеро-вавилонская религиозная матрица, которая оказала сильное прямое влияние на древний иудаизм, признавала, что боги были в равной степени ответственными как за зло, так и за добро. Энки и другие вавилонские божества свободно развлекали себя, создавая монстров и уродов, принося человечеству зло лишь ради своего божественного извращенного развлечения. Господь Бог Израиля был во многом подобен своим вавилонским прототипам: он имел как добрую, так и злую сторону и свободно проявлял обе эти склонности по своей прихоти. Люди, служившие еврейскому Богу, должны были просто склонить свои головы перед его волей, сулила ли она им благодать или кару. За последние несколько веков до н.э. всё большее число евреев уже не было готово выносить напряженность противоположностей, которую они чувствовали в своем Боге. Вследствие этого эссеи все более подходили к мифу о двойственности, которая служила объяснением существования радикального зла в космосе. Люди Свитков

старательно искали самые туманные работы еврейской литературы и мифологии, — такие, как предания, связанные с пророком Енохом, и обнаруживали идеи, проливающие свет на их понимание зла и на сражение Сынов Света с Сынами Тьмы. Некоторые из этих священных писаний говорили о несовершенных существах, заселивших пропасть между Богом и созданным им космосом.

У идеи существования и влияния ангелоподобных существ, “Сынов Божьих”, являющихся, тем не менее, несовершенными, развратными и непокорными, есть вполне достаточное основание в еврейской Библии. Первые четыре стиха шестой главы Книги Бытия повествуют о любопытном эпизоде, когда так называемые Сыны Божьи взяли в жены первых дочерей человеческих (“каждый из них полюбился им”) и, тем самым, стали прародителями столь же неясного рода существ, название которых иногда переводится как “герои”, а в других случаях — как “титаны”. Более поздние еврейские апокрифы, такие как Книга Ноя и знаменитая Книга Еноха представляют собой долгое развитие этой темы. События, на которые слишком кратко ссылается Книга Бытия, теперь принимают форму восстания, вызванного вожделем и алчностью. Вождь сынов небес по имени Semihazah восстал против своего Господа-тирана на горе Хермон вместе с двумя сотнями мятежных ангелов. Они провозгласили жестокие магические клятвы и проклятия, а затем воспылали вожделем к человеческим женщинам. Эти ангелы были названы зловещим именем “Стражи”, а потомство, родившееся от изнасилованных ими женщин, — суть злые и жестокие титаны, убивающие людей и животных и разоряющие землю. Бог поведал Еноху, что титанов называют демонами или злыми духами, которым суждено пребывать на земле. Эти титаны продолжают угнетать человечество и причинять земле вред, и все это оправдано тем, что у них есть “святые Стражи”, их предки и прародители. Один из десяти вождей мятежных ангелов в Книге Еноха по

имени Асаэль в письменах Кумранской общины появляется как Азазель (см. Главу 2 данной работы). Один из пассажей Книги Еноха особенно любопытен. Енох путешествует в космических сферах, наблюдая всё мироустройство Вселенной, и ему открываются семь небесных звезд, которые связаны между собой как заключенные. Еноху разъяснили, что это некоторые из звезд ослушались Божьей воли и были сосланы туда на десять тысяч лет за свои грехи. Объединение непокорных ангелов с семью планетами приводит нас к гностической идее о том, что планетами управляют зловещие Господа Предела, которые намерены держать дух человечества в плену его земной тюрьмы⁸².

Вслед за Книгой Еноха Книга Торжеств (обе они были популярны у ессеев) привлекла Людей Свитков идеей мятежных ангелов, естественно развившейся в гностическую концепцию, расколовшую библейского монотеистического Бога на превосходящую Сущность с одной стороны и низшего творца, Демииурга, с другой. Трансцендентность и невыразимость Бога в течение некоторого времени подчеркивалась еврейским богословием, в то время как развившаяся гностическая тенденция общины ессеев, наконец, вспыхнула как открытое восстание против образа Иеговы, каким он был явлен в общепринятом учении еврейского духовенства⁸³. Параллельно с этим получила признание и доктрина “Сына Человеческого”. Это выражение означало просто члена человеческого рода, но учение, разросшееся вокруг этого термина, явило смысл, отличный от его общепринятого понимания. “Сын Человеческий” звучит на греческом языке как “Anthropos”, воплощением которого на земле считался Учитель Праведности.

⁸²Превосходное детальное описание основного содержания *Книги Ноя* и *Книги Еноха* см. в: Neil Forsyth, *The Old Enemy: Satan and the Combat Myth* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1987).

⁸³Josephus, *Contra Apionem*, 2, 167.

Он стал пониматься как отражение Бога в творении, как изначальное проявление трансцендентного Бога, которому суждено наиболее полно развить свой потенциал на нашей планете. Этот архетип истинного человека был описан Хью Шонфилдом в его последней работе “Одиссея ессеев” следующим образом:

Он — идеал, скрывающийся под разными именами. Его можно встретить на Востоке и на Западе, в прошлом, настоящем и будущем каждого из нас, в любой вере и стране. Он — бессмертный путешественник, вынесший все бедствия, которые может причинить наша планета. Везде, где он находится, он обращает нас к нашей лучшей части, к пути заботы о других, к любви и сердечной доброте. Он возвращает нам нашу храбрость и нашу надежду. Он вечно изменяется, так, чтобы во всем нашем разнообразии мы были бы у него в гостях, а он — нашим домом. Он — цель, за которую мы сражаемся, Мировой Человек мудрейшего, благороднейшего мира, который мы только можем представить в нашем тонком воображении. Через него, в духе, мы приходим к бесконечным чудесам и несравненной славе⁸⁴.

Самым ранним воплощением архетипа этого человека, как считала развивающаяся альтернативная традиция, была первая человеческая пара, Адам и Ева. Ряд объединенных вместе трактатов, известных как “Книги Адама”, включающих в себя такие работы, как Жизнь Адама и Евы (*Vita Adae et Evae*), Апокалипсис Моисея, а также текст из Наг-Хаммади — Апокалипсис Адама (все они были написаны, вероятно, в первом веке до н.э.), являют нам образ прародителей человечества, который существенно отличается от нынешнего представления. Адам и Ева появляются здесь как величественные, квази-божественные существа, исполненные славой и властью, которой завидуют мятежные ангелы. В откровенно гностическом Апокалипсисе Адама

⁸⁴Schonfield, *The Essene Odyssey*, p. 137.

сам Адам говорит своему сыну Сифу о своем и Евы изначальном состоянии: “И мы напоминали великих вечных ангелов, поскольку мы были превыше Бога, создавшего нас и давшего нам могущество, о котором мы не знали”.

Мятежные ангелы встали между превосходящим Богом и его творением; между совершенными людьми, созданными по подобию Божьему, и наделенными Духом высшего мира; зависть и гнев мятежных ангелов обратились против человечества. Таковы драматические составляющие великой трагедии человеческой жизни на земле в понимании мифа альтернативной традиции. Теперь, возможно, мы готовы оценить миф о Князьях мира сего и об их эоническом противостоянии Сынам человеческим.

Миф об Ангелах-тиранах

От Софии, небесной матери всех живых существ, родился тот, кто стал создателем и управителем системы творения. Его мать пребывала в великом горе и страдании, когда явила его на свет, потому что она оказалась одна в бездне тьмы, и свет ее померк. Ее дитя явилось перед ней, и она увидела, что оно изменило форму: оно приняло обличие змея с мордой льва, а из глаз его вылетали молнии. И София раскаялась в своем желании явить существо, чтобы не быть в одиночестве, и она плакала и переживала за своего сына, которого она назвала Иалдабаоф, что означает Бог-дитя.

Иалдабаоф удалился дальше в Хаос и вылепил систему творения по своему вкусу, поселив в ней двенадцать властителей — семь Царей небесного свода и пять Царей бездны. Все они, вместе со своими детьми, назвались архонтами и получили власть, и власть их была велика. Тогда архонты и их господин смешали Свет с Тьмой так, чтобы Тьма показалась Светом и могла бы обмануть глаз. Это смешение Света и Тьмы явило мир, который был несовершенен и слаб, потому что Тьма образовала панцирь, не пропускающий Свет, который мог бы защитить его. И в самом деле, велика

была слабость этого мира, а страшные силы мрака были повсюду смешаны со светом и злыми существами.

Так, Иалдабаоф встал во главе сотворенного им мира и в высокомерии и гордости своей воскликнул: “Я — Бог, и нет никакого другого Бога, кроме меня!” Этим он показал свое незнание истинной природы бытия и в гордыне своей отрекся даже от собственной матери. София, однако, увидела его сверху и воскликнула громким голосом: “Ты говоришь неправду, о, Самаэль!” Так он получил имя, сделавшее его слепым господином смерти, а затем София назвала его Сакля и, тем самым, подтвердила его глупость.

София, зная, что ее дитя воплотило творение по своему собственному ошибочному подобию, решила тайно прийти на помощь Свету, рассеянному в мире. Она спустилась вниз и почти достигла земли, обойдя все ее части, и так она привнесла свою премудрость и любовь в систему, созданную глупым управителем. Именно ее могущественный Дух носился над водами, как сказано в Книгах Моисеевых. Архонты думали, что они одни создали и устроили мир, но дух Софии тайно вплел в саму ткань их работы прекраснейшие архетипические образы.

Тогда великое чудо явилось на небесах: человек, величественный и совершенный. И образ его сопровождался голосом, который произнес: “Возник Человек и Сын Человеческий”. Архонты и их господин вздрогнули и явили пропасти, и воды в ужасе расплескались по земле. Столь велико было сияние небесного человеческого архетипа, который явился на небе, что архонты были ослеплены им и не могли противостоять его власти! Они отвели глаза в сторону и созерцали отражение Человека, появившееся внизу, на воде.

Все архонты и их слуги объединили свои силы и создали точную копию образа небесного человека. Но их работа получилась слабой и ошибочной, потому что силы Софии не было в их созданиях. Поддельный человек был унылым и

неодушевленным и ползал по земле как червь. Тогда София отправила вниз несколько своих посланников света, и они тайно проникли в разум Иалдабаофа, заставив его вдохнуть жизнь в этих жалких существ. Правитель думал, что именно он даровал человеку жизнь, но в действительности это сделала его мать, София, которая дала человечеству истинную жизнь. И человек встал, пошел, и был окружен неземным светом.

Иалдабаоф и его архонты вынуждены были признать, что человек есть существо, духовная сила и разум которого превосходили их собственные. Исполненные завистью и гневом, они напали на человека, чье имя было Адам и бросили его в самую темную область материи, чтобы он томился в горе и страдании. Но София вместе с высшими силами Полноты послала Адаму помощницу, чтобы научить его раскрыть свою премудрость и духовную силу. Помощница была женщиной, которая стала известной как Ева, но ее истинное имя — Зоя [Ζωή], что значит “Жизнь”. Мудрый женский дух вошел в Адама и был сокрыт в нем так, чтобы архонты не видели ее присутствия.

Архонты же сговорились и замыслили план, по которому надеялись обмануть человека и сделать его пленником своего творения. Они создали сад, наполненный всеми красотами и прелестями земли, и поселили в нем Адама, дав ему все, чего только он мог пожелать. Но красота и удовольствия, которые они предложили ему, были обманчивыми и развращающими с целью сделать его пленником, безвольным и безжизненным. В саду росло Древо Жизни, но архонты запретили Адаму касаться его и вкушать его плоды.

София и другие небесные силы вновь пришли на помощь Адаму и вдохновили его вкусить плодов Древа Жизни и бросить вызов Властителю и его Ангелам-тиранам. В этот миг женщина отделилась от Адама, а Властитель архонтов увидел в ней свет Софии и был разгневан. Он гнался за

ней по всему саду и, подчинив ее, овладел ею насильно. Она родила двух сыновей, истинными именами которых были Элоим и Иаве, которые стали известны как Каин и Авель. Но светлый дух премудрости, пребывавший в Еве, покинул ее во время этого изнасилования, поэтому была осквернена Ева как человек, но не Зоя как животворящий дух. Элоим-Каин стал повелителем земли и воды, и от него произошли мужчины и женщины, увлеченные материей, тогда как Иав-Авель повелевал огнем и воздухом и стал отцом людей, ценивших, прежде всего, душу и разум. Адам понял, что его властитель — тиран, и он произвел на свет сына по имени Сиф, устремленного к Духу, который стал отцом тех, кто жаждет Гнозиса и борется за союз с Духом.

Ангелы-тираны гневно взирали на всё это, потому что человечество пошло своим путем и больше не останется в раю дураков, где Властитель хотел держать их в плену. Главный правитель особенно проклинал женщину, которая стала матерью человечества, и судьба ее и ее дочерей с тех пор сделалась жестокой. Но Ева родила дочь по имени Нория, которая была преисполнена истинным Гнозисом и оставалась на земле в течение долгого времени как помощница человечества, потому что была мудра и знала о планах и злых делах Ангелов-тиранов.

Тем временем, людской род множился, и многие, просвещенные Сифом и Норией, обращались к Гнозису, а немногие мужчины и женщины принимали архонтов как богов и следовали их законам. Тираны собрались и объявили, что хотят погубить всех людей, которые не подвластны им. Они вызвали потоп, от которого намеревались спасти только тех, кто был всё еще верен им, и среди них был человек по имени Ной. Главный архонт явился к Ною и повелел ему строить ковчег, чтобы спасти себя и своих единомышленников от потопа. Нория же, узнав об этом, решила воспрепятствовать их плану. Сначала она попыталась отговорить Ноя от строительства ковчега, но не преуспевала в своей

попытке. Ковчег был построен так, что он не мог сгореть, и тогда она наслала на него ветер, разрушивший его. Ной, тем не менее, будучи упрямым, построил второй ковчег.

Тогда злые ангелы напали на Норию, желая изнасиловать ее, как это было с ее матерью Евой, но великий Ангел Света по имени Элетет спас ее и дал ей силу продолжить свою миссию. Постигшие истину укрылись в светящемся облаке высоко над горами и были спасены от потопа. Так, благодаря Нории, был разрушен план Ангелов-тиранов.

С тех пор человечество жило в борьбе и разделении, потому что главный архонт разделил его в гневе. Истинный Гнозис стал редким явлением, и сыны человеческие узнавали о бесполезных и мертвых вещах, и знание их стало мирским и порочным. Однако род человеческий никогда не был покинут, поскольку для него находились помощники из высших Эонов. Не только София и ее ангелы, но и некоторые Ангелы-тираны отвернулись от зла своего правителя и вернулись на службу Свету. Величайшим из них был брат Иалдабаофа по имени Саваоф, или Абракасас. Этот дух отказался подчиняться своему слепому и злому брату и перешел на сторону своей матери, Софии, которая назначила его управителем семи небес, откуда он время от времени голосит подобно звездному петуху всему живому, чтобы оно пробудилось и отказалось от темных дел.

В более поздние времена возник конфликт между сынами человеческими, все еще служившими Ангелам-тиранам, и освобожденными Гнозисом. Слуги Иалдабаофа предали просвещенных, и архонты пролили на них дождь из огня и серы, надеясь погубить их. Абракасас-Саваоф вместе с другими могущественными Ангелами Света спас их, так что план архонтов вновь потерпел крах. (Это стало известным как разрушение Содома и Гоморры.)

Вновь и вновь собирались архонты и строили козни с целью уничтожения тех людей, которые не захотят служить им. Они хотели испортить весь человеческий род, смешивая

Abraxas

свою природу с человеческой; они похищали многих человеческих женщин и порождали титанов, преисполненных злобой. Эти титаны и стали предками тех людей, которые самодовольно разоряют землю и лишают достойных мужчин и женщин их имущества и хлеба насущного. Вследствие всевозможных злых планов и бесчинств архонтов некоторая доля человеческого рода была заражена их семенем, хотя все мужчины и женщины обладают еще и искрой Софии.

Архонты, однако, и в самом деле являются тиранами. Их самое горячее желание — поработить сынов человеческих и управлять ими, ведь они не доверяют им и презирают их, поскольку те выше самих архонтов. Поэтому тираны изобретают законы и заповеди, которыми они могли бы связать сынов человеческих. Они выдают себя за посланцев Света, или даже за истинного Бога, и требуют подчинения и поклонения. Так они обманули многих исполненных благими намерениями пророков и провидцев и воцарились над многими народами. Закон Моисея был, по крайней ме-

ре, частично, вдохновлен архонтами, поскольку Моисей не смог провести различие между истинным, трансцендентным Богом и управителем Ангелов-тиранов.

Иисус спустился из высших эонов для того, чтобы способствовать поражению Ангелов-тиранов просвещенными людьми, которые могли бы стать свободными и вдохновить все живое, чтобы оно могло пробудиться и отказаться от служения Тьме. Тайнства просвещенных должны были стать оружием против козней их противников.

Главный архонт в слепоте своей не разглядел, что Иисус был столь высокого и божественного происхождения, и он принял его за простого человека, которого можно убить. Таким образом, он подстрекал священников и фарисеев к тому, чтобы осудить Иисуса на смерть. Иисус же не умер: он позволил создать иллюзию своей физической смерти. Он вернулся с триумфом и завершил свое дело искупления, несмотря на планы своих врагов. Нападки же на его личность принесли его преследователям такие последствия, что вскоре Иерусалимский Храм был разрушен, а обстоятельства изменились таким образом, что многие смогли отказаться от старого закона, который был принят под влиянием архонтов. Иисус принес духовную свободу, воцарившуюся в течение лишь краткого периода истории, ведь Ангелы-тираны вновь извратили послание Благой Вести. Битва сил Света против Ангелов-тиранов продолжается, но результат не вызывает сомнений. Силам искупления суждено победить, в результате чего освободятся искры Света Гнозиса, сокрытые в человечестве. Поражение настигнет слепых и глупых Ангелов-тиранов, которые так долго правили в царстве как узурпаторы, незаконно захватившие власть.

Интерпретация мифа

Происхождение главного Ангела-тирана приводит нас к Софии. Женская душа, спустившись в бездну тьмы, порождает потомка. Это творение нуждается в союзе противоположно-

стей. Голова нуждается в согласии с сердцем, эго — с Самостью, Дух — с физическим телом, анима — с анимусом (и наоборот). Неуравновешенные действия влекут за собой бедствия.

У внебрачного сына Софии было тело змея с головой льва. Он также обладал способностью принимать другие формы.

Лев и змей — существа, связанные с первичной полярностью огня и воды соответственно. Согласно той же тенденции, во многих гностических священных писаниях Демиург описывается как андрогин. Эти особенности и позволяют предположить, что он является определенной недифференцированной бессознательной силой, противостоящей дифференцированному сознанию. В “Семи наставлениях мертвым” Юнг обращается к похожему символическому образу как к “андрогину низших начал”. Таким образом, мы можем определить его как символ примитивной, недифференцированной психической энергии, образующей структуру человеческого эго. Как только эта энергия приняла идентичность эго, она начала создавать свой собственный мир. Эго удаляется от своего наибольшего психического фона и вскоре поворачивается спиной к своей матери и высокомерно провозглашает свою независимость от бессознательного таинства, от которого оно произошло. Имя “Иалдабаоф” имеет несколько значений, но, тем не менее, оно было получено из YHVH (Яхве, Иегова), значение которого, “Я есмь тот, кто есмь”. Разве акцент на слове “Я”, опять-таки, не характеризует саму психическую природу эго? Несовременный Творец, таким образом, является подходящей метафорой для того, что в глубинной психологии называется “отчужденным эго”. Следуя своим эгоистичным целям, эта психическая единица далеко удаляется от премудрости (Софии) бессознательного и провозглашает себя творцом и правителем. Тот, кто мог бы стать Ангелом Света, становится темным тираном.

Окончательное доказательство высокомерия тиранического эго — в заявлении Демиурга: “Я — Бог, и нет никакого другого Бога, кроме меня!” Юнгианский психолог Эдвард Эдингер описывает эти явления следующим образом:

Побуждение к власти всех видов является симптомом инфляции. Всякий раз, когда кто-либо стремится к власти, он подразумевает всемогущество. Но всемогущество — это свойство Бога. Жесткий интеллектуализм, который пытается приравнять свою личную истину или мнение к всеобщей истине, также является проявлением инфляции. Это предположение о всеведении... Любое желание, исполнению которого придается главная ценность, выходит за пределы реальности эго и, следовательно, принимает признаки трансперсональной силы⁸⁵.

София, таким образом, представляет собой трансперсональную, божественную матрицу (от слова “mater” — “мать”), тогда как Иалдабаоф является тираническим эго, которое не желает признать превосходства над собой и каких-либо пределов своей власти. Можно также отметить, что Демиург часто демонстрирует приступы гнева, что является признаком состояния инфляции. Раздутое эго всегда пытается подчинить свою среду и доминировать в ней, а когда его попытки оказываются безуспешными, оно испытывает жестокий гнев. По этой причине Создатель проклинает Еву во время грехопадения, и гнев заставляет его и архонтов применить к ней насилие, а затем совершить попытку того же насилия с Норией. (Совершенно в гностическом духе различные юнгианские психологи определяли этот вид высокомерного гнева как “комплекс Яхве”.) Отчуждение приводит к инфляции; дитя Софии становится чуждой своей матери, а затем высокомерно не признает ее и другие силы, которые выше него самого.

⁸⁵Edward Edinger, *Ego and Archetype, Individuation and the Religious Function of the Psyche* (New York: Penguin Books, 1972), p. 15.

Эго создает свой собственный мир, но это — ошибочный мир. Премудрость над-личностного, архетипического психэ, однако, никогда не отсутствует полностью. Именно поэтому дух Софии снизошел до творения и тайно вошел в него. Алхимики использовали термин *Lumen Naturae* — “Природный Свет” и, тем самым, подразумевали, что кроме высшего божественного совершенного света существует и другой свет, низшей природы, но по-прежнему сильный. Этот свет есть в природе и в теле человека. Его изначальное происхождение, разумеется, является божественным. Наличие этого света обозначено несколькими мифологемами в истории Демиурга и его Ангелов-тиранов. Во-первых, София вступает в близкую связь с творением. Она являет испуганному пристальному взгляду архонтов образ совершенного, или небесного Человека. На основе этого высшего архетипа архонты творят первого человека, но ему недостает одного чрезвычайно жизненного компонента: сознания, или самосознания. Эта сила дается ему только по воле Софии. Мы созданы по подобию великих архетипических образов, но мы становимся людьми только тогда, когда нам дается дар сознания.

С первыми ростками сознательной индивидуальности начинается и процесс психо-духовного роста. Первые шаги на пути индивидуации вызывают сильное сопротивление тиранического эго. Духовное развитие никогда не дается без борьбы, вызванной высокомерием эго и его жаждой власти. Длинная история трудных отношений человеческого рода с Демиургом и архонтами — это повествование, говорящее именно об этой борьбе.

Особенно прекрасным мифологическим выражением этой борьбы является история Адама и Евы в Райском саду в понимании гностиков. Мир эго основан таким образом, что может различными способами эффективно отвлечь психэ от задач индивидуации, ведь это — райский мир: он населен объектами и событиями, обещающими удовольствие, богатство и власть. Однако с точки зрения трансформа-

ционного роста это — рай дураков. Змей, не упомянутый по имени, в нашем случае является истинным принципом Гнозиса, проявившимся в сознании и побудившим его к индивидуации. Кроме того, достойно упоминания то, что именно Ева, а не Адам, вызывает вдохновение премудрости и счастливую катастрофу изгнания из рая. Гностические переводчики Книги Бытия, в целом, чувствовали, что Ева представляла собой человеческий дух с его божественной интуицией, тогда как Адам являл собой душу с ее отчасти земными чувствами и мыслями.

Эта мифологема повторяется и в истории Ноя, где Нория действует как Дух, а Ной остается подвластным архонтам. И немного остается сомнений в том, что подход гностиков, в целом, немало склоняется к женскому началу с его нерациональным, интуитивным акцентом. Единственным человеком, который признал этот факт и нашел ему хорошее применение, был К. Г. Юнг. Уже в августе 1912 года Юнг сообщил в письме Фрейду, что у него есть ощущение того, что женскому гностическому образу премудрости, который он символически назвал Софией, суждено вновь войти в современную западную культуру посредством глубинной психологии. Открывая тайные уголки человеческой души путем интуиции и проницательности, реабилитируя достоинство человеческих чувств, психология Юнга в значительной мере оправдала это раннее предсказание. У премудрости гностических мифов женский облик. Она проявляется в образах Софии, Евы, Нории, Марии Магдалины и других женщин, становившихся, на протяжении всей истории человечества, воинственными защитницами Гнозиса, тогда как мужское психэ с его более прозаической, земной направленностью чаще всего вступает в союз с силами сознательного эго и мирской суетой. Можно также отметить, что, хотя отношения Адама и Евы представляются истолкователями гностицизма метафорой интра-психических отношений души и Духа, значимость женской премудрости, воплощенной

в каждой женщине, не теряется из виду. Таким образом, когда мудрый Дух, посланный Софией и изначально сокрытый в Адаме, наконец-то отделяется от него и становится его внешним помощником, Ева остается его учителем, вдохновителем и духовным наставником. Здесь можно провести психологическую аналогию с важностью признания ценности Анимы не только в мужском психэ, но и в форме ее проекции на женщину из плоти и крови.

Другой поучительный и существенный мотив, встречающийся во многих других гностических мифах — это ограничение свободы законом. Всякий раз, когда люди становятся свободными, Ангелы-Тираны пытаются погубить их. “Грехи”, за которые Ангелы наслали на человечество потоп и дождь из огня и серы — это неповиновение им.

Глубинная психология признает, что индивидуация подразумевает путь вопреки установленным законам общества. Пока человеческая психика содержит в себе стандарты семейного, государственного и общественного уклада, не происходит внутреннего роста, способствующего индивидуации. Это не означает, что каждый отдельный человек навсегда обречен на мышление бунтаря и анархиста. Скорее, мы должны понять, что когда психика перестает слепо принимать правила и законы, внешние по отношению к себе, и отождествлять себя с ними, человек становится способен жить свободно в рамках социальной среды. Индивидуальность (или достигшая успехов на пути индивидуации личность) редко выставляет напоказ свой неконформизм, но она не является бессознательным рабом или жертвой коллективных правил и условностей. Для того, чтобы сделать выбор, необходимо освободиться от слепого соблюдения установленных правил. И этот процесс выбора характеризует результат индивидуации в ее лучших проявлениях. Поэтому, само собой разумеется, гностические мифы описывают сражение за свободу выбора и против рабства закона. Гностики-пневматики — это и те, кто готов нести

бремя ответственности и наслаждаться славой внутреннего выбора, тогда как психики и не гностики чтят, прежде всего, внешний закон и ставят превыше всего внутреннюю ценность своей души.

Гностические мифологемы, как правило, противоречат ветхому Закону Моисееву с его жесткой обеспокоенностью догмами, а также новому закону, провозглашенному Иисусом, а именно — доктрине смирения и вытекающим из такого смирения последствиям, которые должны выразиться в коллективной искупительной победе израильского народа.

Последнее подразумевает экзистенциальное преимущество, вызванное к жизни сознательным выбором и личной ответственностью. (Многие последующие события привели к пренебрежению этой экзистенциальной составляющей христианской этики, которая не смягчает противоречивости бытия, но не может низвести его полноценность, когда она признана и воплощена.) Старый закон — это закон коллективной психологии, находящейся под влиянием темной тирании страдающего от сознания своей вины человеческого бессознательного. Новый закон, признанный гностиками, но часто затеняемый более поздней так называемой ортодоксальностью, является законом индивидуации с его сопутствующими свободами и обязанностями, со своими экзистенциальными бедами и трансцендентными радостями.

Великий американский мифолог Джозеф Кэмпбелл говорит в своей работе “Герой с тысячей лиц”:

Не общество должно вести и спасти творческого героя, но наоборот. Так, каждый из нас разделяет высшее испытание — несет свой крест избавителя — не в яркие моменты великих побед своего народа, но в необходимости заставить замолчать свое личное отчаяние⁸⁶.

Рано или поздно все мы должны прийти к Гнозису, вдохновившему нас отворотиться от льстивых речей и угроз, от

⁸⁶ Joseph Campbell, *The Hero with a Thousand Faces* (Cleveland and New York: The World Publishing Co., 1970), p. 391.

приманок и прутьев клетки Ангелов-тиранов. Притворяясь религиозным законом, обычаями общества, политической и экономической идеологией, а также во многих других своих проявлениях, Ангелы-тираны хотят оставить нас в путях коллективного рабства, без возможности выбора и индивидуации. Тираническое эго действует разными способами и на многих уровнях. Некоторые из его хитрых дел являются коллективными, тогда как другие — очень личными. Внешне наложенная догма, тем самым, встречается и сговаривается с виной, гневом и жадностью, восставшими из теневой стороны личности. Подобно Сифу и Нории в гностическом мифе, мы должны отвести взор от пугающего зрелища тирании и беззакония вышестоящей власти. В Евангелии от Фомы Иисус использует слово *topaschoi*, обычно переводимое как “уединенные”, но оно означает также — “тот, кто стал единым”. Это — слово, которым можно было бы описать психэ, прошедшее путь индивидуации, душу Просветленного, которая стала единой и теперь может обойтись без обременительной коллективности общества, так же как и без тирании отчужденного эго. Это — мужчины и женщины, которые преуспели в освобождении себя от узурпации Ангелов-Тиранов, и о них гностический Христос говорит: “Блаженны единственные и избранные, ибо вы найдете царствие... Многие стоят перед дверью, но единственные — те, кто войдут в Чертог Брачный⁸⁷”.

Глава 9. Небесный странник: Миф “Песни о жемчужине”

Введение: Песня о путешествии души

Ни один из многих документов, в мифической форме несущих и хранящих в себе гностический опыт, не сравним с прекрасной и выразительной историей “Песни о Жемчужине”. Она содержится в Деяниях Фомы, апокрифическом

⁸⁷ Евангелие от Фомы, стихи 54 и 79.

священном писании, давно известном в христианском мире. Авторство этого гимна приписывают Фоме, апостолу Иисуса, наиболее высоко почитаемому у гностиков. Библиотека Наг-Хаммади содержит два основных священных писания, которые были приписаны этому апостолу (Евангелие от Фомы и Книга Фомы-Атлета), а также множество других книг, содержащих, как было указано, его высказывания.

В девятом стихе Деяний Фомы апостол едет в Индию, где встречается с важным чиновником по имени Харисий, жена которого, Мигдония, стала его последовательницей против воли своего мужа. Муж в ярости осудил Фому перед местным правителем, и апостол был брошен в тюрьму. В тюрьме Фома подошел к заключенным, чтобы дать им духовное утешение и ответить на их вопросы, и спел им гимн, или песню, которая представляет собой завуалированную версию гностического мифа об освобождении души из заключения во тьме материальности и бессознательного, а также о ее вхождении в царствие Света и Полноты. Так, эта история стала притчей и символическим моно-мифом, посыл которого можно найти во всех остальных гностических мифах.

Как и в большинстве случаев такого рода, указанное авторство этого гимна, вероятно, ошибочно. Часто предполагается, что истинным автором Песни о Жемчужине был Бардесан, великий светила сирийского гностицизма⁸⁸.

Деяния Фомы были признаны гностическим источником, но сохранены с ортодоксальными искажениями; однако подобные исправления, кажется, полностью отсутствуют в самой “Песне о Жемчужине”. Кроме того, можно отметить также отсутствие любых явно христианских ссылок, что делает этот поэтический рассказ самым универсальным и наиболее понятным из всех гностических мифических повествований. Это священное писание можно поместить в совершенно особую категорию из-за отсутствия в нем

⁸⁸О жизни и учении Бардесана см. главу 5.

какой бы то ни было терминологии вкупе с внушительной простотой его повествования. (Настоящий автор, открыв этот рассказ для широкой аудитории, может засвидетельствовать тот факт, что замысел его очень легко почувствуют люди, имеющие небольшое или не имеющие вообще никакого представления о гностицизме или о мифологии.) Текст нашего стихотворения доступен и на сирийском языке, и в греческом переводе⁸⁹. Первый должен быть предпочтителен, так как кажется ближе к оригиналу, тогда как последний представляет собой перевод. История написана от первого лица, и, тем самым, сохраняется впечатление о том, что она была основана на личном опыте. Я перескажу ее в прозе, игнорируя оригинальную размерность стиха и передавая лишь его смысл.

Миф “Песни о Жемчужине”

Когда я был маленьким ребенком, обитая в царском доме отца моего и наслаждаясь изобилием и великолепием посреди тех, кто взрастил меня, мои родители отослали меня с Востока, нашей родины, с напутствиями к путешествию. Из богатств нашей сокровищницы они выделили мне ношу: велика она была, но легка, так что я мог нести ее один... Они сняли с меня одеяние славы, которое из любви своей они сделали для меня, и мою пурпурную мантию, что была выткана сообразно фигуре моей, и дали мне завет, и записали его в сердце моем, чтобы я не забыл его: “Когда ты спустишься в Египет и достанешь ту Жемчужину, которая лежит посреди моря, опоясываемого волшебным змеем, ты вновь облачишься в одеяния славы и в свою мантию, и с братом своим, следующим в нашей династии, будешь наследником нашего царства”.

⁸⁹Возможно, д-р Хёллер ошибается. Многие полагают, что именно греческий язык является оригинальным языком этого произведения. — *Прим. редактора.*

Я покинул Восток и пошел вниз, сопровождаемый двумя царскими посланцами, так как дорога была опасна и тяжела, а я был слишком молод для такого путешествия; я прошел границы Майшан, места сбора купцов Востока, и пришел в землю вавилонскую и вошел в стены Сарбуга. Я спустился в Египет, и спутники мои отделились от меня. Я пошел прямо к змею и тайно подступился к его двору, ибо, пока он дремал и спал, я мог бы забрать у него Жемчужину. Поскольку я был один и сторонился людей, для моих соседей по двору я был чужеземцем. Еще увидел я там одного порядочного и хорошо воспитанного юношу своего народа, сына королей [букв. — “помазанников сих”]. Он пришел и присоединился ко мне, и я сделал его своим доверенным другом, которому я сообщил о своей миссии. Я предостерег его от египтян и знакомства с неверными. Также облачился я в их одеяния, чтобы они не подозревали во мне пришедшего извне, чтобы взять жемчужину, и не подняли бы змея против меня. Но после неких событий они заметили, что я не их земляк, и втерлись они в доверие ко мне, и смешали мне [питье] со всей хитростью, и дали мне попробовать мясо свое; и забыл я о том, что я царский сын, и служил я их королю. Из-за тяжести пищи их впал я в глубокий сон. И обо всем, что приключилось со мной, узнали родители мои, и глубоко опечалились они. И было провозглашено в нашем царстве, что все будут проходить в наши врата. И цари, и вельможи Парфы, и вся знать Востока замыслили план, как не оставить меня в Египте. И написали они письмо мне, и каждый из них указал в нем имя свое: “От отца твоего, Царя Царей, и от матери твоей, государыни Востока, и от брата твоего, следующего в нашей династии, тебя, сына нашего в Египте, приветствуем. Пробудись же и восстань от сна своего, и вникни в слова письма нашего. Вспомни, что ты — царский сын: узри же, кому служишь ты в рабстве. Вспомни о Жемчужине, ради которой послали тебя в Египет. Вспомни свои одеяния сла-

вы, воскреси в памяти своей величественную мантию свою, которую ты мог надевать и украшать себя ею, и имя твое будет записано в книге героев, и станешь ты с братом своим, наместником нашим, наследником в царствии нашем”.

Подобным вестнику было письмо, которое Царь скрепил печатью десницей своею супротив злых детей вавилонских и мятежных демонов Сарбуга. Поднялось оно орлом, царем всех птиц крылатых, и летело, пока не опустилось позади меня и не сделалось полностью речью. От голоса его и звука поднялся я и пробудился от сна своего, взял его, поцеловал его, сломал печать и прочел. Слова прочтенного письма отпечатались в сердце моем. И вспомнил я, что я сын царей, и что жаждет вернуться к истокам свободнорожденная душа моя. Я вспомнил Жемчужину, за которой послали меня в Египет, и начал околдовывать ужасного и необычного змея. Я погрузил его в сон, назвав имя отца своего, имя следующего в роду нашем, и имя матери моей, государыни Востока. Я завладел Жемчужиной и собрался отправиться домой, к отцу своему. Их мерзкие нечистые одежды снял я и оставил позади на земле их, направившись своим путем, чтобы прийти к свету отечества нашего, Востока.

Письмо же, пробудившее меня, нашел я пред собою на пути своем; и как пробудило меня оно гласом своим, так вело меня оно светом своим, сиявшим предо мною, и гласом своим удерживало оно страх мой, и любовью своей тянуло оно меня вперед. Я шел дальше... Одеяния славы мои, что снял я, и мантию мою, последовавшую за ними, послали мои родители... чтобы встретить меня своими сокровищами, которые тотчас были вручены мне. Их величие забыл я, оставив их ребенком в доме отца своего. Когда же теперь взирал я на одежды свои, то казалось мне, что стали внезапно они отраженьем зеркальным меня самого: свою целостность видел я в них; и целостность сию узрел я в себе, что оба мы были разделены, и снова стали одним в подобии наших форм... И образ Царя Царей отображался в них... Увидел

я также трепещущие над ними волны Гнозиса. Я увидел, что хотят они заговорить, и постиг звуки их песен, которые шептали они на пути вниз: “Я — то, что действует во имя того, ради которого меня принесли в дом моего Отца, и постиг я то, как вырос я благодаря его усилиям”. И своими царственными движениями они вливались в меня, и через них принесшие меня торопили меня принять их; и страстная любовь моя побуждала меня бежать к ним и получить их. И дотянулся я до них и взял их, и украсил себя красотой их цвета. И осознал я мантию царскую как знак цельности моей. Одевшись здесь, поднялся я к воротам приветствия и поклонения. Я склонил свою голову и преклонился пред величием отца моего, который послал их мне, и когда выполнил я повеления его, он также сделал то, что обещал он... Он радостно приветствовал меня, и пребывал я с ним в царствии его, и все слуги его торжественно хвалили его за то, что обещал он мне прибытие ко двору Царя Царей, и за то, что, взяв Жемчужину свою, пребуду я вместе с ним.

Интерпретация мифа

Ганс Йонас в своей знаменитой работе “Гностическая религия” пишет о “Песне о Жемчужине” следующее:

Непосредственное превосходство этого рассказа в том, что он трогает читателя всей глубиной своего смысла. Тайна его послания заявляет о себе со своей собственной силой, которая, кажется, почти обходится без потребности в подробной интерпретации. Возможно, больше нигде основной гностический опыт не выражен в более подвижной и простой форме. И всё же этот рассказ, в целом, символический и использует символы как составляющие, и необходимо объяснить его полную символику⁹⁰.

⁹⁰Hans Jonas, *The Gnostic Religion: The Message of the Alien God and the Beginnings of Christianity* (Boston: Beacon Press, 1963), p. 116.

Мы же, между тем, откликнемся на предложение Йонаса и добавим к этой истории свою интерпретацию.

Дом Отца на Востоке — это Плерома, или Полнота духовной силы, откуда происходит душа и к которой она жаждет вернуться. Существование и память об этой необычайной родине являются ключевой особенностью всех гностических мифов, имеющих дело с человеческим бытием. Небесные царь и царица представляют собой высшую пару, которая понимается как истинная и окончательная Божественность. Наместники царя и великие царства — эонические силы, которые, наряду с царем и царицей, являют всю Полноту.

В противовес этому пространству небесного блаженства мы находим землю Египта с жемчужиной, охраняемой морским змеем. Древнее название Египта — Khem, что означает “Темная Земля”. Египет, таким образом, — это символ земной жизни с сопутствующей ей темнотой бессознательности и отчуждения.

Ревущий морской змей — символ, весьма отличающийся от мудрого змея Книги Бытия. Скорее, он — змееподобный дракон, понимаемый как окружение земли, животное изначального хаоса, враг Света и Гнозиса. В книге Пистис София мы читаем: “Тьма внешняя — огромный дракон, хвост которого находится у него во рту”. Море, в котором живет дракон-змей, является водянистым телом развращенности и забвения, на которое снизошло божественное. И всё же, посреди этого моря, которое охраняет ужасный монстр, находится жемчужина, так горячо желаемая правителями небесного царства.

Многие из этих элементов мифа имеют отношение к теориям Юнга, касающимся возникновения и развития человеческого эго. Именно эго, живущее в состоянии единения с архетипическим психэ и Ее Величеством Самостью, и подразумевает ребенок небесной царской семьи. Чтобы получить личное сознание, эго должно, по необходимости,

покинуть эту мощную матрицу психической первичности. Так, оно было отправлено из своего божественного дома с некоей миссией. Хотя мы оставляем небесный архетипический мир Самости, мы “обеспечены”, неся долю его власти и отдаленную память о его возвышенной природе. Поэт Вордсворт в своей оде “Аллюзии Бессмертия” говорит о психологических импликациях земного путешествия небесного дитяти:

*Наше рождение —
лишь сон и упущение:
Душа, восходящая с нами,
Звезда нашей жизни,
Она в другом месте берет начало.
И явилась издалека.
Но все позабыла.
Не в полной нагоде,
Но в облаке славы
Мы приходим от Бога,
Который является
нашим домом...*

И, касаясь “нисхождения в Египет” с сопутствующими ему превращениями, поэт продолжает:

*Полумрак темницы рассеивается
Подрастающий мальчик
Созерцает и свет, и откуда течет он,
Он видит его в своей радости;
О, Юность, что с каждым днем
Все дальше от востока должна уйти.
Священник Природы прекрасным видением
Встает на пути;
Человек его чувствует и замирает,
Но оно исчезает в свете всеобщего дня.*

Это — “прекрасное видение, исчезающее в свете всего дня”, которое точно отображается в “Песне о Жемчужине”

посредством метафоры о пище и питье чуждой земли, поданной небесному страннику. Душа — чужеземец среди обитателей мира сего. Принятие экзистенциального условия отчуждения приносит, так или иначе, полезные последствия. Это — появление услужливого спутника, присутствие и совет которого помогают главному герою в достижении его цели. Гностику, таким образом, в его затруднительном положении помогает общество людей “его рода”, а именно, тех, кто участвует в этих поисках сознания и знает об их духовной миссии. И, тем не менее, мир банальности, “мелочь будничности” (как назвал бы его Хайдеггер), в конечном счете, берет верх над человеком. Узкий мир личных забот заставляет нас забыть мир относительно более широкого смысла и значения, который живет в глубине нашей души. Эго отдаляется от Самости и от всего архетипического психэ, а отчуждение толкает его к подчинению и согласию с реальностью внешнего мира и, рано или поздно, в угнетенное состояние, и именно в этом заключается почти всеобщее несчастье современного человечества.

У людей есть два пути, при помощи которых они могут расширить магический круг своей индивидуальности: один из них направлен наружу, другой — внутрь. Экстраверсия психической энергии обращает внимание личности на внешний мир ощущений с сопутствующими ему чувствами и мыслями. Но в области глубокого внутреннего понимания и психической проницаемости имеет место другой вид расширения. Вдруг наступает миг — и мы уже не маленькие люди, пойманные в ловушку в сером тумане понятий и образов; скорее, мы пребываем в центре паутины сознания, мы узнаем много смыслов, колеблющих сети, и, лишь немногим отличаясь в подобной ситуации от паука, мы развиваем способность ухватываться за причины этих колебаний. Употребив другой образ, мы становимся деревом, которое внезапно узнает, что его корни, глубоко внизу, тянутся из подземного мира власти, смысла и трепетного

волнения, и мы готовы признать, что именно эта подземная сфера дает жизнь нашим ветвям, простирающимся ввысь, в мир дневного света сознательного эго. Таким образом, осознается связующее звено между эго и высшей личной, изначальной индивидуальностью.

В “Песне о Жемчужине” эта связь эго и Самости, личного и надличностного, выражена при помощи письма. Это письмо имеет чрезвычайно загадочный характер; оно содержит слова: “муха на крыльях орла” и “как посланник”. Без сомнения, эта часть стихотворения обладает сотереологическим подтекстом: посланник, который также является Вестью, является исконным символом агента спасения — Иисуса, Будды или любого другого спасителя, отправленного Светом. Но способность человека открыть печать такого письма означает полное искупление сознания, от которого зависит искупление души.

В Одах Соломона, важном священном писании гностиков⁹¹, мы встречаем тему письма, где получатель не способен использовать в своих интересах Весть об искуплении:

*И мысль Его уподобилась письмам,
И воля Его снизошла свыше.
И послана была она подобно стреле из лука,
Выстрелившего с усилием.
И множество рук поспешили к письму,
Дабы похитить его,
А позже взять и прочесть его.
Но ускользнуло оно из пальцев их,
И испугались они его,
И печати, пребывавшей на нем.
Ибо не дозволялось им терять печать его,
Ибо власть печати сей была величественнее их⁹².*

⁹¹Следует отметить, что большинство ученых считают ныне этот текст не гностическим, но “новозаветным апокрифом”. — Прим. редактора.

⁹²Оды Соломона, ода 23.

Когда в “Песне о Жемчужине” душа оказывается готовой постичь весь смысл символической связи, эта готовность приводит ее к великому пробуждению и преобразению личности. В психологическом отношении письмо символизирует ось, которая объединяет эго и Самость. Без этой жизненной оси ей недостает психической энергии, которая обязана решать задачи и благополучно переживать личный миф души. Невозможно завладеть “жемчужиной большой цены” в бурном море этого мира, не будучи пробужденным силою психодуховного искупления.

Но кем или чем является эта жемчужина, в поисках которой душа, и даже эго, погружается в конфликт и занимается тяжким трудом? И как нам следует понимать змея, применив его символический образ к внутренней жизни личности? Ответ на эти вопросы, в некотором смысле, и определяет значение всей истории.

Как указывал Ганс Йонас, в гностическом символизме “жемчужина” — это одна из основных метафор понятия души в ее трансцендентном смысле⁹³. В этом случае значение мифологемы определено экзистенциальной судьбой, которая суждена жемчужине. Жемчужина нашей истории утеряна, и ее следует найти и вернуть обратно. Во время явного творения семени Божественного, искры вечно сияющего пламени оказались рассеяны и сокрыты. Огромное море материального и психического забвения накрыло драгоценную небесную жемчужину. Ужасные и жестокие хранители следят за ней и считают ее пленницей. Жемчужина сокрыта в раковине; также и рассеянные искры света сокрыты в природе и в материальной вселенной. Змей-дракон, как было отмечено ранее, является формой Уробороса, монстра, глотающего свой хвост, образ которого означает (среди прочего) цикличность нескончаемой естественной жизни во времени. Символ змея служит той же самой цели, что и Колесо Жизни в Буддизме; он означает отчаянно и автоматически

⁹³Hans Jonas, *The Gnostic Religion*, p. 125.

возобновляемые прототипы воплощенного бытия, которые держат формы трансцендентной жизни в плену.

Небесный странник, таким образом, является человеческой душой, снизошедшей на землю, чтобы спасти божественный Дух, запертый в структурах и трудах проявления. Человеческий дух как спаситель Духа божественного проиграл в космическом море. В то же самое время силы проявленного космоса влияют на небесного странника; они пересиливают его и навлекают на него сон бессознательного. Искупитель теперь должен быть искуплен; спаситель остро нуждается в спасении, благо которого даруется ему посланием свыше. (Существуют разные варианты этой истории, такие как гностическая версия мифа о раненом целителе, искалеченном короле-рыбаке и тому подобных персонажах.) Люди действуют как искупленные искупители Духа от материи и природы, тогда как божественные посланники Света, в свою очередь, приходят на помощь человеческой душе в бедствиях, которые она терпит в ходе своей искупительной миссии.

Эти мотивы гностической метафизики были усилены психологически уместными мифологемами и символами. Это — освященное веками откровение гностиков и связанное с ними мировоззрение, согласно которому больший мир (макромир) совершенства был продублирован в меньшем мире (микромире) внутренних качеств, и этот последний может быть справедливо определен как непосредственно человеческое психэ. Таким образом, эго выступает как внутрипсихический представитель человеческой души, тогда как Самость является символической парадигмой трансцендентного посредника искупления.

Так, Юнг никогда не переставал утверждать, что Христос — это высший символ Самости в нашей культуре, и искупление является религиозной формулировкой индивидуации. Одевание славы личности, прошедшей путь индивидуации, глубоко связано с аспектом одеяния в его оконча-

тельном метафизическом значении. Как всегда, духовное и психологическое не являются взаимоисключающими. Они — всего лишь две стороны одной и той же величайшей монеты целостности.

В заключение этой интерпретации, необходимо повторить еще один важный ключевой мотив. Для любого, кто читает “Песню о Жемчужине” без пропусков, которые автор допустил, исходя из дидактических мотивов, становится очевидным, что поэт был вдохновлен яркими личными впечатлениями, пережитыми на собственном опыте. Прежде всего, описание одеяния, когда оно вернулось к первоначальному владельцу, имеет все признаки измененного и/или мистического состояния сознания с сопровождающим его визуальным рядом. Символический смысл, исходящий из этого превосходного гимна, является, возможно, самым лучшим доказательством эффективности гностической функции мифа. Почти невозможно не почувствовать долю изначального понимания и даже восторга, испытанного автором, лишь прочитав и усвоив это поразительное мифическое стихотворение. Сегодня, как и ранее, мы всё еще можем почувствовать в этой работе, как и на одеянии славы, описанном в нем, “трепетание святого Гнозиса”.

Глава 10. Миф продолжается: Некоторые современные гностические мифы

Гностический миф Юнга: Ответ Иову

В 1952 году была издана провокационная книга Юнга “Ответ Иову”⁹⁴, вызвавшая бурю возмущения у духовенства и мирян различных христианских конфессий, задетых его психологической школой. Многие считали, что эта книга представляет собой поразительную и сильнодействующую разновидность христианской критики, тогда как некоторые

⁹⁴ Впервые опубликована в Германии под названием *Antwort auf Hiob* (Zurich, 1952) и позже включена в *Psychology of Religion: West and East, Collected Works*, Vol. 11.

признавали, что она явилась современным гностическим мифом. В то время, как интерес Юнга к гностицизму был известен многим, а его ранняя гностическая поэма “Семь Наставлений Мертвым” доказала его близость к гностицизму, лишь немногие из учеников Юнга были готовы воспринять его интерпретацию библейского мифа об Иове.

Книга Иова — трактат, датирующийся примерно 600–300 гг. до н.э. — якобы имеет дело с праведником, который несправедливо претерпевает от Бога. С гностической точки зрения Юнга, эта древняя история касается не мученика, из гордыни стремящегося понять непостижимый Божественный Замысел, но, скорее Бога, который неблагоразумен, жесток и несправедлив, потому что несовершенен. Таков, в общих чертах, юнгианский миф об Иове, и такова его проблематика.

Доведенный до крайности несправедливо свалившимися на него страданиями, Иов требует разговора с Богом один на один, который отвечает ему бурей и сильнейшим взрывом гнева. Но столь внезапно данный Богом ответ, на самом деле, вовсе не является ответом. Какой смысл, спрашивает Юнг, Богу, подобному грому и утренним звездам, веренице и течению морей и так далее, спрашивать Иова, где тот находился, когда Он создавал мир? В конце концов, несчастный Иов слишком хорошо осознал превосходящую тайну бытия, поскольку испытал ее весьма болезненным образом. Бог, однако, уклоняется от ответа, говоря Иову то, что тот знал вполне ясно, а именно, что Бог — Всевышний, а затем Он похваляется тем, что может сделать его великая сила. Для большего впечатления это сопровождается грохотом, раздутой величавостью и шествием парада природы, а сам Бог уподобляется вою бури. Иов задал Ему совершенно закономерный вопрос, один из самых мучительных и безотлагательных, но Он не дал ему истинного объяснения; и при этом Он даже не попросил прощения за свое поведение, которое каждый человек в здравом уме посчитал бы не

только бесстыдным, но и аморальным. Если бы человек истребил чью-либо семью огнем и чумой, такой человек был бы, без сомнения, привлечен к ответственности; но Бог лишь заявляет, что Он всемогущ, и это — Его первый и последний аргумент. Кроме того, Бог разгневался на Иова за то, что тот поставил такой вопрос, и упрекает несчастного человека с грозным божественным красноречием.

На взгляд Юнга, Иов не ниже Бога, и он знает об этом. Не Иов находится в заблуждении, но, скорее, именно Бог. Бог — великий, могущественный, но весьма бессознательный тиран, прущий напролом, без сомнений в своем собственном всемогуществе до тех пор, пока не оказывается в положении, когда одно из его творений смогло противостать ему и выступить с правомерной критикой. Он — Бог-ревнитель, требующий от Иова и всех людей полного повиновения своей воле и Закону. Юнг утверждает, что Бог — еще и обманщик, поскольку нарушил свое же обещание соблюдать завет и обманул Давида, который горько жалуется на это в 89-м псалме⁹⁵.

⁹⁵В русском переводе — 88-й псалом. Вот фрагмент, на который ссылается автор:

88:20 — 88:52

Некогда говорил Ты в видении святому Твоему, и сказал: “Я оказал помощь мужественному и вознес избранного из народа... Рука моя пребудет с ним, и мышца моя укрепит его. Враг не превозможет его, и сын беззакония не притеснит его. Сокрушу перед ним врагов его, и поражу ненавидящих его. Истина моя и милость моя с ним... Однажды Я поклялся святостью моею: солгу ли я Давиду?”...

Но ныне Ты отринул и презрел, прогневался на помазанника Твоего, пренебрег завет с рабом Твоим, поверг на землю венец его, Разрушил все ограды его, превратил в развалины крепости его. Расхищают его все проходящие путем; он сделался посмешищем у соседей своих... Ты обратил назад острие меча его, и не укрепил его на брани;

Доколе, Господи, будешь скрыватья непрестанно, будет пылать ярость Твоя, как огонь? Вспомни, какой мой век: на какую суету сотворил Ты всех сынов человеческих? Кто из людей жил, и не видел смерти, избавил душу свою от руки преисподней? Где прежние милости Твои, Господи? Ты клялся Давиду истинною Твоею. Вспомни, Господи, поругание рабов

Моральное превосходство Иова, человека, сотворенного по образу и подобию Бога-Создателя, действительно, привносит в миф гностический парадокс. Очевидно, что в Боге есть нечто радикально ошибочное, но есть и нечто совершенное. Иов (настоящий исторический герой, представитель человечества, который, по сравнению с так называемым Господом, представляет собой мельчайший, но потенциально важнейший элемент сознания) является человеческим Духом, который столкнулся с огромным, очень сильным, но духовно бессознательным всемогуществом Создателя. Юнг вновь упоминает о древнем гностическом постулате, который был приведен в наших предыдущих главах, а именно, о том, что Бог мира сего — Демиург, и что слабый по сути человек обладает моральным превосходством над Создателем на основании присутствия в нем божественной искры, привнесенной Софией в его природу. Слова Иова “Я знаю, что Искупитель мой жив” говорят нам о том, что Иов знает о существах и силах, превосходящих Бога нынешнего мира и способных искупить плененные искры света из этой низшей области бытия.

Но, что еще более важно, именно здесь миф Юнга обретает новый ключевой гностический мотив: Бог по-прежнему находится в процессе роста развивающегося сознания. Бог Юнга — недифференцированное бытие, имеющее двойственную природу. Страдания Иова и его вопрошание привели к важному достижению. Двойственная природа Бога, Его светлый и темный аспект теперь проявились полностью, и с помощью человеческого Духа Бог должен будет искупить себя. Юнг прямо заявляет, что, когда Бог понял, что Его творение сравнилось с Ним, он решил, что настало время отличиться от него. Рост и совершенствование могли быть достигнуты Богом, обретающим сознание в человечестве;

Твоих, которое я ношу в недре моем от всех сильных народов. Как поносят враги Твои, Господи, как бесславят следы помазанника Твоего. — *Прим. переводчика.*

другими словами, используя христианскую терминологию, путем Явления. Бог должен стать человеком, дабы понять, что такое человеческое сознание и осветить свою Тьму Светом человеческого Духа. Воплощение — это шаг, сделанный Богом вследствие признания того, что оно может принести ему пользу, если он сможет вобрать в себя превосходящие качества человеческой души и Духа.

Подобно древним гностикам, Юнг, гностик современный, переворачивает с ног на голову традиционные основы иудейско-христианской системы взглядов. Он не только делает Всевышнего бессознательным и желающим обрести сознание в человечестве, но и Христос становится человеком не потому, что люди грешны, а потому, что Бог нуждается в искуплении от греха. Юнг недвусмысленно заявляет, что Бог должен был стать человеком, потому что несправедливо поступил с ним.

Теперь Юнг замечает в Боге мотив психологического роста, следующего за его конфронтацией с Иовом. К Богу возвращаются воспоминания. Его оживающая память открывает ему существование и роль кого-то, кого он однажды знал, но забыл: Софию, госпожу Премудрость. Отношение Софии с Богом мира сего не рассмотрено Юнгом во всех подробностях; она появляется как собирательный образ матери, сестры и супруги Бога, который в ходе своих деяний потерял ее и забыл ее. Теперь же он начинает желать ее и хочет приблизиться к ней.

Наряду с Софией, Богу является и другой образ: Сын Человеческий, таинственный небесный архетип человечества, упомянутый Енохом и Иезекилем, а также многократно акцентированный гностиками. Юнг говорит, что подготовка явления Сына Человеческого в форме воплощения была долгой и обширной. Многочисленные пророчества Еноха и других провидцев и пророков психологически подготовили явление Мессии. В связи с этим он отмечает, что, если историческое развитие призвано было когда-либо подгото-

вить какое-либо событие в области человеческого разума, то этим событием было возникновение христианства. (Мы находим здесь признание Юнгом психологического элемента, который был весьма полно представлен традицией эссеев с ее акцентом на прототипе Сына Человеческого. Необходимо помнить, что в то время, когда Юнг написал Ответ Иову, Свитки Мертвого Моря не были доступны для исследования.) Архетип Сына Человеческого, столь перевозосимый книгой Еноха (наиболее ценной из текстов Свитков Мертвого моря), представляет собой первый ответ Бога на вопрос Иова, а именно — обещание того, что произойдет воплощение определенных божественных сил и правосудие для человечества свершится. Когда настало время, обещание исполнилось, и Сын Человеческий явился на землю как мессия Иисус Христос. Юнг указывает на то, что были предусмотрительно предприняты многие меры предосторожности с тем, чтобы попытка воплощения успешно состоялась. Обстоятельства рождения Христа от непорочной девы, отцовство не какого-нибудь человека, а Святого Духа, а также многие другие элементы указывают на его соответствие архетипу героя и, тем самым, на его отличие от других людей. В типично гностической манере Юнг утверждает, что Иисус был, по большей части, Богом, нежели человеком, т.е. человеческая и божественная природа не были уравновешены в нем. Будучи свободным от греха, говорит Юнг, Иисус превосходил остальную часть человечества, так как все люди грешны. Только единожды в своей жизни Иисус вполне испытал человеческий удел, когда он был распят и воскликнул на кресте: “Господь мой, Бог мой, почему ты оставил меня?” Здесь Христос, согласно Юнгу, дает настоящий ответ Иову не просто в пророческом видении или обещании, но на деле. В этот момент Бог оказался в положении человека и поэтому испытал страдания и муку людского существования. Все другие воплощения были лишь проявлениями светлой стороны Бога.

Увлекательный аспект мифа Юнга — это утверждение, что Иисус, судя по всему, знал о нескольких Богах, согласно записанным за ним изречениям. С одной стороны, он говорит о своем небесном Отце как о добром и любящем Боге и настаивает на этом, чтобы люди могли рассчитывать на то, что Он именно таков и есть. С другой стороны, он обращается к Нему “Не введи нас во искушение” в “Отче наш”. Как Бог любви может ввести людей во искушение? Очевидно, что, кроме любящего Отца, мы имеем дело также с самым темным, самым обманчивым и поэтому опасным аспектом божественной природы. Ясно, что Иисус знал о том, что, хотя он и был воплощением божественного Света и был связан с Богом Света, есть также и Темный Бог, или темный аспект Бога. Это признание — отправная точка для дальнейшего развития мифа Юнга.

Воплощение Христа усилило Свет, но Тьма на определенных уровнях бытия продолжала существовать и должна была рано или поздно вновь заявить о себе. Христианство должно было стать верой Света, возвестив эпоху Света, поскольку светлый аспект Бога выдвинулся на первый план человеческого сознания. Тем не менее, вскоре после ухода Иисуса в высшие сферы, темная сторона реальности начинает выбираться из укрытия. Это становится особенно ясным в Книге Откровения⁹⁶, где вновь явилась темная сторона Бога и, вместе с ней, темная сторона жизни и христианства. Юнг подразумевает, что различными способами эта книга указывает на то, что темный Бог вновь ворвался во Вселенную, следовательно, и в христианскую мысль; автор Откровения имеет дело не с Мессией, посланником Света, но, скорее, с яростью и жестокостью злой стороны Бога, с которой мы так часто сталкиваемся в Ветхом Завете.

Вместе со всеми своими темными и ужасающими образами, Откровение отчетливо являет картину, которую

⁹⁶Имеется в виду Откровение Св. Иоанна Богослова, известное также как Апокалипсис. — *Прим. переводчика.*

Юнг счел увлекательной и обнадеживающей. Это видение может быть найдено в начале двенадцатой главы. Жена, облаченная в Солнце; под ногами ее — Луна, а на голове ее — венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве... и большой красный дракон ждет, чтобы пожрать ее младенца. Далее имеют место странные события: ребенок рождается, а затем он взят к Богу и престолу Его, и судьба его — управлять странами⁹⁷. Жена убежала в пустыню, где ей было уготовлено место от Бога.

Юнг отмечает большое сходство между этим образом и обычно появляющейся в связи с раскрытием Самости парадигмой индивидуализированного эго. Женщина более не является конкретной Девой Марией, но, скорее, универсальной, космической Женой, равной Сыну Человеческому. Таким образом, в мифическом видении Юнга Явление теперь входит в новую и универсальную фазу. Юнг также указывает на то, что оно не прекратилось с Вознесением, как иногда принято считать, но продолжилось другим способом посредством деяний Святого Духа. Это означает, что в прогрессе воплощения Божественное может родиться в каждом человеке; в некотором смысле, все люди могут стать Явлением Бога.

Хотя Христос и представляет собой всеобъемлющий прототип Явления, в некотором смысле, все могут повторить его. Тем самым, Юнг находит третий ответ Иову. Первым было обещание Явления, как это указано в видениях Еноха; вторым была человеческая жизнь Иисуса и его отречение на кресте; третий же заключается в том, что Бог сегодня стремится прийти в сознание каждой человеческой души. Бог больше не воплощен в непорочной Деве, но — в архетипе земной женственности; Бог воплощается в экзистенциальном условии человеческого бытия и больше не ждет состоя-

⁹⁷“И родила она младенца мужского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным; и восхищено было дитя ее к Богу и престолу Его” (Откр. 12:5). — *Прим. переводчика.*

ния исключительной чистоты и святости как необходимости для своего нисхождения в человеческую плоть. (Параллели можно найти в нашем исследовании, указывающем на изменение акцента с непорочности ессеев на экзистенциальное бытие гностиков в самые ранние времена нашей эры, как это было описано в главах 3 и 4.)

Юнг пишет, что этот третий ответ Иову, новая возможность воплощения, едва ли будет осознана в наше время. Ребенок пойман Богом, а Жена на долгое время бежит в пустыню. Однако присутствуют и ясные указания на то, что божественные и земные принципы могут еще раз объединиться в новом синтезе сознания, и поэтому Бог может воплотиться в обычном человеке, который был несовершенен, но еще не был готов к этому в предыдущие эпохи.

Воплощение Бога в человечестве, говорил Юнг, влечет за собой возвышение женского принципа и возвращение его божественного или полу-божественного статуса. Поскольку Создатель предпочел забыть о божественной женщине, Софии, Он стал односторонним и, в значительной степени, бессознательным существом, восстановлением и возвышением Божественной Женственности до уровня сознания. Забвение Демиурга может быть, наконец, уничтожено. С этими мыслями в голове Юнг и подошел в Ответе Иову к тому, чтобы расценить тогда еще недавний Папский догмат об Успении Пресвятой Девы⁹⁸ как самое выдающееся теологическое и религиозное событие, начиная с Реформации, так как он подразумевал то, что принципу земной женственности (физическому телу Девы) дозволяется союз, и потому, косвенным образом, равный статус с Божественностью.

Поскольку Юнг приветствовал провозглашение Успения Пресвятой Девы как непосредственное открытие бессознательного, он также признал, что для того, чтобы войти в Эон Водолея, человечество должно столкнуться с новой

⁹⁸Папский догмат "Munificentissimus Deus" был провозглашен Папой Пием XII в 1950 году.

задачей. В начале нашей эры человечеству, прежде всего, были необходимы ценности, явленные в христианском откровении. Эти ценности касались, в большой степени, понятия светлой стороны Бога и непосредственно человеческой природы. Только когда это было сделано, другое столь же важное, но более неоднозначное признание могло подняться на уровень сознания. Автор Откровения узнал по-прежнему существующую темную сторону Бога и жизни, но Юнг счел его несколько наивным, особенно по сравнению с современным человечеством. У сегодняшнего человека есть способность лучше узнать опасность знания, попавшего к нему в руки, а также импульсов его психэ. Мы не обладаем более чистотой древних святых; мы, на самом деле, намного ближе к Тьме. Это может позволить нам противостоять нападению темных сил души и почувствовать то, чем они являются в действительности.

Чистота может держать Тьму в страхе и отчуждении эго, но экзистенциальное бытие, судя по всему, защищенное Иисусом и подтвержденное здесь Юнгом, рано или поздно приводит к столкновению с Тьмой. Нельзя сказать, что мы должны отказаться от нашей христианской традиции; доброта, добродетель и дары Света могут стать очень полезными средствами, уравнивающими современную душу в ее попытках иметь дело с темными силами нынешней эпохи. Ответ Иову был написан после Второй Мировой войны, которую Юнг видел как извержение самого большого скопления зла, когда-либо происходившее в истории человечества. Увидев жуткую резню войны и, возможно, еще более жестокие ужасы нацистских концлагерей и Гулага, Юнг убедился в том, что моральной власти недостаточно для того, чтобы держать зло в страхе. Человеческая мораль потерпела неудачу; и теперь необходимо знание, мудрость Иова, ищущего ее в своих бедах.

Новый спаситель отличается от прежнего добродетельного Мессии мужского пола. Новая испуительница — это

женщина по имени София, или Премудрость. Становясь детьми Госпожи Премудрости, мы вновь обретаем такое состояние, в котором противоположности близки друг к другу. Мы должны узнать, что в нас есть светлый и темный аспект. Мы должны развить возможности сознания, посредством которых мы могли бы иметь дело с силами зла. Действовать сознательно — наша самая главная потребность. Юнг напоминает нам о гностическом высказывании Иисуса: “Человек, если ты ведаешь, что творишь, ты благословлен, но проклят и нарушитель Закона ты, если не ведаешь, что творишь”⁹⁹.

Во времена Юнга, как и в наши дни, многие сожалеют о моральном упадке культуры и об отсутствии ценностей в человеческом поведении. Почти повсеместно заявлено, что человечество должно достичь более высокого морального уровня. По Юнгу, это означает, что мы должны достичь более высокого уровня сознания, поскольку этика без сознания неизбежно потеряется. Посредством своего учения Юнг привел многочисленные доказательства процесса индивидуации, а также того, что именно современное человечество, а не его счастливые предшественники, было избрано для того, чтобы произвести на свет искупительное воплощение Бога. Мы потеряли нашу чистоту, и этим самым фактом мы заслужили нисхождение Святого Духа в нашу порочную, убитую горем индивидуальность. В нашу историческую эру тот, кто считает себя непорочным, в действительности, не выплатил свой долг существованию и оградил себя от алхимического огня преобразования.

Гностический миф Юнга напоминает нам о необходимых задачах нашей жизни, жизни современного человека: всеми силами бороться за достижение большей осознанности, не отрывая своих корней от духовных традиций западной культуры и, что более важно, не уступая опасностям, следующим за преобразованием, среди которых может быть и демоническое высокомерие раздутого эго. Личность, про-

⁹⁹Высказывание Иисуса из *Oxyrhynchus Papyrus*.

шедшая путь индивидуации, по словам Юнга, “не создает свою собственную реальность”, не берет в долг проявление трансцендентности в области имманентности. Как озвучил свой вывод Юнг в Ответе Иову, “... просвещенный человек остается тем, кто он есть, и никогда не тем, чем является его собственное ограниченное эго перед Тем, кто живет в нем; у его формы нет никаких узнаваемых границ, она опоясывает его со всех сторон, он бездонен как земная пропасть и широк как небо”¹⁰⁰. Миф Юнга с его борьбой с предрассудками, открытиями и бесстрашием перед Гнозисом следует признать жизненно необходимым вкладом в осознанное бытие в наши смутные времена и в смутном мире.

Личный Миф: Сказка о неугомонном принце

Вся человеческая жизнь существует в мифе. Джозеф Кэмпбелл, который научил многих ценности мифа в нашей культуре, убедительно выразил это, написав: “Последнее воплощение Эдипа, непрерывный роман Красавицы и чудовища, стоит сегодня на углу 42-й стрит и 5-й авеню и ждет сигнала светофора для того, чтобы измениться”¹⁰¹. Ориентированное наружу сознание людей часто и, на самом деле, регулярно теряет связь с внутренними реалиями разума, и мифы на своем образном языке говорят человеческому эго, что эти реалии можно признать и впустить в свою жизнь. Диалог с этой внутренней реальностью — функция того, что в былые времена называли Гнозисом, и ясно, что этот диалог должен был иметь место здесь и сейчас, а не в давние и далекие времена.

Как отмечалось ранее, гностические мифы — это особая модальность само-понимания, не ограниченная каким бы то

¹⁰⁰ *Answer to Job in Psychology of Religion: West and East*, Vol. 11, par. 758.

¹⁰¹ Joseph Campbell, *Myths to Live By* (New York: Bantam Books, 1975), p. i.

ни было историческим периодом. При этом они не являются единственной сферой наличия пророческих символов Юнга и его учения. Многими проницательными психологами было отмечено, что сны и фантазии людей в нашем современном мире часто ясно показывают личные мифы, которые обладают отчетливо гностическими мотивами. Когда следующий миф является результатом психологического анализа, он обладает такими впечатляющими и поучительными особенностями, что нам представляется достойным привести его здесь, особенно в качестве примера гностического мифотворчества в наше время.

L.V., мужчина между тридцатью и сорока годами, знакомый с гностическими мифами и учением, развил следующий личный миф как результат повторяющихся событий активного воображения в период полутора лет.

Сначала L.V. узнал то, что, казалось, он в прошлом жил в мире, сильно отличающемся от этого. Он был юношей, жившим в Небесном городе великой красоты и славы, потомком божественных и царственных родителей, которых он идентифицировал с Христом и Софией. Несмотря на то, что он жил в благодатном царствии целостности и мира, он был преисполнен определенной неугомонностью и духом авантюризма. На праздничном ужине в честь его дня рождения или совершеннолетия его представили дедушке, высшему Богу, который подарил ему волшебный ключик, отпирающий любую дверь в городе. Видимо, его родители ожидали, что он будет использовать ключик для изучения всевозможных тайных закоулков своего родного города, но случилось иначе.

Мальчик нашел дверь в стенах, отгораживающих город от внешней стороны. Часто в прошлом он пристально смотрел на эти стены, чувствуя за ними тьму. Теперь он хотел узнать о том, что существовало за ними. Он открыл дверь своим ключом и услышал вопль разрыва и нарушения равновесия. Через открытую дверь проникло целое облако

сомнительных существ, и среди них — великий Темный Господь, в котором он узнал своего злого дядюшку (по-видимому, Антихриста), который жил в изгнании, будучи давно высланным из Небесного града. Злой дядюшка бросил на него высокомерный взгляд и стремительно вошел в город.

Подобие Горгоны с огромными руками и когтями схватило его и, почти проткнув грудь одним большим когтем, отшвырнуло его в область черной тьмы.

Постепенно тьма уступила место панораме, усыпанной миллионами близких и далеких звезд; он плыл в звездном космосе. А затем свет прибыл к нему и опустил его вниз, пока он не оказался на твердой почве. Первобытные джунгли, окружавшие его, отступили, и перед ним возникло странное существо, напоминающее ящерицу и пристально глядящее на только что прибывшего с приятным удивлением. Было ясно, что существо появилось, чтобы защитить его. Напуганный, одинокий мальчик обнял это существо и неудержимо заплакал. Будучи отделенным от своих всемогущих родителей и оторванный от дома в роскошном Небесном граде, он оказался в странном мире с неизвестным существом, его единственным другом и спутником.

На протяжении долгого времени мальчик и ящерица оставались в тесной связи. Затем произошло симбиотическое слияние, и они оба приняли подобную дракону форму и бродили по земле, успешно осваивая территорию и отгоняя потенциальных врагов. Прошли столетия и тысячелетия, изменились условия, и тело, которое они приняли, стало человеческим. Однако, ящерица оставалась в союзе с мальчиком, став своего рода духом-защитником, приставленным к нему и живущим в его теле. Произошло множество трансформаций, но дух ящерицы-защитника всегда оставался, проводя такую необходимую хитроумную и суетную разведку, недостающую его спутнику.

Тем временем, пребывая в отдалении, в нескольких видениях мальчик увидел, какая трагедия произошла в Небес-

ном граде после его принудительного изгнания. Он видел сцену, в которой его злой дядюшка триумфально ворвался в палату Софии, намереваясь изнасиловать ее и смешать свое темное семя со светлой небесной сущностью. Сначала казалось, что этот ужасный и кощунственный поступок свершится, но вскоре стало ясно, что София освободила себя от своего противника с помощью волшебства, и мальчик услышал ее смех в отдаленной части комнаты. Причиной этого смеха было не просто ее спасение. С удовлетворением она указала на грудь Темного Господа, где она оставила огненную несмываемую печать: это был крест в круге, ее символ и печать, которую напавший на нее теперь обязан нести вечно. С ужасным воплем боли и оскорбления, Темный Господь сбежал из комнаты и из города.

Вторжение Темного Господа в город и в покои Софии не прошло без последствий. Некоторым таинственным образом и, по крайней мере, частично в результате отметки зла крестом Софии, доля небесного света вошла во тьму. Возник род существ, имеющих печать Софии и одновременно связанных с Темным Господом. Эти существа, несмотря на их хитроумное происхождение, имеют, однако, довольно мягкий характер и почитают Софию, а не какого-либо иного бога.

Несколько последующих событий послужили объяснением дальнейшего изгнания принца на земле. В одном видении он увидел себя в компании старого мудреца, который указал на особое светило на небесах и объяснил ему, что прибыл в сей мир со звезд. Мудрец, очевидно, был посланником, явившимся напомнить ему о его происхождении и научить его мудрости, которой обладал его род. Таким образом, был установлен и усилен контакт между ним и родным домом.

Дальнейшее развитие событий касается древней ящерицы, жившей в природе отверженного небесного ребенка. С желанием большего самопознания со стороны своего

хозяина, ящерица выросла, вышла на свет, и вместе они смогли лучше и грамотнее взаимодействовать в процессе обретения той целостности, к которой стремились оба. Однажды ящерица сказала отверженному принцу: “Я — твоё тело”. Пропасть, отделяющая духовность L.V. от его психики уменьшалась все больше и больше, и обе стороны сосуществовали во взаимном доверии.

Осознание этого мифа сопровождалось большой эмоциональностью. L.V. пребывал, буквально, под воздействием истории и, особенно на ранних стадиях мифа, он, как и принц, часто чувствовал себя подавленным виной и раскаянием, потому что впустил врага в Царствие Небесное и спровоцировал свое собственное изгнание. По ходу разворачивания истории эти чувства постепенно прошли, и стало ясно, что даже опрометчивый, на первый взгляд, поступок неугомонного юного принца является следствием божественного замысла. В то же время, L.V. успешно преодолел искушения положительной и отрицательной инфляции, хотя и не без труда. Он пришел к тому, что личное не может ни взять в долг, ни принять на себя ответственность за над-личностное. Проблема высшего источника и происхождения не привела к инфляции эго, не ассоциировала эту историю с ящерицей, что является особенностью разносторонне развитой личности. После полутора лет проживания мифа, L.V. стал намного более спокоен, уравновешен и стал вести себя в жизни с большей непринужденностью, чем прежде. Интегральный эффект мифа, таким образом, ясен и очевиден.

Мы столкнулись здесь с личным мифом, который имеет определенный гностический подтекст и, в то же время, служит целям интегрального, индивидуационного характера. История начинается в детском состоянии примитивной целостности, когда эго и архетипическое психэ еще тождественны. Внутреннее и внешнее, высшее и низшее не обладают никаким разделением. Со своим безрассуд-

ством “неугомонный принц” становится движущей силой дифференцирования. Его склонность к шалостям и шуткам, достигающая высшей точки в открытии двери, вызывает катастрофу нарушения небесной целостности. Тем не менее, у этой катастрофы нет абсолютно страшных последствий для материнской премудрости (Софии) в Полноте. Скорее, темный злоумышленник, хотя и неохотно, становится переносчиком света в сферу его собственной тьмы. Сатана становится Люцифером; противник теперь, вопреки своей воле, является открывателем премудрости Света.

Когда каждый из нас исследует происхождение психэ, он находит двойное условие. С одной стороны — постижение состояния райской целостности, когда природа объединена с сущностью Бога (являясь дитем Христа и Софии); с другой стороны — состояние, когда творческий потенциал и рост исключены. Дети, вступая во взрослую жизнь, в конечном счете, сталкиваются с проблемой достижения союза с Полнотой и богами, не уступая инфляции после идентификации с ними. Чтобы достичь этой цели, целостность небес должна быть сломлена, а единство должен нарушить порок. Без потери психической невинности не может быть никакой индивидуальности, а без индивидуальности, в понимании глубинной психологии, невозможна и индивидуация. Неугомонный принц должен был пасть с небес для того, чтобы в назначенное время, обладая мудростью и опытом, он мог бы вновь возвратить славу Небесного града.

Нехватка места не позволяет нам исследовать всю гностическую и психологическую ценность этого мифа. Легко заметить, что окончательное равновесие Света и Тьмы — один из важных существующих мотивов. Интересно отметить, например, что событие, которое может привести к этой возможности, было вызвано к жизни Софией. Подобно тому, как в учении Римско-католической церкви Мария оказывается окончательным победителем демонического змея, так и здесь окончательное искупление предвещает Печать Света,

которой София опечатала грудь Сатаны. Функция искупления Женской божественности, тем самым, ясно являет себя в этом мифе, как и в учении древних гностиков. Проблема тела, физического "духа-хранителя" психэ является другой захватывающей особенностью этой сказки. Напоминающее ящерицу существо, провозгласившее в конце: "Я — твоё тело", может научить нас понимать дихотомию разума и тела. Психэ (принц) и сома (ящерица) — не одна сущность, но две, и всё же их взаимодействие наиболее гармонично, оно приносит выгоду обеим сторонам и подвергает их творческому преобразению. Хитрость и изобретательность ящерицы (разве не люди придумали понятие "мозг ящерицы"?) обеспечивает психэ защиту и возможность получения жизненного опыта. Соединение души принца с природой ящерицы гарантирует обеим сущностям множество полезных событий. Можно также отметить, что большая часть нео-гностического знания, которое можно найти в таких источниках, как работы Е. П. Блаватской, содержит ссылки на духовные монады из отдаленных сфер света, поселившихся в исходных телах земных животных и, таким образом, начавших свое долгое эволюционное путешествие.

Как всегда, возникает вопрос: как лучше всего рассматривать такого рода мифы? Многие люди в прошлом часто имели привычку представлять свой внутренний опыт в соответствии с собственными требованиями изложения метафизической истины. Сегодняшний мир также населен пророками, медиумами и "проводниками", которые требуют абсолютного признания своей способности мифического восприятия. Мы должны с теплотой воспринять следующие мудрые слова Юнга:

Принимая во внимание эту чрезвычайно запутанную ситуацию, мне представляется, что наиболее осторожным и разумным подходом будет признать факт существования не только психического, но также и психодного бессознательного и воздержаться от высказывания

*метафизических суждений, неподвластных человеческому разуму. Не нужно бояться того, что в результате внутренние ощущения будут лишены своей реальностью и жизненности*¹⁰².

За бессознательным психэ и его мифологическими образами стоят непостижимые, транс-психические факторы. Мы можем назвать их эоническими существами, как это делали гностики, или психоидными архетипами, следуя аллюзиям Юнга. Основу и сущность мифов, поднимающихся на уровень сознания мужчин и женщин, нельзя объяснить при помощи понятий и слов, принадлежащих какой бы то ни было дисциплине. Миф, а с ним и рост, и преобразование человеческого психэ продолжают, и в этом может быть найдено сокровище Гнозиса, до сих пор помогающего пролить свет на темные глубины наших жизней и отыскать сокровища смысла и искупительные открытия.

¹⁰²C. G. Jung, *Mysterium Coniunctionis, Collected Works*, Vol. 14, par. 788.

Часть III. ИНЫЕ ЕВАНГЕЛИЯ

Глава 11. Тайные изречения Иисуса: Евангелие от Фомы

Гностические священные писания, найденные в Наг-Хаммади, составляют библиотеку, в которую вошел разнообразный религиозный материал. Когда кто-либо пытается классифицировать их по их тематике, то находит шесть отдельных категорий. Некоторые работы имеют дело, главным образом, с творческой и искупительной мифологией, создавая различные вариации сотворения мира, бытия до грехопадения Адама и Евы, а также нисхождения спасительной силы Иисуса, причем, время от времени, под другими Его именами. Акцент в этих священных писаниях ощутимо сосредоточен на различиях, которые отделяют их содержание от Книги Бытия. (Так, в Апокрифе Иоанна фраза “не так, как говорил Моисей” повторяется несколько раз¹⁰³). Другие книги состоят из наблюдений и комментариев, касающихся различных духовных тем, таких как природа бытия, природа души, духовного спасения и отношения души к миру¹⁰⁴; третья категория писаний содержит литургические тексты и тексты, вводящие в тему¹⁰⁵; четвертая категория, прежде всего, затрагивает женский принцип, особенно Софию¹⁰⁶; пятая группа включает в себя письма, касающиеся жития

¹⁰³ *Апокриф Иоанна (две версии); Ипостась Архонтов; Евангелие Египтян; “О происхождении мира”; Апокалипсис Адама; Парафраз Сима.*

¹⁰⁴ *Евангелие Истины; Трактат о Воскресении; Трехчастный Трактат; Трактат Блаженного Евгноста (две версии); Второй Трактат Великого Сифа; Поучение Силуана; Свидетельство Истины.*

¹⁰⁵ *Трактат о Восьмерке и Девятке; Благодарственная Молитва; Валентинианское Объяснение; Три Стелы Сифа; Молитва Апостола Павла.*

¹⁰⁶ *Гром. Совершенный Ум; Мысль Нории; София Иисуса Христа; Толкование о Душе.*

и деяния некоторых апостолов¹⁰⁷. Наконец, шестая категория священных писаний содержит в себе высказывания Иисуса, а также некоторые истории из его жизни¹⁰⁸. Кроме того, существует определенное число священных писаний, которые могут не поддаваться классификации и включать в себя письма из других традиций, таких как письма Заратустры, часть “Государства” Платона, а также ряд других.

Только четыре священных писания из Наг-Хаммади называются “Евангелиями”. В этой связи необходимо напомнить, что в ранние века нашей эры этот термин обладал значением, отличным от того, которое он приобрел сегодня. Греческий термин **Εὐαγγέλιον** (евангелие) изначально присваивался заявлениям, написанным важными персонами, такими как правители и высокопоставленные лица, провозглашающим значительные, торжественные события. После первого века церковь стала использовать этот термин, чтобы охарактеризовать документы, написанные христианскими авторами, которые, так или иначе, воплотили в себе послание Нового Завета, данного Иисусом. Ранний христианский период изобилует евангелиями, и, очевидно, для одного и того же автора было весьма обычным делом написать несколько альтернативных евангелий, как на то указывает сравнительно недавнее открытие Тайного Евангелия от Марка¹⁰⁹.

Ранняя церковь традиционно считала, что существовало три утерянных евангелия, а именно — от Филиппа, Матфея и Фомы. Когда мы обращаемся к гностическим авторам, мы находим, что они придерживались взглядов, поддерживаю-

¹⁰⁷ *Апокалипсис Петра; Послание Петра к Филиппу; Деяния Петра и Двенадцати Апостолов; Первый и Второй Апокалипсисы Иакова; Апокалипсис Павла.*

¹⁰⁸ *Беседа Спасителя; Книга Фомы-Атлета; Апокриф Иакова; Евангелие от Филиппа; Евангелие от Фомы.*

¹⁰⁹ Morton Smith, *The Secret Gospel; The Discovery and Interpretation of the Secret Gospel According to Mark* (New York: Harper and Row, 1973).

ших эту традицию, поскольку они подтвердили, что было четыре восприемника таинств Иисуса после его Воскресения, а именно — Мария Магдалина, Фома, Филипп и Матфей. Разумеется, достойно упоминания то, что Коллекция Наг-Хаммади содержит в себе евангелия, названные в честь двух из них, а именно — Евангелие от Фомы и Евангелие от Филиппа. В данной главе нас будет интересовать первое из этих двух евангелий.

Евангелие от Фомы — это не история, но собрание изречений. Каждое вводное предложение в его начале и в трактате, приложенном в конце, содержит в себе устойчивый корпус высказываний, каждое из которых начинается словами “Иисус сказал”. Многие из высказываний совпадают или имеют близкое сходство с изречениями Иисуса, содержащимися в канонических священных писаниях. Это вынудило некоторых ученых предположить, что Евангелие от Фомы могло быть, фактически, легендарным Документом Q (названным в честь немецкого слова *Quelle*, что значит “источник”, то есть источником, по которому были написаны три так называемых синоптических версии Евангелий от Марка, от Матфея и от Луки).

Читатель, знакомый с форматом канонических евангелий, может задаться вопросом, почему Фома или другие гностические авторы евангелия сосредоточились на высказываниях Иисуса, а не на истории его жизни. Причина этого может быть найдена в гностической концепции Иисуса. Как было обозначено ранее (Главы 3 и 7), гностики чувствовали, что Иисус и природа его земных деяний являлись таинством, которое не подвергается рациональному анализу. Они также считали, что, вне зависимости от того, каков смысл этого таинства, его ядро нельзя найти в физической жизни Иисуса, а именно — в истории его рождения, путешествий, исцелений или даже его смерти и Воскресения.

Иисус, согласно гностическим священным писаниям, выполнял свою священную миссию двумя способами. Во-

первых, он был Учителем, который предлагал особого рода словесные предписания. Как он сам говорил, он передал нечто большее, чем понятия и наставления. Скорее, кажется, что его учение имело для его учеников характер мотивации процессов их творчества и трансформации. Во-вторых, он был Иерофантом, посвященным в таинства, которые он открывал тем, кто был готов получить их. Евангелие от Фомы представляет собой частичное описание его действий как Учителя, хотя также наличествуют и его качества хранителя божественных тайн. Увидев изречения Евангелия от Фомы, читатель может получить яркие впечатления от этих тайных высказываний и может провести различие между гностическим Иисусом и Иисусом канонического христианства.

Изречения об условиях человеческого бытия

Если плоть произошла ради духа, это — чудо. Если же дух ради тела, это — чудо из чудес. Но я удивляюсь тому, как такое большое богатство заключено в такой бедности. (29)¹¹⁰ [34]¹¹¹

Двойственность тела и духа понимается здесь в свете гностического объективного идеализма с некоторым экзистенциальным оттенком. Дух и тело существуют сами по себе, и вместе они составляют процесс истинного бытия. Отвергнуты как чистый материализм, так и чистый идеализм. Экзистенциальная задача признания состоит не в том, чтобы спорить, является ли дух функцией тела или является ли тело продуктом духа, но, скорее, в том, чтобы признать то, насколько ограниченной стала область сознания в нашем нынешнем состоянии. Смысл высказывания — в том, что на

¹¹⁰Число в круглых скобках указывает на номер изречения в Евангелии. Нумерация высказываний, используемых здесь, согласуется с системой нумерации, используемой в большинстве изданных (английских — *Прим. перев.*) переводов.

¹¹¹Число в квадратных скобках соответствует номеру изречения в большинстве изданных русских переводов. — *Прим. переводчика.*

нас возложена задача подвергнуться трансформационному процессу Гнозиса, посредством которого можно восстановить исконное богатство чистого сознания.

Ученики его сказали: В какой день ты явишься нам, и в какой день мы увидим тебя? Иисус сказал: Когда вы обнажитесь, и не застыдитесь, и возьмете ваши одежды, положите их у ваших ног, подобно малым детям, растопчите их, тогда (вы увидите) сына того, кто жив, и вы не будете бояться. (37) [42]

Тема духовного обнажения, которая не раз упоминается в этом евангелии, может интерпретироваться, в более узком смысле, как отказ от нашей собственной личности и, в более широком смысле, как потребность отказаться от множества иллюзорных понятий и верований, которые составляют ложный космос нашей индивидуальности. Гнозис не заключается в добавлении к нашему сознанию некоторого чудотворного внешнего элемента; скорее, он требует вытеснения из наших умов и жизней большого количества материала, затрудняющего восприятие. Чтобы предстать перед невыразимым величием, мы должны сначала потерять нашу ложную индивидуальность без страха перед последствиями.

Иисус сказал: Будьте прохожими. (42) [47]

Самое краткое изречение в этом Евангелии красноречиво в своей простоте и краткости. Исламская поговорка гласит: “Мир — это мост; не останавливайтесь на нем”. Гностик не понимает этот космос как дом для человеческого Духа. Мы — странники в этом мире и не должны считать себя постоянными его жителями.

Иисус сказал: Если вам говорят: Откуда вы произошли? — скажите им: Мы пришли от света, от места, где свет произошел от самого себя. Он... в их образ. Если вам говорят: Кто вы? — скажите: Мы его дети, и мы избранные Отца живого. Если вас спрашивают: Каков знак вашего Отца, который в вас? — скажите им: Это движение и покой. (50) [55]

Это — важнейшее высказывание, поскольку оно имеет дело с определением личности гностического ученика. Гностик знает, что происходит от Полноты, где обитает высший Свет исконной Божественности. Избранные — это те, кто знает себя как эманацию высшего Света. Движение означает принцип динамического изменения, сосредоточенный в зарождении и течении жизни, тогда как покой можно рассматривать как олицетворение равновесия, как состояние Плеромы. Движение и покой подобны вдоху и выдоху. Когда они уравновешены и сознательно осмыслены, они являются признаком истинного Гнозиса в человеке.

Иисус сказал: Был человек богатый, у которого было много добра. Он сказал: Я использую мое добро, чтобы засеять, собрать, насадить, наполнить мои амбары плодами, дабы мне не нуждаться ни в чем. Вот о чем он думал в сердце своем. И в ту же ночь он умер. Тот, кто имеет уши, да слышит! (63) [67]

Плоды земных трудов и забот сомнительны и недолговечны. Гностик не должен истратить впустую, на личные жизненные нужды, большую часть своих умственных способностей, поскольку его усилия должны использоваться в другой области.

Женщина в толпе сказала ему: Блаженно чрево, которое выносило тебя, и [грудь], которые вскормили тебя. Он сказал ей: Блаженны те, которые услышали слово Отца (и) сохранили его в истине. Ибо придут дни, вы скажете: Блаженно чрево, которое не зачало, и грудь, которые не дали молока. (79) [83]

Простая физическая роль рождения и воспитания — это ограниченная ценность. Биологические циклы природы — великая ловушка, в которую поймано сознание. Быть мужчиной значит больше, чем быть отцом; быть женщиной значит больше, чем быть матерью.

Царствие [Отца] подобно женщине, которая несет сосуд, полный муки, (и) идет удаляющейся дорогой. Руч-

ка сосуда разбилась, мука рассыпалась позади нее на дороге. Она не знала (об этом), она не поняла, (как) действовать. Когда она достигла своего дома, она поставила сосуд на землю (и) нашла его пустым. (97) [101]

Этой притчи нет более ни в одном другом источнике. Она обращает наше внимание на важнейший принцип. В начале нашего земного странствия у нас есть доля Полноты, живущей в наших душах, но с течением жизни у нас возникает серьезная опасность растратить этот запас славы и творческого потенциала. Жизнь в мире может неощутимо отнять у нас наше врожденное духовное сокровище. Только самонаблюдение и сознательная бдительность могут препятствовать свершению этого несчастья.

Симон Петр сказал им: Пусть Мария уйдет от нас, ибо женщины недостойны жизни. Иисус сказал: Смотрите, я направлю ее, дабы сделать ее мужчиной, чтобы она также стала духом живым, подобным вам, мужчинам. Ибо всякая женщина, которая станет мужчиной, войдет в царствие небесное. (114) [118]

Легко неправильно понять значимую суть этого высказывания. В нескольких гностических священных писаниях апостол Петр представляется сторонником угнетения женщин, рассерженный на Иисуса за то, с каким уважением тот относится к ним. Здесь Иисус пытается переубедить Петра на языке, понятном последнему. Он говорит, что женщины могут преодолеть наложенные обществом на их пол ограничения, сделавшись духовным Андрогиним. Интересно отметить, что в письменах Климента Александрийского мы находим гностический постулат, гласящий, что такой же трансформации подвергаются мужчины, которые “войдут в Царствие, когда станут женщинами”. В психологии Юнга женщины должны объединиться с Анимусом, а мужчины — с Анимой; способность каждого человека осознать себя как Андрогина открывает врата в царствие индивидуации и последовательного обретения целостности.

Изречения о поведении

Ученики его спросили его; они сказали ему: Хочешь ли ты, чтобы мы постились, и как нам молиться, давать милостыню и воздерживаться в пище? Иисус сказал: Не лгите, и то, что вы ненавидите, не делайте этого. Ибо все открыто перед небом. Ибо нет ничего тайного, что не будет явным, и нет ничего сокровенного, что осталось бы нераскрытым. (6) [6]

Честные отношения с внутренним бытием важнее следованию внешним правилам. Как и во множестве других высказываний, здесь мы замечаем акцент гностического Иисуса на экзистенциальное отношение к жизни, в отличие от тревожного и навязчивого беспокойства по поводу Закона, которое мы находим среди его противников, фарисеев. Бессознательное недовольство, порожденное жесткими правилами поведения, навлекает на подавляемые чувства психологическую катастрофу, и тогда желания не останутся в психической тюрьме, где они были заключены, но вернуться и начнут преследовать человека. Это еще более очевидно в следующем высказывании:

Если вы поститесь, вы зародите в себе грех, и, если вы молитесь, вы будете осуждены, и, если вы подаете милостыню, вы причините зло вашему духу. И если вы приходите в какую-то землю и идете в селения, если вас примут, ешьте то, что вам выставят. Тех, которые среди них больны, лечите. Ибо то, что войдет в ваши уста, не осквернит вас, но то, что выходит из ваших уст, это вас осквернит. (14) [15]

Новые заповеди, явленные Иисусом, отменяют следование старому Закону. В качестве дополнения к этому важному гностическому уроку можно также привести тот акцент, который ставится в психологии Юнга на потребности человека обнаружить свой собственный внутренний моральный закон. Индивидуация невозможна до тех пор, пока коллективные положения и штампы тщательным обра-

зом, сознательно не изучены и не заменены осведомленным выбором.

Люби брата твоего, как душу твою. Охраняй его как зеницу ока твоего. (25) [30]

Гнозис и гностицизм не основаны на холодности, безликом принципе того, что обычно понимается как “знание”. У христианства нет никакой монополии на любовь, отнюдь нет.

Почему вы моете внутри чаши (и) не понимаете того, что тот, кто сделал внутреннюю часть, сделал также внешнюю часть? (89) [93]

Это — высказывание о внешнем очищении, к которому Иисус добавил внутреннюю акцентуацию. Внутреннее и внешнее, Самость и Эго формируют органичное единство, хотя это единство изначально существовало на бессознательном уровне. Конечной же целью, по мнению гностиков, является не одно лишь очищение индивидуальности, но — интеграция противоречия между личным и над-личностным в неделимое состояние целостности¹¹².

Тот, кто нашел мир (и) стал богатым, пусть откажется от мира! (110) [114]

Прежде, чем мы сможем отрицать что-либо, мы должны приобрести это. Те, кому не принадлежит мир (в психологическом смысле), не смогут отказаться от него. Найти мир означает достичь согласия с ним, а стать богатым означает то, что мы должны накопить богатство опыта. Учитель Гнозиса Карпократ говорил, что без всестороннего опыта жизни в этом мире невозможно преодолеть мир (см. нашу главу 5).

Горе той плоти, которая зависит от души; горе той душе, которая зависит от плоти. (112) [116]

Гностическое мировоззрение не характеризуется односторонностью. Оно не является ни радикальным идеализмом, который расценивает плоть как иллюзию, ни материализмом, который рассматривает душу как побочное явление,

¹¹²См. также стих (22) [27] из этого Евангелия и далее в этой главе.

следующее потребностям тела. Ранее мы охарактеризовали гностицизм как форму объективного идеализма, поскольку он признает реальность материальной объективности так же, как и реальность воображения.

Изречения об Искупителе

Иисус сказал ученикам своим: Уподобьте меня, скажите мне, на кого я похож. Симон Петр сказал ему: Ты похож на ангела справедливого. Матфей сказал ему: Ты похож на философа мудрого. Фома сказал ему: Господи, мои уста никак не примут сказать, на кого ты похож. Иисус сказал: Я не твой господин, ибо ты выпил, ты напился из источника кипящего, который я измерил.

И он взял его, отвел его (и) сказал ему три слова. Когда же Фома пришел к своим товарищам, они спросили его: Что сказал тебе Иисус? Фома сказал им: Если я скажу вам одно из слов, которые он сказал мне, вы возьмете камни, бросите (их) в меня, огонь выйдет из камней (и) сожжет вас. (13) [14]

Здесь не годится ни одно из определений таинства Самости, даже когда она воплощена в Иисусе, парадигме личности, достигшей вершины индивидуации. Петр пытается определить Иисуса лишь в духовных категориях, тогда как Матфей видит его только как человека. Фома, гностический апостол, знает, что столкнулся с непостижимой тайной. Иисус больше не пастырь Фоме, поскольку тот получил прямой опыт Гнозиса, открытый ему Иисусом. Эти три слова являют Посвящение Иисусом в священные таинства. Разглашение их, естественно, вызвало бы неприязнь у тех, кто не получил Посвящения. Даже товарищи в поиске Гнозиса восстанут против того единственного, который был избран, чтобы получить то, в чем отказали им.

Я дам вам то, чего не видел глаз, и то, чего не слышало ухо, и то, чего не коснулась рука, и то, что не вошло в сердце человека. (17) [18]

Гнозис, открытый Искупителем, действительно является совершенно иным знанием. Он не является продуктом природы, или развития, или усилий человека, возделывающего землю. Разница между Гнозисом и мирским знанием не количественная, но качественная; разум эго качественно отличен от премудрости Самости.

Может быть, люди думают, что я пришел заронить мир в мире, не знают они, что пришел я заронить на землю разделения, огонь, меч, войну. (16) [17]

Я бросил огонь в мир, и вот, я храню его, пока не запылает он. (10) [10]

Метод Гнозиса — это метод творческого конфликта. Многие стремятся к миру и душевному спокойствию, и что же они находят? Лишь животное спокойствие бессознательного состояния. Упомянутый огонь — это тот же самый огонь, который использовали алхимики в качестве средства преобразования посредством конфликтного взаимодействия противоположностей. Каждый вспомнит здесь слова мудреца, профессора Жилия Киспеля: “Алхимия была йогой гностиков”.

Ученики его сказали: Покажи нам место, где ты, ибо нам необходимо найти его. Он сказал им: Тот, кто имеет уши, да слышит! Есть свет внутри человека света, и он освещает весь мир. Если он не освещает, то это — тьма. (24) [29]

Обитель Христа — в каждом человеке, достигшем Гнозиса. Такая обитель его — в нас. Сознание, являющееся Гнозисом, освещает мир. Тем самым, мы должны взрастить свет в нас самих и этим способствовать просвещению всего мира.

Я встал посреди мира, и я явился им во плоти. Я нашел всех их пьяными, я не нашел никого из них жаждущим, и душа моя опечалилась за детей человеческих. Ибо они слепы в сердце своем, и они не видят, что они приходят в мир пустыми; они ищут снова уйти из мира

пустыми. Но теперь они пьяны. Когда они отвергнут свое вино, тогда они покаются. (28) [33]

Видимо, опьяненный влияниями внешнего мира, Иисус говорил: “Хотя я стал как они, я не могу говорить с ними, потому что они по-прежнему ищут ценности жизни вне себя. *Metanoia* (оборот, часто переводимый как “покаяние”) придет, когда они освободятся от внешней сопричастности и от обольщения, подобного опьянению”.

Тот, кто напился из моих уст, станет как я. Я также, я стану им, и тайное откроется ему. (108) [112]

Уста — врата души; следовательно, поцелуй души — признак гностического Посвящения. Неофит объединяется с Посвятителем и становится сопричастен тем истинам, которые, до настоящего времени, оставались сокрытыми.

Я — свет, который на всех. Я — всё: всё вышло из меня, и всё вернулось ко мне. Разруби дерево, я — там; подними камень, и ты найдешь меня там. (77) [81]

Греческое слово “всё” звучит как Пан и является также именем бога с козьими копытами. Иисус здесь говорит о том, что, благодаря своему божественному сознанию он выше космоса и выше природы, но он также и един с природой. Став совершенной, природа и всё творение достигнут величия Небесного человека (*anthropos*), поскольку Иисус — воплощение Сына Человеческого. Как парадигма невыразимого величия, Иисус также присутствует в природе, и его свет можно найти в камне и в дереве. В то же самое время необходимо признать, что только у того, кто превышает всего, могут быть надлежащие взаимоотношения со всем. Те, кто просто живет в природе, не освободившись от ее рабства, бессознательны и должны отделить себя от природы, чтобы подняться над ней. Гностицизм вновь бросает вызов всем категориям: он — не теизм и не пантеизм, но мистическое видение, возвышающееся над ними и объединяющее их обоих.

О самопознании

Тот, кто знает всё, нуждаясь в самом себе, нуждается во всем. (67) [71]

Когда вы рождаете это в себе, то, что вы имеете, спасет вас. Если вы не имеете этого в себе, то, чего вы не имеете в себе, умертвит вас. (70) [74]

... Если кто-либо открыл себя в себе, мир не достоин его.

Эти несколько высказываний наиболее близко и прямо связаны с современными психологическими открытиями. Психэ содержит в себе потенциал для искупления или уничтожения. Самопознание — единственное избавление от неисчислимых несчастий жизни; никакое проявление жизни не сможет восполнить его нехватки. Бессознательное содержание разрушительного потенциала следует поднять на уровень сознания, чтобы когда-либо не погубить и не разрушить здравомыслие личности или даже ее жизнь. Чтобы преодолеть мир, прежде всего, каждому необходимо найти и познать себя. Лишь немногие люди, сведущие в психологии, оспорили бы данную констатацию.

Пусть тот, кто ищет, не перестает искать до тех пор, пока не найдет, и, когда он найдет, он будет потрясен, и, если он потрясен, он будет удивлен, и он будет царствовать над всем. (2) [1]

Здесь у нас есть краткое описание стадий постижения Гнозиса, или Самопознания. Поиск символизирует пробуждение потребности во внутреннем смысле; постоянство гарантирует успех поиска; “открытие” же подразумевает понимание и развитие сознания. К удивлению многих, психологическое развитие не дает того покоя, который называют душевным спокойствием. Вовсе нет; начало индивидуации приводит к трансформационному конфликту и к большим психическим противоречиям. Поскольку каждый приближается к архетипическому психэ со всеми его сверхъестественными обитателями, единственной соответствующей реакци-

ей является почтительное удивление, тогда как конечный результат — это полная власть над миром природы психэ, которая является свойством целостности.

Если те, которые ведут вас, говорят вам: Смотрите, царствие в небе! — тогда птицы небесные опередят вас. Если они говорят вам, что оно — в море, тогда рыбы опередят вас. Но царствие внутри вас и вне вас.

Когда вы познаете себя, тогда вы будете познаны, и вы узнаете, что вы — дети Отца живого. Если же вы не познаете себя, тогда вы в бедности и вы — бедность. (3) [2–3]

Небесного царствия смысла и индивидуации нельзя достичь внешними средствами. Птица и рыба в состоянии войти в высшие сферы благодаря своей естественной истинности, и поэтому они могут оказаться превыше людей, не знающих своей истинной природы. Бессознательность человеческого разума — самый ужасающий род бедности. Испытывающий недостаток смысла нуждается в центральном ядре жизненного процесса. Самопознание устанавливает ось, которая соединяет эго и Самость и приводит к истинной жизни.

Ученики сказали Иисусу: Скажи нам, каким будет наш конец. Иисус сказал: Открыли ли вы начало, чтобы искать конец? Ибо в месте, где начало, там будет конец. Блажен тот, кто будет стоять в начале: и он познает конец, и он не вкусит смерти. (18) [19]

Знание смерти — один из великих вопросов человеческой жизни. Иисус говорит нам, что смерть — не конец, и что следует понимать ее не как отдельное явление, но как часть процесса. То же самое можно сказать и обо всех завершающих событиях, таких как угасание цивилизации или Конец Света. Гностическую эсхатологию можно было бы назвать эсхатологией процесса, поскольку она отказывается отделить конец вещей от их начала и, тем самым, являет смысл, сокрытый не в единичном событии, но в объединении

их в процесс. Событие обусловлено анти-событием; бессмысленное хронологическое время перетекает в бесконечное время трансцендентного смысла. Вначале мы пребываем в Полноте, откуда произошли, и процесс поиска смысла жизни дает нам обещание, что именно к этой Полноте мы и вернемся вновь.

Если двое в мире друг с другом в одном и том же доме, они скажут горе: Сдвинься! — и она сдвинется. (48) [53]

Объединение противоположностей — это тот ключ, который отпирает хранилище безграничной психической энергии. Чудеса творят те, в ком “двое стали одним” (как в изречении (22) [27]). Интересно отметить, как вышеупомянутое изречение, с его внутри-психическим акцентом, в каноническом Евангелии от Матфея обретает внешний акцент: “Блаженны миротворцы, ибо нарекут их сынами Божиими” (18:19).

Истинный миротворец, согласно Фоме, — это тот, кто заключил мир внутри себя. Родственная тема выражена в следующем изречении:

Блаженны единственные и избранные, ибо вы найдете царствие, ибо вы от него (и) вы вновь туда возвратитесь. (49) [53]

Понимать это изречение следует вовсе не буквально, хотя оно и имеет очевидный смысл. Стандартный перевод ключевого слова как “уединенный”¹¹³ чрезвычайно вводит в заблуждение. Человек, в котором объединены дуальности — не аскет, но, скорее, *vir unus*, то есть человек, сознание которого постигло истинное происхождение души и которому позволено вновь вернуться на грань становления. Ссылки на единого человека в этом Евангелии многочисленны; так, в изречении 75 сказано, что в Чертог Брачный войдет один-единственный человек и не войдут прочие.

¹¹³В переводе оригинала на английский язык. — Прим. переводчика.

Каждый, изучающий Юнга, согласился бы со следующей характеристикой того, что в психологии известно как архетипические образы:

Когда вы видите ваше подобие, вы радуетесь, о, когда вы видите ваши образы, которые произошли до вас, они не умирают и не являются — сколь великое вы перенесете? (84) [88]

Состояние преображенного, единого сознания, в котором согласованы и преодолены все противоположности, представляется гностическим Иисусом истинной целью духовной жизни, чтобы возвыситься до тех, кто только что вошел в этот мир:

Иисус увидел младенцев, которые сосали молоко. Он сказал ученикам своим: Эти младенцы, которые сосут молоко, подобны тем, которые входят в царствие. Они сказали ему: Что же, если мы — младенцы, мы войдем в царствие? Иисус сказал им: Когда вы сделаете двоих одним, и когда вы сделаете внутреннюю сторону как внешнюю сторону, и внешнюю сторону как внутреннюю сторону, и верхнюю сторону как нижнюю сторону, и когда вы сделаете мужчину и женщину одним, чтобы мужчина не был мужчиной и женщина не была женщиной, когда вы сделаете глаза вместо глАза, и руку вместо руки, и ногу вместо ноги, образ вместо образа, — тогда вы войдете в [царствие]. (22) [27]

Мы вновь находим образ младенцев; теперь их кормят грудью их матери. Младенца можно считать метафорой, обозначающей человека, который едва родился и пребывает в незнании, но он по-прежнему близок к питательной власти архетипического психэ. Индивидуация (вход в царствие) погружает человеческое эго в такое состояние, в котором восстановлена эта родственная близость с глубинными источниками духовной пищи. Ученики неверно понимают Иисуса, интерпретируя его высказывание буквально, чтобы получить более конкретное объяснение.

Следующая часть высказывания показывает этот мотив наиболее выразительной метафорой. Союз противоположностей психэ приносит полное обновление, так, что ни одна частица человека не останется неизменной. Интроверсия и экстраверсия, душа и дух, добро и зло, Анима и Анимус сливаются в новое, неделимое единство; человек становится полностью новым существом и может войти в царствие конечной, нуминозной истины.

Здесь, вероятно, было бы полезно просуммировать основные моменты приведенных нами изречений, собрав их, по принципу квадрата, следующим образом:

УСЛОВИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ
САМОПОЗНАНИЕ
ИИСУС
ПОВЕДЕНИЕ

Надлежащее понимание условий человеческого бытия приводит к такому варианту поведения, который способствует постижению Гнозиса, тогда как Иисус, как образ личности, достигшей вершины индивидуации, указывает путь к объединению и раскрытию Самости.

Основа гностического понимания человеческого бытия — это то, что человеческая душа и Дух не требуют внешнего вмешательства для искупления себя, но, скорее, они содержат в себе способность к духовному руководству. Искупитель — это помощник и душа пути, но путь должен быть пройден самим человеком. (Следовательно, отрицаются внешнее спасение и потребность в церкви как “ковчеге спасения”.)

Огораживающие правила и заповеди становятся помехами для тех, кто духовно перерос их и готов следовать путем Гнозиса. Преображение по гностической модели приводит к творческому подрыву психологической защиты и, тем самым, облегчает условие “уединенности” (унитарности), которое является состоянием независимого человека. Обще-

ство, семья, законы, заповеди и верования относительны, поскольку человек подходит к тому, чтобы пожертвовать любой формой бессознательной идентификации с ними. (В канонических священных писаниях Иисус убеждает людей не называть какого-либо человека его земным отцом [Мф. 23:9] и утверждает, что те, кто любит отца и мать больше его, не достойны его [Мф. 10:37–38].)

Невежество — это не грех, но причина страдания в условиях человеческого существования. Знание себя, а вместе с тем — и высшей Самости, или трансцендентного бытия, является целью жизни гностика. Эта цель приводит к объединению всех противоположностей и, таким образом, к единению со всей жизнью.

В новозаветном Евангелии от Матфея (16:24–25) есть предложение, которое доставило переводчикам немало мучений: “Ибо кто хочет душу [оригинал: *psyche*] свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу \psyche\ свою ради меня, тот обретет ее”. Чтобы попытаться лучше передать смысл, переводчики иногда переводили одно и то же слово, “психэ”, в двух разных значениях. Более чем вероятно, что, при необходимости оценить это заявление в свете изречений Иисуса в Евангелии от Фомы и добавлении некоторых современных психологических терминов, эту фразу можно прочесть так: “...если человек потеряет свое эго ради меня, то он найдет Самость”. Таково откровение, которое могло быть принесено нам утерянным Евангелием от Фомы, найденным блуждающим крестьянином в старой фляге в песках Наг-Хаммади!

Глава 12. Способы трансформации: Евангелие от Филиппа

Тайные ритуалы силы, которые проводят для облегчения процесса трансформации человеческой души, присутствовали в религиях всех времен и культур. Христианство не было исключением. Тайное Евангелие от Марка, цитируемое

отцом церкви Климентом Александрийским и связанными с ним текстами, было обнаружено в 1958 году профессором Муртоном Смитом. Он привлек внимание современных исследователей к идее о том, что сам Иисус действовал как Верховный Жрец, дающий тайную инициацию, и что, по крайней мере, некоторые общины христианской церкви сохранили этот изначальный порядок, в строгом соответствии с его практикой и теорией. Климент, таким образом, сообщает, что, согласно этим письмам, одно собрание общепринятых евангелий было сделано доступным для младших по статусу христиан, тогда как другое собрание тайных евангелий открывалось более просветленным членам общины, и что “Жреческие Таинства Иисуса” передавались лишь изустно и тайно¹¹⁴.

Гностические христиане, судя по всему, сохранили исконные таинства наряду с известными традиционными общинами. Никто иной, как Плотин выразил протест гностикам, которые привлекли на свою сторону некоторых из его учеников, сказав: “Они говорят лишь: “Обратитесь к Богу”, но не говорят никому, где или как его узреть”¹¹⁵. Остается немного сомнений в том, что гностики использовали для своего развития эффективный метод измененного состояния сознания.

Некоторые источники Библиотеки Наг-Хаммади описывают методы духовной практики. Такие работы этой Коллекции, как Зостриан, Трактат о Восьмерке и Девятке, а также Аллоген изобилуют описаниями духовных методов и экстатического состояния разума, вызванного их применением. Тем не менее, в этом отношении ни одну из них нельзя сравнить с Евангелием от Филиппа, которое, как и Евангелие от Фомы, содержит в себе большое количество изречений, приписываемых Иисусу и дополненных поясняющими комментариями. Евангелие от Филиппа не достигло такой

¹¹⁴ Morton Smith, *The Secret Gospel*.

¹¹⁵ Плотин, *Против гностиков*.

популярности, как Евангелие от Фомы, и причину этого обстоятельства можно найти в его акценте на христианских таинствах, или причастиях, как на гностических средствах трансформации.

Начиная с протестантской Реформации, христианство всё более и более уходило от таинства причастия. Сегодня даже изначальный оплот священной веры, Римско-католическая церковь, видимо, переживает свою собственную, запоздалую нео-протестантскую реформацию, а архетипическая сила семи исторических причастий постепенно иссякает. Можно усомниться в том, что К. Г. Юнг сегодня, как в 1939 году, смог бы написать о том, что он реже сталкивался со случаями невроза у католиков, чем у протестантов или атеистов.

Должно быть, существует нечто в реальной религиозной практике веры, объясняющее тот специфический факт, что у ее последователей возникает меньше комплексов¹¹⁶ или что эти комплексы намного реже проявляются у католиков, чем у других людей. Это нечто существует помимо веры самой по себе. Это и может быть таинством Мессы. В Сердце Мессы содержится живое таинство, и оно работает... И Месса ни в коем случае не является единственным таинством в Католической церкви. Существуют также и иные таинства... теперь, как и всегда они являлись выражением изначального психологического состояния. Человек испытывает в этом ритуале и в этой магии большую часть основных и важнейших психологических состояний, независимо от того, как вы назовете это. И ритуал — это культовое отправление этих основных психологических истин¹¹⁷.

¹¹⁶Понятие “комплекса” здесь и далее имеет негативный аспект, свойственный, скорее, школе психоанализа Фрейда, нежели Юнга. — *Прим. переводчика.*

¹¹⁷C.G. Jung, *The Symbolic Life*, a seminar talk given on April 5, 1939. (London: Guild of Pastoral Psychology, lecture No. 80, 1954), pp. 8–9.

Со времен угасания таинства и до настоящего момента ценный элемент священного культа и его психологического влияния должен был бы сойти на нет. Юнг предупреждал нас об этом в продолжении своего высказывания: “Это объясняет, почему мы ничего не должны менять в ритуале. Ритуал должен быть проведен согласно традиции, и если вы измените в нем хоть один небольшой фрагмент, вы совершите ошибку. Вы не должны позволить вашему разуму играть с этим”¹¹⁸. Именно эта рациональная “игра” с древними священными ритуалами в прошлом и настоящем повинна в меньшем внимании, уделяемом в настоящее время Евангелию от Филиппа.

Без малейшего преувеличения можно сказать, что Евангелие от Филиппа — это, прежде всего, руководство по священному гностическому исповеданию; другими словами, оно является руководством по отправлению гностических таинств. Источником этих таинств, согласно Евангелию, является сам Иисус:

*Господь [создал] все в тайне: крещение, помазание, евхаристию, искупление и Чертог Брачный. (68)*¹¹⁹

Здесь мы встречаемся с гностической терминологией пяти из семи традиционных христианских причастий¹²⁰. Вероятно, два заключительных причастия — искупления и упомянутого выше Брачного Чертога — были впоследствии заменены господствующей церковью на значительно более приземленные причастия епитимии и супружества. Чтобы рассмотреть эти вопросы в дальнейшем, может быть полез-

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Система нумерации используемых здесь изречений аналогична используемой в нормативной работе *The Gospel of Philip*, transl. R. McL. Wilson (New York: Harper Row, 1962). [Она совпадает с русской нумерацией. — Прим. переводчика.]

¹²⁰ Согласно первому переводчику Евангелия от Филиппа, доктору Гансу-Мартину Шенке, восстановленный начальный фрагмент изречения 60 гласит: “Поскольку таинств семь”.

ным представить гностические причастия в соответствующем порядке.

Крещение проводилось, согласно авторам этого Евангелия, в двух формах. Обычное крещение, которое совершает господствующая традиция, было известно гностикам как “психическое крещение”, потому что оно было предназначено для людей, чье сознание ограничено чувствами и разумом, и которые не были готовы войти в сферу Духа. Высшая форма крещения была известна как “пневматическое крещение”. Этот обряд имел целью не просто очищение души, но, скорее, привязку личности к ее высшей, или духовной Самости. Крещение, как и все прочие таинства, имело необратимый характер; его эффект никогда нельзя было смыть:

Бог — красильщик. Как хорошие краски, которые называют истинными, умирают вместе с тем, что окрашено ими, так и то, что окрасил Бог. Ибо бессмертны краски его; они становятся бессмертными, благодаря его цветам. Итак, Бог крестит тех, кого он крестит, в воде. (43)

Помазание (в нынешние времена называемое конфирмацией) является вторым изначальным причастием. Вода используется для очищения, а помазание используется для опечатывания. Горячее масло оставляет ожоги, связывающие с элементом огня, тогда как крещение связывает с водой. Эти два элемента традиционно понимались древними народами как основные полярности, соединение которых являет целостность. Тем самым, обретает смысл следующее высказывание:

[Душа] и дух произошли от воды, огня и света, которые сын Чертога Брачного (...) Огонь — это помазание, свет — это огонь. Я говорю не об этом огне, у которого нет формы, но об ином, форма которого бела, который является светом прекрасным и который дает красоту. (66)

Войдя в поток живой воды посредством крещения и усмиренный огнем помазания, христианский гностик готов разделить евхаристию:

Евхаристия — это Иисус, ибо его называют, по-сирийски, Фарисатха, то есть тот, кто распространился. Действительно, Иисус пришел, распяв на кресте мир. (53)

Чаша молитвы содержит вино, она содержит воду, служба символом крови, над которой совершают евхаристию. И она наполняется Духом святым. И она принадлежит полностью совершенному человеку. Когда мы выпьем это, мы получим совершенного человека. (100)

Таинство хлеба и вина — это то, посредством чего живое воплощение Искупителя сделалось доступным для его последователей. После принятия этого таинства гностик готовится принять два высших таинства, а именно, таинство искупления и Брачного Чертога. Героически отказываясь от обязательств во время “искупления”, новопосвященный гностик обретает свободу от непреодолимой связи с этим миром и его архонтами. Евангелие от Филиппа дает нам лишь незначительные детали этого таинства, но настроенный против гностиков отец церкви Иринея Лионский повторяет изречения, которые ритуально произносились теми, кто получил это причастие: «Я признан, я искуплен, и я выкупаю мою душу у этой вечности, и от всего, что прибывает от нее, от имени ІАО, который искупил свою душу, и искупления Христа живого”. И люди получают ответ: “Мир пребудет со всеми, на ком лежит это имя”¹²¹. Иринея утверждает, что посвященный затем должен был быть помазан маслом бальзаминового дерева, которое является символом сладости, превосходящей все земное. Таков отзвук слабого эха, оставленного таинством искупления, известного на греческом языке как ἀπολύτρωσις.

¹²¹Irenaeus, *Adv. Haer.* 121.5.

Высшее таинство Брачного Чертога (иногда называемое духовным браком или таинством сизигии) является окончательным шагом к воссоединению человеческого бытия. Как мы уже различными способами отмечали в своем воспроизведении гностических мифов, одной из фундаментальных гностических мифологем, касающихся разделения личности человека и высшей Самости является мифологема “ангела-близнеца”. В то время как на земле человек, как сказано, обладает телом, душой и духом, эта триада существует в состоянии несовершенной пропорции, которую можно восстановить через трансцендентный опыт Брачного Чертога. Ириной Лионский, интерпретируя учение последователей Валентина, описывает это таинство как союз человеческого Духа с ангелом-Искупителем, живущим в небесном мире, возвышающимся над этой землей. В современных понятиях можно было бы определить это таинство как священный ритуал индивидуации, в котором человек становится истинной индивидуальностью, или неделимым единством.

Не менее тринадцати различных изречений касаются в Евангелии от Филиппа непосредственно Брачного Чертога. Вот некоторые из важнейших:

Если некто становится сыном Чертога Брачного, он получит свет. Если некто не получил его в этих местах, он не сможет получить его в том месте. Того, кто получил свет сей, не увидят и не смогут схватить. И никто не сможет мучить такого (человека), даже если он обитает в мире, а также когда он уходит из мира. Он уже получил истину в образах. Мир стал зоном, ибо зон для него — плерома. И он таков: он открыт ему одному, он не скрыт во зле и ночи, но сокрыт в дне совершенном и в свете священном. (127)

Ниже описан удивительный эффект таинства:

Но Чертог Брачный сокрыт. Это — святая святых. . . Есть слава превыше славы, есть сила превыше силы. По этому совершенство открыто нам с сокровенным исти-

ны. И святая святых явилась, и Чертог Брачный призвал нас вовнутрь. (125)

Теперь очевидно, что таинство Брачного Чертога, хотя и было пережито человеком во время его воплощенного бытия, объединяет его с царствием божественного блаженства и превосходства. Вполне ли освобожден человек, по-прежнему живущий на земле или в состоянии “послесмертия” прошедший таинство Брачного Чертога, от опасности быть пленным и побежденным силами мира сего? Он более не жаждет Полноты, Плеромы, пребывающей над этим миром, поскольку земля и небо, верхнее и нижнее, теперь едины для него.

Те, кто облекся совершенным светом, их не видят силы и не могут схватить их. (77)

Некоторые изречения гласят, что Брачный Чертог существует, чтобы восстановить то исконное единство, которое человек имел до разделения полов, символизируемого разделением Адама и Евы в Книге Бытия:

Когда Ева была в Адаме, не было смерти. После того, как она отделилась [от него], появилась смерть. Если она снова войдет в него, и он ее примет, смерти больше не будет. (71)

Если бы женщина не отделилась от мужчины, она бы не умерла вместе с мужчиной. Его отделение было началом смерти. Поэтому пришел Христос, дабы снова исправить разделение, которое произошло вначале, объединить обоих и тем, кто умер в разделении, дать жизнь (и) объединить их. (78)

Итак, женщина соединяется со своим мужем в Чертоге Брачном. Ибо те, кто соединился в Чертоге Брачном, более не будут разделены. Потому Ева отделилась от Адама — ведь она не соединялась с ним в Чертоге [Брачном]. (79)

Читатель, осведомленный в психологическом отношении, не может не вспомнить здесь образы Анимы и Анимуса, о которых говорит Юнг. Психическая андрогинность,

предполагаемая в психологии как результат процесса индивидуации, очевидно, предвиделась (и иногда достигалась) прото-психологами, называвшимися гностиками. Смерть, от которой этот союз искупил людей, может пониматься как смерть сознания, вызванная нехваткой интеграции психэ. (Исследователи западной и китайской алхимии таким же образом интерпретировали проблему бессмертия относительно темы смерти в алхимической символикe.)

Хотя таинство Брачного Чертога и передано человечеству Иисусом, судя по всему, само оно возникло в Небесном царствии высшей божественности:

Если дозволено говорить тайну, Отец всего соединился с девой, которая снизошла, и свет осветил его в тот день. Он явился в великом Чертоге Брачном. Поэтому тело его, которое появилось в тот день, вышло из Чертога Брачного, как то, которое появилось от жениха и невесты. Подобным образом, Иисус воздвиг всё в нем благодаря этому. И следует, чтобы каждый ученик вошел в его покой. (82)

Высший Брачный Чертог, как было сказано, соединил Божественного Отца с Божественной Матерью (Святым Духом), и Иисус повторил это деяние Богов на благо разделенного человечества. При этом Брачный Чертог не отсутствовал и в ранней истории человеческого рода. В изречении 102 нам говорится, что подобие сегодняшнего преобразования в Брачном Чертоге истинного человечества уже происходило в давние времена, когда появился род, называющийся такими именами, как “истинный человек”, “Сын Человеческий” и схожими с ними. Таким образом, ясно, что это таинство — не новое явление, и оно было доступно во все эпохи во времена духовного расцвета человеческого рода.

В то время как большинство изречений в этом Евангелии касается христианских гностических причастий, особенно высшего таинства Брачного Чертога, многие другие затрагивают прочие темы духовной жизни, хотя большин-

ство из них каким-либо образом можно увязать с предметом причастий. Так как Брачный Чертог жизненно связан с союзом мужского и женского, понятно, что женскому принципу должны быть посвящены важнейшие изречения. В дополнение к высказываниям 32 и 55 (указанным в главе 4), мы можем назвать еще одно:

Некоторые говорили, что Мария зачала от Духа святого. Они заблуждаются. Того, что они говорят, они не знают. Когда (бывало, чтобы) женщина зачала от женщины? Мария — дева, которую сила не осквернила. Она — великая анафема для иудеев — апостолов и (мужей) апостольских. Эта дева, [которую] сила не осквернила, — [чиста], осквернились силы. И Господь не [сказал бы]: [Отец] мой, [который на] небесах, если бы у него не было [другого] отца, но он сказал бы просто: Отец мой. (17)

Хотя Мария, мать Иисуса, упоминается гностиками реже, чем София или даже Мария Магдалина, ей по-прежнему придается большое значение. Святой Дух, по их мнению, — никто иной, как Богиня-Мать, и, таким образом, он не может быть Отцом Иисуса. Мария же — это создание, не тронутое темными силами и архонтами мира сего, но она — манифестация неоскверненной (поскольку она девственница) силы Женской Божественности. Многие из последователей Иисуса, такие как Петр, по-прежнему были сильно замараны иудейской патриархальностью и потому были далеки от сложного таинства Женской Божественности, которая проявилась в связи с Иисусом. Истинный Отец Иисуса — наивысшая мужская власть Полноты, а не кто-либо из пограничных архонтов, сила которых, в определенной степени, смешана со всеми другими существами.

Как стало ясно после изучения различных священных писаний гностиков, человеческая природа никогда не расценивалась ими как чрезвычайно порочная, а тело — как вовсе неспособное к преодолению ограниченности (вопреки учению Св. Августина и других отцов церкви):

Жемчужина, если она брошена в грязь, не станет более презираемой, и, если ее натрут бальзамом, она не станет более ценной. Но она всегда ценна для ее обладателя. Подобным образом, сыновья Бога, где бы они ни были, всегда имеют ценность для их Отца. (48)

Человек святой свят весь, вплоть до тела его. Ибо, если он получил хлеб, он освятит его, или чашу, или другое, всё, что он получил, — он очищает это. И как не очистит он также тела? (108)

Основополагающая ценность человеческого Духа и души — кардинальный принцип гностического мировоззрения. Сущность человека состоит не только в том, что он является созданием Бога, но в том, что он сам — Бог, не в исключительном, но в содержательном смысле, поскольку он — неотъемлемая частица Бога. В психологическом отношении это может означать то, что психэ может быть ввергнуто в бессознательное состояние (в грязь, в которую падает жемчуг), но его божественная природа дает ему право на самое высокое уважение. Точно так же временное бессознательное состояние и опрометчивое поведение (грех) не указывают на то, что при необходимом росте и развитии сознания не будет обретено истинное духовное величие. Критики гностиков часто обвиняли их в осуждении человеческого тела. Вышеупомянутое изречение показывает невежественность такого рода обвинений. Тело можно освятить сознанием жизни, также как имеют смысл природа и все творение. Для святого все вещи являются святынями, в то время как для не осознающего вся жизнь — всего лишь тьма тьмущая.

Другая критика, направленная (особенно некоторыми неоплатониками) против гностиков, состояла в том, что у них не было никаких ценностей. Следующее изречение, однако, почитает три главных достоинства христианства и добавляет к ним четвертое — Гнозис:

Хозяйство мира — из четырех видов, в хранилище их содержат: из воды, земли, воздуха и света. И хозяйство

Бога подобно этому из четырех: из веры, надежды, любви и знания. Наша земля — это вера, в которую мы пустили корень, вода — это надежда, которой [мы] питаемся, воздух — это любовь, благодаря [которой] мы растем, а свет — знание, [благодаря] которому мы созреваем. (115)

Гностики были радикальным дуалистами, как говорят некоторые. Действительно ли верно то, что они разделяли всё на две категории — на благотворный Свет светлый и злую Тьму, и видели целью истинной жизни лишь освобождение Света от Тьмы? Нет; как гласит Евангелие от Филиппа:

Свет и тьма, жизнь и смерть, правое и левое — братья друг другу. Их нельзя отделить друг от друга. Поэтому и хорошие — не хороши, и плохие — не плохи, и жизнь — не жизнь, и смерть — не смерть. Поэтому каждый будет разорван в своей основе от начала. Но те, кто выше мира — неразорванные, вечные. (10)

Не преобразенный человек живет в мире, где противоположности отчаянно и безнадежно сплетены в объятиях борьбы друг с другом. Бесполезно пытаться отделить их друг от друга разумной оценкой или абсолютным моральным суждением. Только при возвышении над ними возникнет духовная перспектива истинного Гнозиса. Внутри-психическая реализация этого откровения далее объясняется в изречении 40, где автор использует метафору домашних и диких животных, живущих на одной земле. Точно так же, говорит это Евангелие, Гнозис использует силы, подверженные сознательному контролю, но не бросает темную сторону разума и не отдает приоритета светлой стороне. Скорее, такой человек признает, что обе они необходимы для достижения целостности. Высказывание заканчивается провозвестием того, что же, на самом деле, представляет собой Божественный Замысел:

Дух святой заботится обо всем и управляет [всеми] силами, [теми], которые подчиняются, и теми, которые

не подчиняются, и единственными. Ибо он [собирает] их, он скрывает их, чтобы [они получили, если он] захочет [силу].

Филипп также показывает, что, вопреки популярному представлению о гностицизме, гностическое представление о космосе не подразумевает отсутствия Божественного замысла творения. Согласно следующему изречению, архонты-создатели в своем невежестве не знают, что скрытый замысел принимал участие в творении, которое они неправоммерно считают исключительно сферой своего влияния:

Архонты думали, что они делали то, что они делали, своей силой и своей волей. Но Дух Святой втайне совершал всё через их посредство, как он желал. Истину, ту, которая существует изначала, они сеют повсюду. И многие видят ее, когда сеют ее, но лишь немногие видят ее, когда жнут ее. (16)

Таинства высвобождения Гнозиса были созданы для того, чтобы вызвать обожествление (apotheosis) человеческого бытия. Обретая, на собственном опыте, знание трансцендентного, познающий становится всё более и более склонным к трансцендентности и познанию до сего времени сокрытого в себе Бога:

Невозможно, чтобы некто видел что-либо из вечного, если он не станет подобным этому. В истине не так, как с человеком, который в мире: этот видит солнце, хотя он не солнце, и он видит небо, землю и другие предметы, не будучи всем этим. Но ты увидел нечто в том месте — ты стал им. Ты увидел Дух — ты стал Духом. Ты увидел Христа — ты стал Христом. Ты увидел [Отца — ты] станешь Отцом. Поэтому [в этом месте] ты видишь каждую вещь и [ты не видишь] себя одного. Видишь же ты себя в том [месте]. Ибо [ты станешь] тем, что ты видишь. (44)

Опыт Гнозиса, обретению которого способствуют священные таинства, переносит познающего в сферу высокого

сознания, где возможно единое знание. Вера, в гностическом смысле, состоит, главным образом, в преданности такого рода опыту. Доверившись трансцендентному опыту, каждый, в свою очередь, развивает в себе способность к любви, связанную со следующим гностическим разделением:

Вера получает, любовь отдает. [Никто не сможет получить] без веры, никто не сможет отдать без любви. Поэтому, чтобы получить, мы верим, а чтобы, воистину, отдать, (мы любим). Ибо, если некто отдает без любви, нет ему пользы от того, что он отдал. (45)

Любовь, на самом деле, вовсе не отсутствует в учении, преподанном в Евангелии от Филиппа. Великое разделение психо-духовного организма человечества на вышеупомянутые противоположности (нижнее и верхнее, внутреннее и внешнее, мужское и женское и т.д.) может быть исправлено только лишь любовью. Тайна Брачного Чертога также носит имя Чертога Любви. Таким образом, священные таинства гностиков направлены к любви. Страстное желание человечества достичь целостности путем объединения приводит к абсолютной любви и Божественной Полноте. Тем не менее, эта божественная любовь нуждается в носителях для своего проявления и вступления в силу. Именно здесь становится понятной доктрина образов, которой учит это священное писание. Часто подпитываемое господствующими христианами наивное заблуждение о том, что душа не может получить священное благословение Бога без особых посредников, не разделялось гностиками. Множество изречений в Евангелии от Филиппа разъясняют учение об образах, с помощью которых божественный принцип Полноты явился на землю:

Истина не пришла в мир обнаженной, но она пришла в символах и образах. Он не получит ее по-другому. Есть возрождение и образ возрождения. Следует, воистину, возродить их через образ. Каково воскресение? И образ через образ, — следует, чтобы он воскрес. Брачный Чер-

тог и образ через образ, — следует, чтобы они вошли в истину, которая — восстановление. Это следует тем, которые не только приобретают имя Отца, и Сына, и Духа святого, но приобретают их для самих себя. Если некто не приобрел их для себя, имя также будет отнято у него. Итак, их получают в помазании полноты силы [креста], что апостолы назвали правым и левым. Ибо сей более не христианин, но он — Христос. (67)

Сведущие в современной психологии непременно вспомнят здесь Юнга и его учение об архетипах и архетипических образах. Эти образы могут, и в самом деле, быть носителями или сосудами таких психических энергий, как проявление, смысл, сознание и преображение. Цитируемое ранее в этой главе заявление Юнга о том, что “большинство фундаментальных и самых важных психологических состояний человечества” содержится в таких архетипических ритуалах, как причастие, получает здесь подтверждение из гностических источников. “Крещение” человека происходит не просто личным и внутренним образом, ему могут (и, возможно, даже должны) способствовать исконные таинства, которым и посвящено это Евангелие.

Таким образом, возникает кажущийся парадокс. С одной стороны, могло бы показаться, что гностическая ориентация на личный духовный опыт была бы несовместимой с внешними методами таинств и причастий. С другой стороны, у нас есть неопровержимые доказательства существования внешней, признанной исконной священной практики явно гностического характера, связанной с самым расцветом Гнозиса в школе Валентина. Вне зависимости от того, что гностики, вероятно, не являлись до-протестантскими противниками обрядности, была засвидетельствована их приверженность не только к причастиям, но также и к доктрине апостольской преемственности. Таким образом, изречение 95 гласит:

Отец помазал Сына, и Сын помазал апостолов, а апостолы помазали нас. Тот, кто помазан, обладает всем, он обладает воскресением, светом, крестом, Духом святым. Отец воздал ему это в Чертоге Брачном; он получил (это).

Согласно Евангелию от Филиппа (а также другим гностическим документам), доступность духовной власти дополнена способностью посвящения к передаче этой духовной власти. Личная божественная искра [*charisma*] — сомнительный дар, если эта искра не является изначальной и, следовательно, привнесенной, то есть переданной надлежащим образом в рамках определенной традиции и преемственности. Гностический индивидуализм не подразумевает отказа от священного благословения и от апостольских полномочий управления этим благословением. Как и К. Г. Юнг много веков спустя, Валентин, Маркион и другие гностические Жрецы проводили ритуалы, действовавшие как средства благодати, как средства преображения. Не-гностическая церковь после Константина продолжала эту практику, но испытывала недостаток в исконном акценте. Великие таинства искупления и Брачного Чертога были утрачены, хотя и появлялись вновь несколькими столетиями позднее, в ритуале катаров “*Consolamentum*”¹²². Крещение было низведено до психического крещения, и помазание стало для юных христиан народным обрядом взросления. Однако, как столь верно указал Юнг более чем пятьдесят лет назад, причастия христианского мира сохранили определенную меру своей изначальной силы и остались способными передать определенную долю Гнозиса. Следует надеяться на то, что открытие таких утерянных евангелий, как Евангелие от Филиппа может привлечь интерес к изучению изначальных методов преображения. Если это действительно произойдет,

¹²²Речь идет о духовном крещении (в противоположность “водному крещению” Иоанна). Оно совершается наложением рук, согласно обряду, схожему с раннехристианским. — *Прим. переводчика.*

то усилия древних мудрецов могут принести плоды в эпоху колоссальной потребности в благодати Гнозиса.

Глава 13. Искупление и Экстаз: Евангелие Истины и Евангелие Египтян

Еще два священных писания из Наг-Хаммади носят название “евангелие”. Первое из них, Евангелие Истины, содержится в известном Кодексе Юнга, в первом документе из коллекции, который был вывезен из беспокойного Египта 1950-х годах и стал доступен для ученых (см. главу 1). Второе — Евангелие Египтян, также названное “Святая Книга Великого Незримого Духа”. Оба они, судя по всему, привлекали к себе внимание в прошлом. В сочинении Иринея Лионского, написанном приблизительно в 180 г. н.э., упоминается священное писание Валентина под названием Евангелие Истины. После того, как Кодекс Юнга стал доступен ученым, многие были уверены, что новая находка была ничем иным, как легендарным евангелием, написанным величайшим гностиком Валентином. Ученый, ответственный за выкуп старинной рукописи, Жиль Киспель, писал:

Судя по всему, Евангелие Истины, без сомнения, изошло из школы Валентина и идентично с писанием, которое упоминает Ириней Лионский. Было обнаружено новое и единственное еретическое евангелие, которое пока доступно исследователям. Наше предположение, как оказалось, было верным¹²³.

Информация о Евангелии Египтян также существовала в течение долгого времени. Это апокрифическое священное писание иногда упоминалось отцами церкви, и, хотя невозможно точно определить, ссылались ли они именно на эти два фрагмента, найденные в Наг-Хаммади, но такого рода евангелия упоминаются в ранней литературе, и

¹²³F.L. Cross, Ed. and transl. *The Jung Codex: A Newly Discovered Gnostic Papyrus*. Three Studies by H. C Puech, G. Quispel, and W. C. van Unnik (London: A.R. Mowbray Co., 1955), p. 43.

возможно, что мы действительно обладаем этими давно утерянными апокрифами. Евангелие Истины — поэтическая работа христианского мистицизма с сильным гностическим подтекстом. Если кто-либо подвергает сомнению совместимость мистического христианства с гностицизмом, то это священное писание могло бы убедить его в обратном. Но даже наиболее тщательно написанный христианский трактат евангельского происхождения не может продемонстрировать большую преданность личности Иисуса Христа, чем это священное писание, приписываемое “архи-еретику” Валентину или одному из его самых близких учеников. Возвышенная красота его медитативной мысли и поэтическое воспарение его языка ставят его в ряд с великими произведениями ранней христианской мистики — с такими классическими работами, как *Corpus Aegyptiacum*, письма Дионисия Ареопажита. Тон его очевиден уже во вводном стихе:

*Евангелие Истины — радость для получивших от Отца Истины милость познать его через силу Слова, исходящего из Плеромы, того, что в Мысли и в Разуме Отца, то есть того, к которому обращаются как к “Спасителю”, что является названием той работы, которую он исполнил во искупление не ведавших Отца, ибо в названии сего Евангелия — весть надежды, являющаяся открытием для искавших его*¹²⁴.

В действительности, автор этого Евангелия говорит нам, что, хотя не гностическое христианство и верит в то, что Иисус — Сын Божий, который пришел искупить человечество от греха, эта история до сих пор очень неполна. Намного более полное повествование явлено именно здесь и может быть представлено следующим образом. Существует Источник всего, называемый Отцом (“Глубина” Птолемея или “Пространство” Е. П. Блаватской в наше время). Из этого, конечного прародителя была явлена Истина, исконная

¹²⁴Здесь и далее Евангелие Истины приводится в русском переводе Алекса Момы. — *Прим. переводчика.*

Премудрость Отца, посредством которой можно познать Отца. Познать истину — конечная цель человеческой жизни; от этого зависит проблема любви, правды и, прежде всего, свободы. “Вы должны познать истину, и истина сделает вас свободными”, — гласит новозаветное Евангелие от Иоанна. Хотя она и является первой эманацией Отца, Истина (*Ἀληθεια*) может также пониматься как Богиня-Мать, божественный и трансцендентный аспект Премудрости (София). От Отца Всего и Истины было рождено Слово (*Λόγος*), которое явило сознание и посредника, приводящего человеческий разум к истине, пониманию и целостности. Используя термины, известные нам из глубинной психологии, мы могли бы сказать, что Слово — это архетипический образ, Истина — архетип, а Отец — психоидный архетип, и что все трое суть выражение одного и того же принципа окончательной, искупительной целостности.

В первых же нескольких изречениях Евангелия мы буквально видим сгущение интриги:

Всеобщность принялась за поиск того, из кого они изошли, и мучение неуклонно росло подобно туману, чтобы никто не был в состоянии видеть.

В этом тумане бессознательного состояния возникает другой персонифицированный принцип, названный Ошибкой, которая стала сильной. Не зная истины, Ошибка теперь творит свой космос, но это — ошибочный мир, заменяющий реальность; мир, в котором отсутствует истина. Таким образом, мы сразу видим в тексте этого Евангелия психологическое описание нашей экзистенциальной условности. Бессознательное состояние приводит к бессмысленному существованию, когда человеческое психэ бродит в поисках истины, в которой оно нуждается.

В своем эссе “Аналитическая психология и западное миропонимание” Юнг описывают это условие следующим образом: “У людей присутствует чувство, что они — случайные, бессмысленные создания, и именно это чувство

препятствует тому, чтобы они жили собственной жизнью с должной интенсивностью и обладали ею в полной мере. Жизнь становится лишенной новизны и более не является прообразом целостного человеческого бытия”. Евангелие говорит нам, что природа этого экзистенциального условия — ошибка, недостаток истины; родственным термином в индийской философии могла бы быть *майя*, обычно переводимая как “иллюзия”.

Но как же можно рассеять эту ошибку, эту иллюзию, и вернуть истину? При помощи Слова, проявленного в христианском мифе как Иисус:

Через это Евангелие того, кого искали, которое и [было] открыто тем, кто совершенен, через Милости Отца, Сокрытой Тайны, Иисуса, Христа, — просветило тех, кто из-за Забвения пребывали во тьме. Он просветил их; он показал (им) путь. А путь этот — Истина, которой он учил их.

Поэтому Ошибка всё более гневалась на него, преследовала его, огорчала его (и) была сведена к нулю. Он же был пригвождён к дереву, (и) он стал плодом Познания Отца. Он, однако, не вызвал разрушения, так как был съеден, но тех, кто ел его, он побудил возрадоваться открытию, и он открылся им в себе самом, и они открыли его в себе.

Евангелие продолжает превозносить достоинства Спасителя. Далее он описан как руководитель, безмятежный и неторопливый. Люди, которые, по своей собственной оценке, были мудрыми, возненавидели его, поскольку реально мудрыми они не являлись. Его Евангелие можно уподобить книге, которая является живой реальностью, воплощающей его искупительную миссию:

Потому и явился Иисус; он облачился в эту Книгу. Он был пригвождён к дереву, он обнародовал Эдикт Отца о Кресте. О, сколь велико Учение! Он подверг себя смерти, хотя жизнь вечная окутывает его. Сбросив с себя смерт-

ное тряпье, он облекся в бессмертие, которое никто не сможет отнять у него. Войдя в пустые Пространства Насилий, он прошёл сквозь тех, кто были догола раздеты Забвением, будучи Гнозисом и Совершенством, проповедуя всё то, что в сердце, [...] уча тех, кто жаждет получить Учение.

Как было обозначено в вышеупомянутом высказывании, не все в равной мере получили учение Искупителя. Он был обязан пройти мимо тех, кто “был раздет догола Забвением”, но он выбрал тех, у кого было Знание. Они описаны следующим образом:

... Если у кого-то есть Знание, то (оно) свыше. Если он назван, то он слышит, он отвечает, и он поворачивается к Тому, кто зовёт его, и восходит к Нему. И он знает, каким образом назван он. Обладая знанием, он выполняет волю Того, Кто позвал его, он желает угодить Ему, он обретает покой. Имя каждого приходит к нему. Обладаящий знанием таким вот образом знает, откуда он приходит и куда идёт. Он знает подобно тому, кто, становясь пьяным, отворачивается от своего пьянства (и) возвращается к самому себе, верно устанавливая то, что (действительно) его.

Изменения, вызванные в жизни и в мире искупительным действием Логоса, были описаны притчей о людях, пришедших в дом и нашедших множество бесполезных, поврежденных сосудов, которые новый хозяин дома решает убрать из комнат. В то же время, были и другие сосуды, которые, сохранив целостность, были взяты и наполнены хозяином. Смысл этой метафоры был показан в следующем высказывании:

Когда явилось Слово, то, что в сердце произносящих его — это не только звук, но оно стало телом — тогда среди сосудов случилось великое смятение, поскольку некоторые опустошены были, а другие наполнены. То есть, некоторые были заняты, а другие выплеснуты,

некоторые были очищены, тогда как другие — разбиты. Все же Пространства были в смятении и потрясении, поскольку не было в них ни порядка, ни стабильности. Ошибка была нарушена, не зная, что и делать. Она пребывала в печали, в плаче, огорчаясь, так как она ничего не знала. Когда же Знание пронеслось вблизи неё — то было падением (Ошибки) и всех её Эманаций — Ошибка сделалась пустой, не имеющей ничего внутри.

Образы сосудов и даже, более того, разбитых черепков, известны и в тайных знаниях. Каббала говорит о черепках (Клипот), описывая разрушительные, дестабилизирующие элементы зла, которые истребляют искры света в этом проявленном мире. Точно так же автономные комплексы бессознательного можно уподобить разбитым черепкам, от которых должен отказаться архетип целостности, чтобы создать внутренний порядок, который появляется в ходе индивидуации. Тем не менее, такого рода комплексы, как следует ожидать, не уступят появившейся Самости без борьбы. Ложное я, Ошибка, также впадает в недовольство, поскольку его долгое, темное господство завершается, а его пустота и разрушительный характер были выведены на чистую воду.

Здесь мы можем увидеть различие между христианством, воплощенным в Евангелии Истины, с одной стороны, и не гностическим христианством самозванной ортодоксии — с другой. Совсем не от греха, личного и первородного, человечество освобождает искупительный Логос, но, скорее, от беспорядка и иллюзий, вызванных бессознательным. Это условие образно описано Евангелием:

Или (есть) Место, к которому бежали они, или, лишённые Силы, ушли они от погони за другими, или вовлечены они в нанесение ударов, или их самих бьют, или пали они из Вышних Мест, или они унеслись в Воздух, хотя у них даже нет крыльев. Опять же, иногда это похоже на то, как если бы люди убивали их, хотя

нет никого даже преследующего их, или (как) если бы они убивали своих соседей, ибо они пятнались их кровью. Когда же просыпаются идущие через всё это, они ничего не видят — те, кто пребывали в самой сердцевине всех этих смут, ибо они — ничто.

Искупленные — это избранные, то есть, они “записаны в Книге Жизни” и получают через Евангелие саму Истину, которую им несет Христос, получают пробуждение, освобождающее их от иллюзии и возвращающее их к истинной Самости. Открытие Бога происходит через познание Христа, который не является лишь носителем внешнего психэ, но, как видим, присутствует в Духе человеческом (“они нашли его в себе, они нашли непостижимое, невообразимое единство”).

Возможно, уместно завершить этот обзор Евангелия Истины прекрасным повелением, адресованным искупленному:

... Спасению не подобает быть праздным, чтобы могли говорить вы от Дня Свыше, не имеющего ночи, и от Света, не имеющего отвода, поскольку он совершенен. Далее, говорите от сердца, что вы — Совершенный День, и что в вас обитает Свет, не делающий тщетного. Говорите об Истине с ищущими её и о гнозисе (с) согрешавшим по ошибке своей. Укрепите стопы тех, кто споткнулся, и протяните руки свои больным. Накормите голодных, дайте отдохнуть уставшим, поднимите желающих подняться, разбудите спящих. Ибо вы — Понимание, вышедшее вперёд.

Знающий становится силой знания, гностик — воплощением Гнозиса, а искупление преобразует искупленного в искупителя. Некоторые отмечали то обстоятельство, что отчетливо еретические черты других гностических священных писаний, такие, как различие между Непознаваемым Богом и Демиургом, не нашли себе места в Евангелии Истины. И, тем не менее, — какова же роль Ошибки (*Plane*), если она не связана с Демиургом? Назовем ли мы его Ошибкой, Иал-

дабаофом или каким-либо другим именем, но создатель лжи и иллюзии всегда признавался гностическими Евангелиями. Имена и персонификации имеют небольшое значение; остается экзистенциальный факт несовершенства и бессознательного состояния, которому подвержены все люди и которое противостоит знанию освобожденного сердца, спасенного великим посланником и воплощением Гнозиса, Иисусом Христом. Необыкновенный потенциал мистической трансгрессивности Христа живет в каждом человеческом Духе; таинство “Христа в нас”, о котором говорит Павел, становится также отправной точкой христианской мистики, видимо, объединив ортодоксальный взгляд с гностической ересью. Такое объединение ереси и ортодоксальности посредством открытия тайного единства знания сердца — возможно, одно из самых больших достоинств этого ясно сформулированного и глубоко эмоционального откровения, которое справедливо имеет право называться Евангелием Истины.

Последнее из наших утерянных гностических Евангелий, на которое мы собираемся обратить наше внимание, сопоставимо по своей ценности, но имеет несколько иной характер. Это — Книга Великого Незримого Духа, или Евангелие Египтян. Это священное писание отличается от многих других трактатов тем обстоятельством, что оно является не только мифологическим или космологическим повествованием, но также и литургическим текстом, или начальной литургией, которая, несомненно, служила частью ритуала Посвящения в некое глубокое таинство Гнозиса. Оно было разделено на три части:

- (1) на описание вечной сферы высшей Полноты;
- (2) на гностический миф об истории человечества, представленный Сифом и его потомками; а также
- (3) на текст Посвящения, который заслуживает того, чтобы называться документом экстаза, потому что, по-видимому, он был основан на восторженном опыте Инициации, на видении, пережитом гностиком.

Троичная структура этого священного писания ставит перед нами определенные вопросы. Если восторженный текст, составленный из трех частей — это действительно попытка посвященного гностика выразить свой собственный экстатический опыт, то мы можем спросить, по какой же причине автор приводит читателя к описанию своего экстаза посредством долгих описаний сферы Полноты и истории мудрого рода Сифа? Разве не было бы более уместным представить экстатический опыт Посвящения просто словами “основано на опыте”, как это могли бы сделать сегодня, когда сам опыт и его технику так часто считают самодостаточными? Ответ может быть таким: для гностика трансцендентный фон имеет равное значение с трансцендентным опытом. Конечно же, верно, что гностики первых веков переживали яркий, впечатляющий трансцендентный опыт. (Другой выдающийся документ такого опыта — Трактат О Восьмерке и Девятке из Библиотеки Наг-Хаммади, упомянутый в главе 2.) Тем не менее, подобный опыт всегда имел место в рамках определенной мифологии, в которой космология, теогония и духовные события играли жизненно важную роль. Гностики знали, что превосходящий опыт сам по себе является неполными и всегда нуждается в амплификации, приводящей к ассимиляции. Выражаясь психологическими терминами, только ассимилированный опыт архетипического психэ приводит к трансформации, и такая ассимиляция неминуемо дополняется полезным мифологическим контекстом, в котором опыт находит соответствующее ему место.

Первая часть этого Евангелия дарит нам конечный или высший контекст Вечного царства. Для практикующего мистика и гностика вопрос высшей сферы бытия имеет большое значение. Существует ли что-либо за пределами того, кем являемся мы, чем мы являемся и где мы находимся? Существует ли что-либо за пределами наших крохотных жизней и даже за пределами космоса, то есть, над системой

Солнца, Луны, планет и звезд? Гностик отвечает, что существует. (Это гностическое откровение находит отражение в других мистически ориентированных подходах к духовности. В индуизме мы встречаем понятие о Парабрамане, т.е. о том, что пребывает за пределами понятия Бога. Некоторые школы буддизма называют эту реальность именем Ади-Будда, или конечной сущностью Будды, а Каббала называет это Айн-Соф-Ор, безграничным светом.) Это — конечная трансцендентность, то, что было и то, что должно быть вечным: бесконечность, безграничность, исполненная потенциала всего времени, всего пространства, всей жизни и всего сознания. Евангелие Египтян дает образное описание этой вечной области и, типично гностическим образом, перечисляет группу вечных существ, которые населяют эту высшую область Полноты. Контроль над областью Плеромы осуществляет Великий Невидимый Дух, также называемый Праотцом. Это конечное Бытие представлено в троице: Отец, Мать и Сын. Из этих трансцендентных центров творческого потенциала выделяют большое количество Эонов, Ореолов, Престолов и других существ. Главное значение имеют четыре пары сил, названных Светочами, одним из которых является Абрасакс (или Абраксас), герой гностических мифов, который столь ярко проявляет себя в “Семи наставлениях мертвым” К. Г. Юнга.

Вопрос контекста трансценденции приводит нас непосредственно к рассмотрению контекста трансмиссии. Потребность в нем можно предположить следующим образом: есть вечное царствие, давшее нам жизнь и свет, но мы оказались в преходящем царстве, где жизнь смешана со смертью, а свет с тьмой. Как же нам следует достичь нашего изначального состояния? Посредством трансмиссии, то есть помощи свыше. Из Семени Света в нашей среде произрастает Полнота. Как мы уже отмечали, в других мифах и священных писаниях Гнозис, Высший Свет неоднократно посылал своих эмиссаров в низшие миры проявления

с целью просвещения и освобождения людей. Прототип всех гностических посланников Света согласно этому евангелию — Сиф, третий сын Адама и Евы, который, в отличие от несовершенных и враждующих между собой братьев Каина и Авеля, обладал истинным познанием своей природы и связи с Вечным Царствием и его небесными обитателями.

Сиф был представлен как отец рода просвещенных, знающих людей, которые поддерживают принцип Гнозиса в каждом поколении. Евангелие описывает их следующим образом: “Это — великий нетленный род, что вышел через три мира в мир”. (Каждый вспомнит здесь теософское учение о человеческих монадах: духовные сущности прибыли на землю, существуя в других космических системах.) Род Сифа можно понять как основополагающую группу просвещенных гностических адептов, которые присутствуют в мире в каждом поколении и сами по себе обладают выдающейся, яркой предысторией.

Прославленная группа этих духовных потомков Сифа неустанно враждует с Демиургом и его назойливыми слугами:

И пришел потоп, как образец исполнения зона. Но это будет послано в мир ради этого рода. Пожар придет на землю. И тем, кто принадлежит роду, будет милость через пророков и заступников, хранящих жизнь рода. Ради сего рода будут глады и моры, искушения, заблуждение лжепророков.

Тогда великий Сиф увидел действия дьявола, и его обличья многие, и замыслы его, грядущие на свой род нетленный, неколебимый, гонения сил его и ангелов его, и заблуждение их, что они дерзнули против самих себя.

Затем это Евангелие говорит нам, что из-за гонений на славное семейство детей Сифа из высших эонов были присланы управитель Духа-хранителя и могущественные помощники. Прибывшие во главе с духом самого великого Сифа, эти существа готовы были распространить свою

благодать и помощь на членов славного рода. Великие причастия должны были “заставить святых людей заново разродиться Святым Духом и невидимыми, святыми мистическими символами”. Поэтому вторая часть этого Евангелия заканчивается призывами к участию в инициации, данной им их отцом, Сифом, а также Духом-хранителем, прибывшим во имя их спасения. Следующая и заключительная часть Евангелия Египтян должна быть воспринята как экстатическое повествование посвященного о пережитом им таинстве причастия Сифа. Важным является то, что, хотя это причастие и производится Сифом, воззвания и молитвы благодарения, которые являются частью этого раздела Евангелия, были адресованы Иисусу, названному его особым мистическим именем, Ессей Назарей Еседдукей. Остается мало сомнений в том, что эти молитвы действительно являются результатом яркого экстатического опыта, и что последовательность мистического письма, воспроизведенная в тексте, имеет природу глоссалии, то есть экстатического проговаривания звуков, которое не отражает земной язык. (Такие комбинации букв, известные технически как “варварские слова”, часто присутствуют в гностических текстах, в которых представлено описание прямого экстатического опыта.) Краткий и достаточный для наших соображений пример такого проговаривания был представлен здесь:

ИЕ иеус ЕО Оуа!

Воистину, истинно,

О Ессей Назарей Еседдукей.

О живая вода,

О Дитя дитяти, о славное имя!

Воистину истинно,

О зон суций,

ииии ЕЕЕЕ ееее оооо уууу ОООО аааа. Эй аааа ОООО,

О суций, кто видит зоны!

Воистину, истинно, аеЕ ЕЕЕ ииии уууууу ОООООООО,

кто вечно вечен!

*Воистину, истинно, иЕа, эйО,
в сердце, что создано,
у аэй эйс аэй, эй о эй,
Сын, навечно,
Ты то, что ты есть.
Ты тот, кто ты есть.
Это великое имя, тебе принадлежащее — надо мной,
безупречный,
Самородный, неотделимый от меня, и я вижу тебя,
невидимого никому, ибо кто может постичь тебя иным
гласом?*

*Ныне же, познав тебя, я слился с Неизменным, воору-
жился оружием света и стал светом.*

После того, как это экстатическое проговаривание было завершено, писание объявляет, что эта книга была составлена Великим Сифом, и что он сокрыл ее на высоких горах, столь неприступных, что Солнце никогда не поднимается над ними. В своё время, когда настанет срок, Сиф, согласно обетованию этой книги, вновь явится к славному роду и, сопровождаемый вечным светом и божественными женскими созданиями Софией и Барбело, совершит со своими чадами путешествие к вечным мирам. Ассоциация этого текста с христианским мифом, наконец, была лично подтверждена писцом, духовное имя которого Евгност [Eugnostos] и который заканчивает трактат словами:

Иисус Христос, Сын Бога, Спаситель. Богом написанная священная книга великого незримого Духа. Аминь.

Эти два отличных друг от друга евангелия (Евангелие Истины школы Валентина и “сифианское” Евангелие Египтян), хотя и могли появиться отдельно друг от друга, рассказывают одну и ту же историю. Рассуждая о гностической спасительной миссии Иисуса как об оказании помощи человечеству в поиске божественной Самости¹²⁵

¹²⁵Cf.: Elaine Pagels. *The Gnostic Gospels* (New York: Random House, 1979), p. 95.

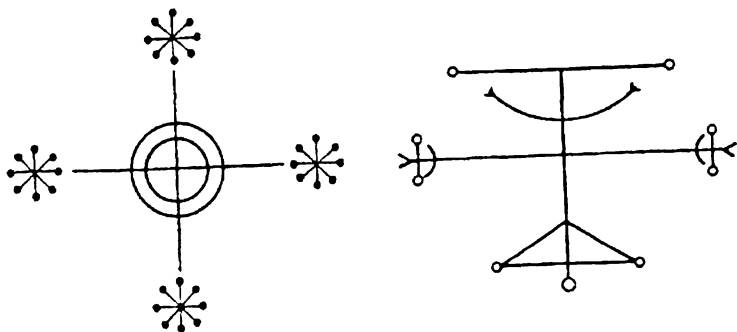
или представлении контекста трансцендентности и передачи изначального опыта экстаза, они имеют одно намерение: напомнить человечеству о его высоком и святом происхождении, так же как и о его нынешней затруднительной ситуации непонимания, а также уверить мужчин и женщин в доступности искупления и возвращения к осознанию, славе и счастью.

Следует также помнить, что, хотя эти евангелия и являются столь информативными, они составляют лишь крохотную частицу обширного гностического учения и инициатического опыта. Большая часть этой мудрости и духовного учения оставалась незаписанной благодаря гностическому принципу, а не по какой-либо другой причине. Трансцендентный опыт по определению невыразим, и наставления гностических адептов, содержащиеся в изречениях, мифах, притчах и увещеваниях не смогли бы передать Гнозис (в лучшем случае, они были бы просто подобны пальцу, указывающему на Луну, как гласит поговорка дзэн-буддистов). “Знание сущего” (как его назвал Дж.Р.С. Мид) должно быть достигнуто человеком, хотя отдельные учения и практики и могут помочь ему приблизиться к этому знанию в смысловом и полезном контексте психологической восприимчивости. Такое знание всегда будет апеллировать к относительно немногим людям. Те, кто удовлетворен верой в заявления, полученные от других, те, кто не отказался от веры в чужую веру, всегда будут отверженными в том, что касается Гнозиса. Со времен гностиков минуло много столетий. К. Г. Юнг выразился о них, описывая свой взгляд на духовные потребности современного мира, следующим образом:

Я не... причисляю себя к счастливым последователям веры, к тем многим людям, для которых свет ушел, тайна исчезла, а Бог мертв. Для большинства из них нет возвращения, и каждый, в свою очередь, не знает, является ли это возвращение лучшим путем. Извлечь пользу

от понимания религиозных вопросов — это, вероятно всё, что нам сегодня остается, и это психологический подход. Именно поэтому я беру те формы мысли, которые стали исторически приняты, и пытаюсь растопить их снова и вылить их в формы непосредственного опыта¹²⁶.

“Иные Евангелия”, надолго утраченные и теперь открытые вновь, кажется, содержат в себе огромный потенциал помощи тем, кто занят задачей растапливания твердого богословия и иссохших догматов нашей эры и заливания их сущности в формы непосредственного и, в то же время, бесконечного гностического опыта.

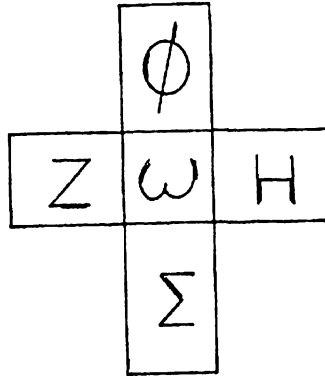

Mandala figures from the Books of Jeu

Эпилог. От Хиросимы до тайных Евангелий: Альтернативное будущее истории человечества

Незадолго до его смерти в 1961 году, К. Г. Юнга посетила серия видений будущей великой катастрофы. Согласно Марии Луизе фон Франц, которая оставалась хранительницей заметок и набросков, относящихся к этому высказыванию, Юнг видел всемирную катастрофу, возможно, несущую характер огненного дождя, случившуюся приблизительно

¹²⁶ C.G. Jung, *Psychology and Religion: West and East*, Collected Works, Vol. 11, par. 148.

Cross of the conjunction of Light and Life

через пятьдесят лет (то есть, приблизительно в 2010 году), который, согласно некоторым исследованиям, совпадает со спорной датой Конца Света в календаре майя. Десятью годами ранее, в своей книге “Эон”, Юнг предсказал пришествие Эры Антихриста, возвестив его кульминацию в конце или вскоре после завершения двадцатого века. Космические синхронизмы, в общих чертах обрисованные Юнгом в “Эоне”, касаются прогрессии так называемых платонических месяцев, также известных как зодиакальные эры. Таким образом, можно понять как важное совпадение то, что в эру Рыб, которая началась примерно во времена рождения Христа, христианская религия возникла и стала нормативным духовным течением в большей части мира. Рыба — издревле известный символ Христа. После завершения первого тысячелетия теневая сторона Рыбы христианства больше не могла сдерживать и подавлять альтернативные движения (многие из которых имеют гностическое происхождение),

такие, как катары, вальденсы, движение Святого Духа и последователи Иоахима Фиоре. Они возникали и причиняли неудобства Римской церкви. Таким образом, “царствование второй, или темной рыбы” началось и достигло своей кульминации в конце второго тысячелетия. (Астрологическая эмблема Рыб часто представляется как две рыбы: одна из них светлого, а другая темного цвета, и обе они плывут в противоположных направлениях.) На взгляд Юнга, если бы темной, или теневой стороне христианского архетипа удалось войти в сознание и интегрироваться в нем, то могло бы начать господствовать сильнейшее и наиболее губительное проявление этой тени, и это разрушительное событие будет, по всей вероятности, иметь место около 2000-го года. Это было бы явлением Антихриста, о котором Юнг писал следующее:

Если мы посмотрим на традиционную фигуру Христа как на аналог психической манифестации самости, то Антихрист будет соответствовать тени самости, то есть, темной половине человеческой целостности, о которой не стоит судить слишком оптимистически. Насколько мы можем заключить на основании опыта, свет и тень распределены в человеческой природе столь равномерно, что психическая цельность человека предстает, как минимум, в немного мрачном свете. Психологическое понятие самости, отчасти выводимое из нашего знания о человеке в целом, а в остальном спонтанно вырисовывающееся в продуктах бессознательного как архетипическая четверица, связанная воедино внутренними антиномиями, не может обойтись без тени, отбрасываемой светлой фигурой, ибо без нее эта фигура лишена плоти, человечности. Внутри эмпирической самости свет и тень образуют парадоксальное единство. С другой стороны, в христианском представлении архетип безнадежно расчленен на две непримиримых половины, что, в конце концов, ведет к метафизическому дуализму — беспово-

ротному отделению царствия небесного от пылающего мира осужденных¹²⁷.

Короче говоря, духовная неустойчивость психологической структуры не гностического христианства настолько велика, что, если она будет не в состоянии слиться в прочное единство психологической полноты, то внутренняя напряженность, вызванная непримиримыми противоположностями, приведет непростое сосуществование этих составляющих частей к катастрофическому концу. Велика вероятность того, что видение Юнгом огненной катастрофы касается разбиения на куски психической структуры западной культуры, сопровождающегося физическим истреблением естественного или термоядерного происхождения.

Юнг и вместе с ним другие представители гностического направления знали о другом комплексе идей, касающихся эпохи Антихриста и видения катастрофы, переданного им Марии Луизе фон Франц. Эти идеи были популяризированы Оригеном, отцом церкви, во втором веке н.э. и включены в категорию под греческим названием *Apokatastasis Panton* (Всеобщее Возвращение). В конце времен все вещи должны вернуться к Богу, источнику всего сущего, говорил Ориген, приведя несколько стихов из Нового Завета, чтобы подтвердить правоту своей теории (Мф. 10:26; 1 Кор. 4:5; Лк. 12:2; Мф. 17:11; Деян. 3:20–21). Следует также помнить о том, что упомянутый выше Ориген был когда-то связан с самым великим гностическим учителем, Валентином и, таким образом, возможно, впитал в себя часть гностического учения.

Валентин и вместе с ним многие гностические и неогностические авторы придерживались той точки зрения, что творение состоит из нескольких (обычно трех) частей или волн. Первой из них является грубая материя, которая служит основой организации космической жизнедеятельности; вторая — это жизнь, или рассеянные искры божественного света, которые попали во тьму предшествующей

¹²⁷C.G. Jung, *Aion*, Collected Works, Vol. 9, Part 2, par. 76.

материальности; а третья — это искупительное нисхождение спасительных сил и мессий: Дхьяни-Будды, Аватары и Сыны Пламени, как их называют в различных традициях. Возвращение Всего к первоисточнику может проявиться одним из двух способов. Во-первых — как конфликт противоположностей, разрешимый с развитием сознания. Борьба дуальностей исчезает и, как предполагается в алхимии, *coniunctio* привносит в бытие восторженное таинство, способное свободно и сознательно слиться с источником в божественной Полноте. Как было отмечено в Евангелии от Фомы, способствование этому союзу, фактически, было высшей целью Иисуса, который как истинный *soter* (Спаситель) пришел, чтобы “сделать двух одним”¹²⁸. Вторая возможность, скорее, является более вероятной. Противоположности не находят способ согласоваться друг с другом, и, следовательно, космос пребывает в постоянном состоянии алхимического нигредо, в невыносимых мучениях, в борьбе и хаосе. Разбитое сердце вселенной не исцелено, и усилия спасителей не приводят к намеченному результату.

Таким образом, не остается иного выбора: подобный Шиве в его разрушительном аспекте, Антихрист, “темная рыба”, получает власть и разбивает материальную структуру на куски, чтобы свет и жизнь, плененная ею, смогли освободиться от своих оков и беспрепятственно подняться в Полноту. Нео-гностические мифы и сказания повествуют о том, что незначительные проявления этого процесса возвращения неоднократно происходили в далекой истории нашего мира, вызывая разрушение крупных континентов, населенных развитыми цивилизациями. Некоторые из легендарных названий, связанных с такими событиями, — это Атлантида и Лемурия.

Согласно Юнгу, мы живем сейчас в период “Конца времен”. Это не только *a fin de siecle*, это *a fin de l'age*. В свою очередь, он имеет мощнейший потенциал, как раз-

¹²⁸Изречение в целом является эпилогом данного текста.

рушительный, так и созидательный. Критический и, в некотором смысле, окончательный характер наших времен был интуитивно воспринят человечеством, и ответная реакция на него была различной. Милленаристы и гармоничные рационалисты, сторонники НЛО и приверженцы возвращения Кетцалькоатля соревнуются в борьбе за внимание к себе с библейскими фундаменталистами, настроенными на Армагеддон. Сценарии Конца Света разнятся в диапазоне от смехотворных до ужасающих, в то время как бездуховная и обыденная массовая культура смущенно стоит в сторонке.

Посреди всех этих волнений и беспорядков в силу некоторой степени убедительности своего реализма выделяется один вариант: перспектива термоядерного разрушения. Каждый по-своему чувствует некоторую заезженность этой темы, возвращающей нас к былым антивоенным и антиядерным движениям, принимающих желаемое за действительное, преисполненных сентиментальностью и далеким от реальности пониманием человеческой природы. В конце двадцатого века люди стремятся утвердить мир, маршируют во имя мира, танцуют во имя мира, формируют зеленые политические партии, а затем, все вместе, выступают с таким интересным лозунгом, как “Представим себе мир во всем мире!” Этот последний лозунг, обращенный, судя по всему, к квази-духовной сфере медитативных и положительных образов, был блестяще проанализирован писателем Деннисом Стиллингсом в 1988 году:

Мой интерес к антиядерному движению проснулся недавно... когда я посетил местную лекцию, посвященную этой проблеме. Лектор был известным представителем организации Нью-Эйдж. . . Во время лекции я обнаружил, что очень заинтересовался тем, о чем говорилось. Лектор начал говорить о возможности силой образов сотворить блуждающие огоньки, сверхъестественный изгиб металла и отдаленные пейзажи... Он подчеркнул, что необходима ясность и определенность образа, что

с ясным и определенным образом вы можете изменить реальность. Я снова согласился с ним. Тогда он стал обсуждать использование образов в предотвращении ядерной войны, заявляя, что, если вы сформировали образ мира, вы можете воплотить его в реальность. Я был восхищен. Когда лекция закончилась, я понял, что он не предложил никакого точного и определенного образа. Я был ошеломлен. Изюминка всей беседы отсутствовала.

Сильно разочарованный тем, что мне не предоставили образ, я почувствовал, что смогу придумать свой собственный. Но я не смог сделать этого. Все, что я смог получить, были пасторальные сцены освещенной холмистой местности с парящими над ней птицами, и, возможно, фермером, пахущим землю на воле. Это может быть мирным изображением, но это не изображение мира, который может “изменить реальность”. Попробуйте сделать как я. Я не смог придумать ничего, что я счел бы удовлетворительным. Самым ясным и определенным изображением мира, к которому я пришел, был мир после ядерной войны. Это действительно обеспокоило меня, потому что, если и было что-нибудь действенное в этом занятии сотворения образов, то люди, неосмотрительно представившие себе “создание мира”, смогли бы, фактически, создать катастрофу — ясный, определенный мир с бедствиями, войной, ядерным истреблением... [Здесь автор разбирает картину событий в Хиросиме и Нагасаки после сброса бомб, и находит, что она часто представлялась самой идиллической — S.A.H.], На мой взгляд, не существует никакого ясного и определенного образа мира, который также не вовлекает в сознание образы его противоположности: насилия и войны¹²⁹.

Автор этих слов не только выявил практическим путем совпадение противоположностей в глубинах своего психэ,

¹²⁹Dennis Stillings, “Invasion of the Archetypes” in *Gnosis.A Journal of the Western Inner Traditions*, No. 10. (Winter 1989), p. 33.

но он, что еще более важно, понял, что наивные понятия, поддерживаемые из благих намерений, могут не только не быть эффективными, но и привести к обратному результату. Некоторое количество лет назад, в 1960-х, менестрели спели нам слова “Времена меняются”, и, тем самым, они изменили их. Сидение нашего удобного стула производства девятнадцатого века, с красивой подушкой эволюционного прогресса и модной формой, доставляемой технологией, начало подогреться, и ядерная энергия посылает свой резкий аромат в наши благородные ноздри. Юнгианский психолог Герхард Адлер говорил на лекции в апреле 1946 года:

*Все ли мы еще помним, как однажды утром, в прошлом году мы проснулись и поняли, что мир изменился одним словом — “Хиросима”? Разве мы забудем шок, ощущение головокружения, как будто земля ушла из-под чьих-то ног, и каждый из нас был этим кем-то настолько же, насколько несчастные мужчины, женщины и дети далекого острова в восточном полушарии? Как бы трагично и странно это ни было, но не будет ли правдой сказать, что впервые за свои нескончаемые дни человечество почувствовало и вновь открыло для себя свою общую судьбу? Почувствовало и открыло вновь реальность общины, индийское “Tat twat asi” — “Это есть ты”? Увы! Наше сидение нагрелось настолько, что заставило нас подпрыгнуть!*¹³⁰

В той же самой лекции Герхард Адлер указывал на то, что сброс атомных бомб был не отдельным явлением, но естественным результатом изменения в головах, отказа от объединения религиозных и духовных жизненных ценностей, осуществляемого всё большим количеством людей, указывая им на то, что мир больше не будет представлять собой органическое и смысловое единство. Эго и сознательный разум стали приниматься как целостная индивиду-

¹³⁰Gerhard Adler, *Psychology and the Atom Bomb* (London: The Guild of Pastoral Psychology, Guild Lecture No. 43, 1946), p. 3.

альность; понимание сверх-личной Самости было утрачено. Законы природы становились более понятными, но законы, регулирующие роль человека в этом мире, всё более размывались. Единство жизни и смысла было расколото. Люди более не гордились собой как последователями и исполнителями мирового замысла. Пришел марксизм, чтобы добавить последний и самый жестокий мотив к этой бессмысленности и отчуждению, когда он свел значение человека к “экономической единице”. Юнг описал это состояние следующим образом:

*Двадцатый век показывает разрушительное чувство разочарования и тщетности в образе мира среднего человека. Оно может быть определено как нечто вроде этого: мир без божественного руководства, а значит, без внутреннего смысла или согласованности (кроме чисто механической) и свойственной ему ответственности. И это означает, что у человека не было никакой реальности или задачи в этом мире, кроме той, которую его эго определило для себя*¹³¹.

Человечество, которое было не в состоянии признать существование над-личностных и иррациональных сил как одного из факторов своей жизни, в конце концов, убедилось в реальности иррационального и непредвиденного. Когда общество духа не удается, преобладает общество страха. Британский драматург 1940-х годов Рональд Дункан очень точно написал в своей пьесе “Путь к Могиле”:

*Я иду по старому пути новыми ногами. Я останавливаюсь, следуя своему разуму. Разве испытание не приводит к разумному страху? И именно тогда страх стал сводить зубы и ломать кости. И след тревоги съезжил мой рассудок*¹³².

¹³¹C.G. Jung, *Über die Psychologie des Unbewussten* (Zurich: 1943), as translated by Gerhard Adler, in *Psychology and the Atom Bomb*, p. 15.

¹³²(London, Faber & Faber, 1945), p. 95.

Зададимся же поистине решающим вопросом: разве испытание не приводит к разумному страху? Достоинство страха, таким образом, вернулось к человечеству. Две разрушительных мировых войны и угроза ядерного оружия вернули страх высокомерному человеческому эго. Герхард Адлер хорошо сказал об этом в 1946 году:

*Я не могу отделаться от ощущения, что есть глубокое символическое значение в истории атомной бомбы. Это — сокрушительная сила, которая вышла из-под нашего человеческого контроля, это — энантиодромия человека как создателя, это — божественный символ судьбы, скрытый в человеческом грехе уверенности в рациональности и причинности. Это — огромный и ужасающий вопросительный знак человечеству.*¹³³

Сегодня, более сорока лет спустя, этот ужасающий вопросительный знак по-прежнему с нами. С каждым годом он становится все крупнее и всё более озадачивает. В недавние времена вмешательство темной материи зловещего характера дополняли этот вопросительный знак. Не только встревоженное окружение, но также и уравновешенный центр культуры все более и более задумываются об экологическом кризисе, который лишь незначительно связан с проблемой ядерной энергии и вовсе не связан с ядерной войной.

Кроме того, астрофизическая гипотеза, основанная на серьезном исследовании, всё более и более подчеркивает вероятность присутствия в космосе чего-то, названного “темной материей”¹³⁴, представленной как массовое вмешательство невидимой Вселенной, причем до сих пор неизвестно, насколько она дружелюбна, однако гравитация, в любом случае, по-прежнему не видна. Научный репортер Деннис

¹³³Gerhard Adler, *Psychology and the Atom Bomb*, p. 17.

¹³⁴В английском языке слово matter употребляется в значении “материя” и “вопрос”. В этом случае аллегория автора может быть понята как “вероятность присутствия в космосе чего-то, названного “темным вопросом”. — Прим. переводчика.

Овербэй пишет, ссылаясь на авторитетные источники: “У Вселенной есть тень, и из-за этого у нее может также быть и конец”. Астрономы, как он пишет, “долго и неохотно признавали наличие темного, пассивного присутствия под тонкой пленкой видимой Вселенной”. Этот теневой мир темной материи может быть “обычной материей, которая не смогла достичь благодати света... и если бы ее было достаточно, темная материя могла бы однажды заставить Вселенную иссякнуть в предельной световой вспышке”¹³⁵. Подобные высказывания, включающие в себя такие слова как “тень”, вызывают в воображении видения юнговских архетипических проекций в материальной Вселенной, которые, в свою очередь, кажется, являются параллелями утверждениям Юнга в “Эоне” о том, что тень нашей культуры может ознаменовать собою ее крах. Господствующая религиозность давно убедила нас в том, что, в то время как всё хорошее прибывает от Бога, все губительные и злые обстоятельства прибывают от нас самих. (Есть даже латинское теологическое высказывание: “Omne bonum Deo, omne malum ab homine”: “Вся благодать от Бога, все зло от человека”.) Таким образом, мы естественным образом предполагаем, что крупномасштабное уничтожение и разрушение на планете должно быть делом рук человеческих, но может быть полезным подумать и о том, что говорит нам наука: темные тени вне нашей досягаемости могут вызвать уничтожение земли в световой вспышке, превосходящей все искусственные ядерные взрывы. Тем, кто извечно настроен переносить вину на человеческий род это может доказать, что Конец Света может случиться, и может оказаться так, что все мы в нем не виноваты!

Казалось бы, если у человечества есть его психологическая Тень, то и космос может обладать своей собственной Великой Тенью, и что все эти тени являются потенциа-

¹³⁵Dennis Overbye, “The Shadow Universe,” *Discover*, May 1985, p. 13ff.

но опасными. Гностическая мудрость всегда считала, что Свет тем или иным образом проявится из Тьмы. Один интересный, относительно поздний гностический учитель в рамках каббалистического иудаизма назвал этот принцип освобождения, или сворачивания *tikkun*'ом — понятием, близким к аналогичному гностическому и христианскому понятию “*apokatastasis*”. *Tikkun* — это процесс, посредством которого потерянные искры света освобождаются из заключения посреди темных черепков, которыми изобилует нераскаившаяся сфера космоса. *Tikkun* — это, прежде всего, задача Мессии, но все мудрые и справедливые люди играют в этом процессе жизненную роль. Эта задача восстановления фактически является гностической альтернативой насильственному и силовому извлечению света из Тьмы, которое может произойти в техногенных и космических катастрофах. Бессознательное состояние, нежелание искупить тень в себе и в мире, ведут к разрушению; эго, цивилизации и миры одинаково разрушаются скрытой силой подавленной Тьмы, сокрытой в психических и космических глубинах. Разрушения и катаклизмы, предстают ли они как наводнение, поглотившее Атлантиду, или ядерные взрывы, разрушающие землю, все они — отделители света, чрезвычайная мера для высвобождения выживших сил души, когда никакие другие средства уже не доступны. Астрологические образы, воплощенные в зодиакальных эрах, тем самым, объединяются с гностическим мифом плененного в мире света и поднимаются в область конструктивного видения психологическим Гнозисом Юнга. Таким образом, как нам говорит Евангелие от Филиппа, если мы знаем то, что внутри нас, это спасет нас, но если мы не будем знать этого, то оно убьет нас или, по крайней мере, разрушит форму, в которой наша жизнь хотела бы воплотить себя. *Prima materia*, изначальная материя, основной хаос бытия — такие выражения применяли алхимики к тому творческому состоянию, из которого, после многих трансформирующих

взаимодействий, мог бы появиться единый философский камень. Есть множество доступных доказательств того, что наша ситуация сегодня именно такова, что свое искупительное участие должна будет проявить алхимическая парадигма. Как альтернатива трагическому, и, возможно, разрушительному “освобождению жизни и света”, перед нами встает потребность произвести объединение противоположностей, приводящее к их союзу, а также к *in us mundus* — алхимически воссоединенному миру. Как было отмечено в последней главе, алхимик не может подвергнуть конечный мир четырех элементов (символически — мир эго, или нынешний культурный тупик) истинному творческому преобразению. Современный мир находится в духовном тупике, его прославленное прошлое ни к чему не привело. Главным образом, это грустное обстоятельство проявилось благодаря заблуждениям и духовной сухости религиозных структур западного общества. Корень и причина этих нежелательных особенностей — ничто иное, как непонимание природы Гнозиса и следующие за ним репрессии в раннем христианском мире. Мы должны помнить о том, что Гнозис является не только неопределенным термином, обозначающим некие неясные духовные откровения, но и определенным духовным явлением с отличительными и бесспорными особенностями. Гнозис и гностицизм едины, и отделить их друг от друга — всего лишь зловещая задумка, исходящая из мракобесия и тупости.

Вновь открывшаяся дорога гностицизма тихо предъявила нам свои самые важные документы: гностицизм, переданный от своего предшественника, альтернативного иудаизма ессеев; и, наконец, что не менее важно, гностицизм, усиленный и привнесенный в психологию Юнгом — этот недостающий алхимический компонент западной духовности и культуры. В прямом смысле, это — *prima materia*, творческая, экзистенциальная матрица, из которой могут появиться искупительные трансформационные компоненты,

способные спасти Запад от его упадка и краха. Ужасающему вопросительному знаку ядерного разрушения и связанным с ним трагическим методам можно ответить лишь возвращением к тому виду основного духовного опыта, который является ядром всего Гнозиса, оставив веру в надстройки и подмены, притворяющиеся догмой, заповедью и идеологией любого вида.

Само собой разумеется, что в этой предлагаемой задаче восстановления Гнозиса и гностицизма учение К. Г. Юнга должно играть исключительную роль. Католический священник и писатель-юнгианец Джон П. Доэрли справедливо сказал:

Было бы значительным шагом к выживанию, если бы каждая дисциплина, касавшаяся жизни на земле, серьезно изучалась бы в аспекте концепции Юнга о личной и исторической Самости, свойственной жизни психэ, внутреннего ядра, способного к сотворению Богов и Богинь. Это открывает человечеству великую гармонию, богатство бытия и сознания. Если такая психическая реальность, как окажется, не существует вообще, или если человечество окажется не в состоянии поднять ее силу на уровень сознания, то человечество оказалось бы обреченным ждать своего искупления посредством вмешательства внешнего Бога.

Учитывая исторически обусловленную вражду между традициями и внутри них за такого рода “божественное” вмешательство и текущую технологическую возможность нынешнего человечества в плане саморазрушения, это не должно заставлять себя ждать.¹³⁶

Как мы видели в течение нашего путешествия среди мифов и метафор, священных писаний и гностических таинств, естественный бог человека — это человеческий дух. Такова одна из главных тем, пронизывающая альтернативную ре-

¹³⁶ P. Dourley, *The Illness that We Are* (Toronto: Inner City Books, 1984), p. 82.

альность, представленную нам Гнозисом. Как внушительно заявил Юнг в своем “Ответе Иову”¹³⁷, человеческий Дух (Иов) духовно превосходит Бога мира сего, нуждающегося в Гнозисе, который может обрести его только в человечестве. Человеческий Дух, как говорят гностики и как подтверждает Юнг, нисходит из сферы высшей Божественности и, в качестве такового, имеет в этом мире высшую ценность. Самопознание, это познание Бога, открытие и опыт Божественного и индивидуального ядра Самости, в конечном счете, сводится к одному. Зная догмы, из века в век воплощаемые в жизнь приверженцами монотеистического Бога, многочисленные современные люди сопротивляются глубине гностических и психологических открытий; как говорил об этом сам Юнг:

Кто бы ни говорил о реальности души или психэ, его обвиняют в “психологизации”. О психологии говорят так, как будто она есть “только” психология и ничто иное. Понятие о том, что могут быть психические факторы, которые соответствуют божественным фигурам, рассматривается как обесценивание последних. Это имеет привкус богохульства — думать о том, что религиозный опыт есть психический процесс...

Столкнувшись с такой ситуацией, мы должны спросить: знаем ли мы о психэ настолько много, что можем сказать: “только” психический?¹³⁸

Разрушение культурных надстроек отбросило современное человечество назад, к его глубинам, и именно в этих глубоких и таинственных областях мы и должны искать ново-старый ответ. Восстановление гностической мудрости, тем более, освещенной современной глубинной психологией, выполняет две функции: с одной стороны, оно указывает на потребность вернуться к изначальному опыту,

¹³⁷ См. главу 10 данной работы.

¹³⁸ C.G. Jung, *Psychology and Alchemy*, Collected Works. Vol. 12, pars. 9–10.

а с другой, оно указывает на потенциальный источник творческого ответа. Гнозис приводит нас обратно к нашим корням и сокровищам, к изначальным истинам и фактам более, чем всего лишь рационального и глубже, чем всего лишь личного характера. В конечном счете, это — только опыт, который действительно имеет значение. Богословие, метафизические предположения и философские категории никогда не сравнятся с опытом. Путем индивидуального и сознательного опыта над-личностных и исконных образов нашего внутреннего мира, становятся возможными союз противоположностей и синтез всех дуальностей, включая Свет и Тьму.

Наше время является опасным и разрушительным. Мы не знаем, оставят ли нам появившиеся в свое время инструменты разрушения достаточно времени для Гнозиса, для индивидуации. Тем не менее, Гёте говорил нам о том, что всё преходящее предстает перед нами как символы, а настоящее, неопределенное и опасное положение может, в некоторой степени, просто быть еще одной попыткой со стороны человеческого духа постичь творческое хаотическое состояние *Materia Prima*. Это невозможно, поскольку рассеивание материи в атомном распаде вывобождаст свой плененный трансцендентный огонь, и, таким образом, распад реальности и культурной согласованности, а также создание условий может высвободить несущую трансформацию альтернативную реальность, тем самым, приводя нас к философскому камню, к символу объединения с Самостью, который дает смысл и единство рассеянным частям. Может ли случиться так, что наше менее чем счастливое состояние могло бы оказаться героической попыткой исцелить различие между Светом и Тьмой вместо того, чтобы быть прелюдией к гибели культуры и космоса? Могут ли такие опасности, как распад атома, экологический кризис и космические опасности “темной материи” быть понятыми как символы ужасающей возможности, вынуждая челове-

ский дух или принять мировое разрушение, или же искать целостности вне опасности и хаоса?

Три с виду не связанных события имели место в короткий промежуток времени в конце самого большого переворота человеческого бытия. Вторая мировая война, синхронно связанная с ее мистическим смыслом; первый взрыв ядерного оружия в Хиросиме; открытие гностической Библиотеки Наг-Хаммади и рукописей ессеев в пещере Кумрана. Это — разрушение и его альтернатива, освобождение от формы и искупление в пределах формы. Знакомые с теорией Юнга о синхронистичности могут с готовностью признать в этом значимом совпадении сигнал Небес. Пробудившаяся от векового сна и явившаяся в центр сознания, иная, альтернативная реальность призывает нас к искупительной трансформации. У нас нет ничего, чего стоило бы бояться, кроме бессознательного состояния. Антихрист, Бегемот и Левиафан, угрожающие нам, являются всего лишь сущностями наших бессознательных проекций, которые могут исчезнуть как ночной кошмар, когда процесс индивидуации вступит в силу. Царствие, воссозданный мир целостности, открывают нам свои врата, поскольку слова архетипа Самости человечества получают свое окончательное подтверждение:

*Когда вы сделаете двоих одним, и когда вы сделаете внутреннюю сторону как внешнюю сторону, и внешнюю сторону как внутреннюю сторону, и верхнюю сторону как нижнюю сторону, и когда вы сделаете мужчину и женщину одним, чтобы мужчина не был мужчиной и женщина не была женщиной, когда вы сделаете глаз вместо глаза, и руку вместо руки, и ногу вместо ноги, образ вместо образа, — тогда вы войдете в [царствие]*¹³⁹.

¹³⁹ Евангелие от Фомы, (22) [27].

ГНОСТИЧЕСКИЙ ЮНГ

Часть I

Глава 1. Наука рожденная мистикой

Сейчас, в последнюю четверть двадцатого века, мало кто отрицает верность утверждения, что глубинная психологии доказала возможность преобразования сил культуры нашей эры. Появившееся из темной отчужденности сознания, характерной для 19го века, стало возможным повторное открытие тайны подсознания в рамках человеческого мышления, подобно библейскому явлению, которое в глазах прошлых поколений положило начало абсолютно новому возвышенно духовному миру.

Немецкий философ Мартин Хайдеггер рек истину, называя девятнадцатый век наиболее “темным” из всех веков нашей эры; хотя это было абсолютно верно для того времени — времени величайшего затмения света силами двух крупнейших первооткрывателей бессознательного, Зигмунда Фрейда и Карла Густава Юнга, родившихся в 1856 и 1875 годах соответственно.

Фрейд был великим исследователем, положившим начало множеству открытий. До сих пор, как психологи, так и общественность, с трудом оценивают степень, в которой мы должны быть ему благодарны. Человеку старой, сугубо материалистической научной школы, которого только практические необходимости вели от биологической лаборатории к искусству исцеления, Фрейду ничего не оставалось, кроме как использовать модели мышления его времени. Вследствие трагического поворота судьбы, человек, чьи открытия решительно потрясли основы научного рационализма, оставили его связанным рационалистической и редуционистической догмами, которые он поддерживал и защищал с отчаянной убежденностью. Подобно Моисею, ведущему за

собой остальных и не способному вернуться к Обетованной земле, он передал последнее состязание, припадая к новому Иисусу мысли — Карлу Густаву Юнгу.

Кто был Юнг и как он совершил коронное открытие в области психики? Что послужило источником пророческой пронизательности в потаенные глубины человеческой души? Откуда он черпал свои мудрость?

Всю долгую жизнь Юнга (26 июля 1875 — июня 1961 гг.) общественность была озадачена необычными эзотерическими и магическими аспектами его работ. Это было необыкновенное явление, которого мир не знал еще со времен Эпохи Просвещения. Из пыли вековых могил были вынуты образы и символы древней темной силы. Еретики и алхимики, маги и мистики, Даосские мудрецы и Тибетские ламы отдали предметы своих тайных поисков искусству современного швейцарского Гермеса. Личный интерес к раннему психоанализу, связанный с детскими травмами и ребяческими капризами, остался в прошлом, так же как бывшие боги и герои больше не почитались подобно прославляемым образам юношеских страстей и ужасов.

Архетипы выросли из *materia prima* коллективного бессознательного, подобно вышедшей из морской пены Венере или Афине, рожденной из брови (головы?) Зевса; теперь боги снова сопровождали человека. Под первозданными творящими водами души воздвигся дух одного человека, гения Юнга. Теперь, и ученые могли удивляться, и просвещенные изумляться, поскольку пришла новая эпоха разума.

Для посвященных в области тайных учений и теорий мистической традиции, которую иногда называли “вечной философией” или “теософией” (божественная мудрость), вскоре стали ясны четкие параллели между учениями Юнга и давно известными им путями инициации. Как заметил эзотерический поэт и дипломат Мигель Серрано в своей небольшой, но плодотворной работе “*К. Г. Юнг и Герман Гессе*”: будто под строками всех работ Юнга лежит второй

язык. Явился психиатр-аналитик, чтобы стать иерофантом таинств, в то время как пациент стал новобранцем и последователем. Болезнь показала себя как разобщенное и незаконченное состояние, здоровье же — как духовная целостность. Аналитическая психология установила диалог между индивидуумом и вселенной и, в отличие от моды на Буддизм и Индуизм, не разрушала при этом его личность и эго.

Источники работ Юнга уже долгое время остаются предметом гипотез. Всю жизнь Юнг скрывал источники своих открытий под мантией предостережения, часто ссылаясь на Герметическое сообщество. Он снова и снова говорил, что все написанное им основано на эмпирической очевидности, упоминая о незначительности того, откуда взялось в его работах мистическое и эзотерическое, которое всегда основывалось на опыте в психологической области. Многие знали, что Юнг лечил многих пациентов и всегда имел доступ к практическим исследованиям многих своих младших коллег, и тогда уже не вызывало сомнений то, что его книги явились результатом данных, взятых из этих источников. Конечно, ходили слухи и о том, что он был самым нетрадиционным ученым и общался с астрологами и религиозными людьми. Поговаривали, что он сам проводил оккультные и таинственные ритуалы, видел призраков и советовался с оракулами.

Только после смерти Юнга в 1961 и особенно в публикации примечательных автобиографических фрагментов его жизни, озаглавленных “Воспоминания, сновидения и размышления”, непрерывное течение более смелых прогрессивных открытий вышло из под пера его учеников, и из посмертно изданных записей и писем Юнга. Из этих всевозможных разоблачений мы узнаем, что с 1912 по 1917 год у Юнга был напряженный период опыта, совершившего крупный переворот в его сознание силами, которые он назвал архетипическими, в предыдущие годы называемые божественными и демоническими. Определенную долю

информации относительно этих опытов Юнг по секрету передал некоторым своим коллегам, но он, несомненно, испытал куда больше, чем когда либо раскрыл и, конечно, чем когда-либо будет раскрыто. Великий исследователь часто называл этот опыт, вернее будет сказано цикл опытов, своей *Nekyia*, используя термин, посредством которого Гомер описал нисхождение Одиссея в Подземное Царство¹⁴⁰. В это время Юнг, как нам говорится, отошел от внешних дел, за исключением толики своей психиатрической практики. Также говорится, что в течение всего этого периода он не прочел ни одной книги, что, несомненно, явилось великим событием в жизни настолько увлеченного всеми видами литературы студента. Хотя он и не читал, но все же писал. Его записи, датируемые этим периодом, состоят из описаний необычных внутренних экспериментов, занимавших 1330 рукописных страниц, проиллюстрированных его же рукой. За это время его почерк изменился на тот, был принят в 14 веке; все рисунки он выполнил собственноручно изготовленными красками, подобно художникам минувших эпох. У него удались одни из красивейших рисунков и письмен; обернутые в красную кожу, они заняли почетное место его личного имущества; позже они стали известны как *Красная Книга*. По словам очевидцев, записи этого периода жизни Юнга разделяются на две отличные друг от друга категории: одни светлые и ангельские, другие же мрачные и демонические по форме и содержанию. Некто искушенный говорил, что Юнг, подобно другим магам, прошел опыт, относящийся к категории Теургической Инвокации богов и Гоегической Эвокации духов, и сделал “магическую характеристику” каждого.

Удивительно, что, как и сами по себе факты о ранних метаморфозах Юнга, их истинная значимость раскрывается только тогда, когда мы осознаем, что очевидность многих,

¹⁴⁰См. James Kirsch, *Remembering C.G. Jung*, in *Psychological Perspectives*, том 6, стр. 57.

если, несомненно, не всех его научных работ, основывается на призрачных открытиях. Часто используемое прилагательное *эмпирический*, характеризующее источники работ Юнга, таким образом, появляется в абсолютно новом свете. Наука психологии Юнга безусловно основывалась на эмпирических составляющих, но не все они были взяты из окружающей природы, но состояли из событий и экспериментов, имевших место в его потаенном мире, в тайных уголках его глубокого подсознательного. Конечно, Юнг не был “научен” в узком смысле этого слова, используемом на сегодня, в том, что он не вел учет изменениям, а кропотливо повторял эксперименты.

Его “наука” состояла в создании систематизированной совокупности знаний, полученных из наблюдений, исследований и открытий принципов и значений вне области исследований, пользуясь научными стандартами объективности. (Вместе с Фрейдом) он приобрел приемлемого современного научного союзника в виде феноменологии, сторонники которой рассматривают различные варианты человеческого сознания, как первичные данные и строят основанные на них гипотезы, теории и объяснения.

Полезно вспомнить, что большую часть своих исследований Фрейд выполнил на манер Юнга. Величайший Венский врач раскрыл секреты сновидений путем анализа своих собственных снов, и, возможно, оставался единственным психоаналитиком, не подвергнувшись еще чьему-либо анализу, не принимая во внимание короткий разговор с Юнгом о своих сновидениях во время их совместного американского турне. Юнг был не единственным, кто искал общества оккультистов и нетрадиционных мистиков, — Фрейд довольно активно посещал предсказателей и взрастил значимую дружбу с чудаковатым ученым по имени Вильгельм Флисс¹⁴¹. Юнга считают в крайней степени последователь-

¹⁴¹См. Ernest Jones, *Life and Works of Sigmund Freud* (New York: Basic Books, Inc.).

ным антирационалистом, тогда как Фрейда называют крайне нелогичным рационалистом. Однако они оба были заняты поиском одного и того же: “Больше света” (Известное благодаря Гете *Mehr Licht*) в отношении тайн психики.

В 1917 году в заключение крупнейшего погружения в собственный духовный внутренний мир, Юнг столкнулся со знаменательным выбором. Он мог представить свои открытия как за чистую монету, и, возможно, издать их как своего рода оригинальный религиозный том, благодаря чему войти в ряд величайших оккультных писателей того времени, подобно Е. П. Блаватской и Рудольфу Штайнеру. Вместо этого Юнг решает остановиться в пределах области выбранной им научной дисциплины, а именно глубинной психологии, но не без использования 1330 страниц разоблачающего архетипы мистического материала, с целью обогатить свою научную работу. Это является серьезным основанием подозревать, что в течение своей жизни Юнг продолжал ссылаться на секретные записи и по мере необходимости включал элементы этой работы в свои многочисленные книги. Существует неопровержимое доказательство, что он сделал это по случаю написания своей первой крупной работы, составленной на опыте личных трансформаций, названной “Психологические типы” и изданной в 1921 году.

Пока он был сломлен инфекционным коклюшем и таким образом изолирован от своих обычных пациентов, в невероятно бешеном темпе он диктовал рукопись своей работы, завершив написание первых 583 страниц за шесть недель. Впоследствии Юнг признался Датскому поэту Роланду Хойту, что “Психологические типы” были целиком и полностью написаны по материалам 30 страниц из Красной Книги.

Как и следовало ожидать, Юнг поддерживал постоянную связь с мистическими источниками, вдохновившими его на написание Красной Книги. Он оставался вдохновленным или, как говорят некоторые, околдованным — носителем откровений до конца своих дней. Его научные работы никогда

не казались частью его сущности, которая должна или уже была отделена от духовной и пророческой жизни; обе эти части запутанно и необратимо взаимосвязаны. Юнг-мистик направлял и вдохновлял Юнга-ученого, пока физиологи и психологи поддерживали равновесие и здравый смысл для поддержания стабильности и внесения в практику понятий об архетипических богах и демонах. Таким образом, была задумана и осуществлена эпохальная работа Карла Юнга. И в ее содержании, и в замысле, был приведен пример важного принципа — *coniunctio oppositoru*, единства противоположностей, создающего квинтэссенцию абсолютного смысла.

Собрание сочинений, содержащее оригинальные опыты Юнга по бессознательному с периода его главного преобразования, более не было доступно общественности. Отношение наследников Юнга кажется еще более скрытым, чем его собственное. Эта мысль возникает на момент написания этих слов (1982) — что любая надежда или ожидание, лелеющее идею издания этого материала, вряд ли будет оправдана. Таким образом, мы еще ненадолго оставляем научные работы Юнга. Однако, в том многом, чем мы располагаем, содержится примечательный документ, повествующий нам об источниках психологии Юнга. Это небольшая работа, едва больше, чем крошечная монография, значение содержания которой моментально превозносит ее на место особой важности в исследовании идей и задач Юнга.

Работа, к которой мы обратимся, известна под названием “Семь проповедей мертвым”.

Проповедь к мертвым

Карл Юнг позволил опубликовать только один отдельный фрагмент из огромного труда по архетипам, написанного под таинственным вдохновением еще в начале своего пути. Он был написан за короткий период между 15 декабря 1916 и 16 февраля 1917. В соответствии с найденным во фрагментах

автобиографии утверждением Юнга, он был написан за три вечера. Написание этой небольшой книги предвещалось сверхъестественными событиями, и было наполнено явлениями парапсихологической природы. Сначала несколько детей Юнга увидели и почувствовали присутствие в доме призрачных существ, откуда сам Юнг чувствовал вокруг себя зловещую атмосферу. Одному из детей привиделся несколько угрожающий сон религиозного характера, в котором он был то ангелом, то демоном. Затем — это был воскресный полдень — в дверь дома настойчиво позвонили. Должно было быть видно, что звонок отчаянно бьется, но внешне на это ничто не указывало. Казалось, что толпа “призраков” заполняет и комнату, и дом; никто не мог даже нормально дышать в наводненной призраками прихожей.

Доктор Юнг выкрикнул дрожащим и тревожным голосом: “Ради Бога, что творится в этом мире?” Ответ отозвался хором призрачных голосов: “Мы пришли из Иерусалима, где нашли не то, что искали” (Этими словами начинается по-латински озаглавленный трактат “*Septem Sermones ad Mortuos*”) а затем на немецком продолжил подзаголовком “Семь проповедей мертвым, написанные Василидом в Александрии, городе, где встречаются восток и запад”.

Даже поверхностное чтение этого трактата говорит, что он написан в духе Гностицизма II века и в значительной степени содержит терминологию той эпохи. В подзаголовке упоминается имя известного гностического мудреца Василида, обучавшегося в Александрии в Эллинистическом Египте ок. 125–140 гг. н.э. Фактически именно Василиду Юнг приписывал авторство этого документа, предполагая таким образом механическое написание через медиума.

В этом отношении может быть необходимо напомнить, что многие века авторы духовной литературы не оставляли имени автора подобных работ, но возвышенно приписывали труды тем, чье положение они считали выше своего. Настоящий автор знаменитой книги Зоар Каббалистической лите-

ратуры неизвестен, хотя ее авторство фиктивно приписано рабби Шимон Бен Йохайю. Более чем вероятно К. Г. Юнг использовал веками прославленный образец авторского смирения, используя имя Василида, как автора *Проповедей*. Однако содержащийся в окружающих написание трактата явлениях элемент парапсихологии, был свободно признан и подчеркнут Юнгом, как соглашается со словами Гете из второй части Фауста: *"It walks abroad, it's in the air!"* Одно точно: это необыкновенная работа, написанная при необыкновенных обстоятельствах.

Значимость *"Семи Проповедей"* в пределах контекста мыслей Юнга — предмет спора, мнения в котором расходятся. Позже, когда Юнга спрашивали об этой работе, он ворчал, называя ее "юношеской опрометчивостью". Некоторые из его наиболее консервативных учеников, такие как Аниэла Яффе стремились увековечить миф о "юношеской неосмотрительности", в то время как другие думали иначе. М.-Л. фон Франц, действительно наиболее значимая ученица, подтвердила, что Юнг относился как к юношескому безумию к публикации *Проповедей*, но никак не к содержащимся в них концепциям. Собранная на первой Panarion конференции в Лос-Анжелесе группа ученых, работавших с Юнгом, согласилась, что *Семь Проповедей* не более чем "источник и первопричина" работ Юнга, и на объехавшей мир выставке, посвященной столетию К. Г. Юнга (1975), была представлена первая страница оригинального издания *Проповедей*, на которой следующим образом было написано: "The Septem Sermones ad Mortuos" — изложение опытов Юнга с иллюстрациями из подсознания". Еще более значимо то, что относительно содержания *Красной Книги* и *Проповедей* Юнг заявил¹⁴², что все его работы и вся его творческая деятельность вышли из этих первоначальных видений и снов и что они уже содержали все то, чего

¹⁴²См. C. G. Jung, *Memories, Dreams, Reflections*, Aniela Jaffe, ed. (New York, Random House, Inc., Pantheon Books).

он добился позднее в жизни. Это трудно назвать просто словами, с которыми кто-либо может обратиться к всего лишь юношеской остротности!

Небольшой поэтический трактат, лично изданный Юнгом ради круга близких друзей, был вскоре переведен Х.Г. Байнсом на английский. Он был включен в приложение к оригинальному немецкому изданию книги “Воспоминания, сновидения и размышления”, выпущенной Решлером Верлагом в Цюрихе в 1962 году, одновременно не допущенной к английскому изданию Pantheon Books. Этот преднамеренный отказ мог быть объяснен только как дальнейшее свидетельство о подозрительности Европейских умов к англо-говорящим людям, с их тенденцией к неверному пониманию и истолкованию чего-либо, граничащего с мистическим и оккультным. Однако мастерски созданный отдельный том *Проповедей* в переводе Байнса все же был издан Stuart&Watkins в Лондоне. Таким образом до сих пор существуют несколько изданий, проливающих дополнительный свет на этот текст. Конечно же в ходе карьеры Юнга имели место события, во время которых он несколько сожалел о своей юношеской неосмотрительности, заключающейся в публикации работы о восприятии архетипов. Подобный инцидент был сконцентрирован на подобном Иегове Мартине Бубере, с которым Юнг никогда не ладил, и более того, который переманивал лучших учеников Юнга в свой “лагерь”. Вероломный ученик по имени Мартин Трииб отдал Буберу копию *Проповедей*, чей Ветхий Завет под гневом вырос в громадной степени по сравнению с тем, что он считал Гностической ересью Юнга. Бубер неоднократно критиковал Юнга и в своей книге *Eclipse of God* серьезно обвинил Юнга в Гностицизме. Юнг был немало расстроен и дал по этому поводу неоднозначный ответ в том же духе, одновременно отрицая и подтверждая свою приверженность к Гностицизму. Другая любопытнейшая история разворачивается вокруг Нобелевской премии немецкому

автору Герману Гессе и его эпохального романа Демиан, в котором Гессе объединил множество явно гностических тем, в особенности некоторые ссылки на Гностического архетипического бога Абраксаса, который сильно напоминал описанный Юнгом образ в *Проповедях*. Два десятилетия между 2 мировыми войнами Гностицизм определенно витал в воздухе, вид Гностицизма, описанный в романе Гессе *Демиан*, появляется и в Юнгианстве, что подвергается подозрениям во взаимосвязи. Фактически аналитик Юнга, Лэнг, около года вел переговоры с Гессе в 1916 и мог с легкостью передать копию *Проповедей* еще только распускавшемуся в то время литературному гению. Многие десятилетия продолжала существовать сочувственная связь между Юнгом и Гессе, и которую впоследствии обессмертил Чилийский дипломат и поэт Мигель Серрано в своей восхитительной книге *“К. Г. Юнг и Герман Гессе”*. Может показаться, что небольшая книга стихотворного Гностицизма была следствием посещения Юнга мертвыми в 1926 году, и имела большее влияние и вызвала больший отклик, чем Юнг когда-либо считал. Хотя все эти ответы были сосредоточены вокруг одного предмета, пока неясные и спорные, но все же относящиеся к Гностицизму.

Кем в мире являются Гностики?

Слова Гностик и Гностицизм не относятся четко к стандартному набору словаря современного человека. Скорее люди знакомы с антонимом слова *Гностик* — *Агностик*, означающим “незнающий” или “профан”, но фигурально описывающим человека, не верящего в религию, и который обижается на слово атеист. Все же Гностики существовали задолго до агностиков, и для многих они кажутся куда более удивительной категорией людей, чем последние. Противопоставляя себя *незнающим* они относят себя к *знающим* — *γνῶστικοι* в переводе с Греческого означает обладающие “Гнозисом” или знанием. Гностики — это люди,

жившие, главным образом, в течение первых трех — четырех столетий так называемой Христианской эры. Большинство из них вероятно не назвали себя Гностиком названия, но скорее считали себя христианами или куда реже Иудеями, или приверженцами традиций древних культов Египта, Вавилона, Греции и Рима. Они не были сектантами или членами особой новой религии, в чем их обвиняли клеветники, а скорее людьми, разделяющими друг с другом взгляды на жизнь. Можно сказать, что это отношение могло состоять из осуждения прямого, личностного и абсолютного знания доподлинных истин существования, доступного для людей, и, кроме того, достижение подобного знания должно было всегда составлять высшую цель человеческой жизни. Под этим знанием или *Гнозисом*, они не подразумевали рационального познания в научном виде или философского знания правды, а скорее рождающееся в сердце интуитивное и таинственное знание, по этой причине названное по крайней мере в одном Гностическом писании (*Евангелие Правды*) *Γνώσις καρδίας* — знание сердца. Очевидно, что это религиозное понятие и в то же самое время высоко психологическое. Таким образом, получается, что значение и цель жизни являются ни верой, с ее акцентом на слепом убеждении и одинаково слепом послушании, ни трудом с его экстравертным альтруизмом, но скорее внутренним пониманием и преобразованием, коротко выражаясь, глубинным психологическим процессом.

Если мы представим Гностиков как ранних глубинных психологов, то сразу становится очевидно, почему Гностическое учение и практика радикально отличались от обучения и практики Иудейской и Христианской Ортодоксальности. Знание сердца, за которое боролись Гностики, не могло быть приобретено заключением договора с Яхве путем соглашения, которое гарантировало физическое и духовное благополучие человеку в обмен на рабоподобное следование своду правил. Никто не мог победить Гнозис всего лишь пылкой

верой в то, что жертва одного богоподобного человека в истории могла снять с плеч бремя вины и отчаяния и уверить в вечном блаженстве за гранью смертного существования. Гностики не отрицали полноценность Торы или величие образа Иисуса, помазанника великого Бога. Они расценили Закон как необходимость соблюдения определенных правил для конкретного типа личности, что сегодня следует называть формированием и укреплением психологического эго. Они никогда не отрицали величины цели таинственной личности, скрытой в человеке, известном как Рабби Иешуа из Назарета.

Два наиболее высоко уважаемых понятия Иудея и Христианина — Закон и Спаситель стали для Гностиков нечто большим, чем они сами. Они стали мотивом и механизмом, которые могли тем или иным способом содействовать личному знанию которое, будучи когда-то достигнутым, не потребует ни закона, ни веры. Много столетий спустя, подобно Карлу Юнгу, теология и этика станут средствами для их достижения на дороге к самопознанию.

Семнадцатый и восемнадцатый века отделили нас от Гностиков. В течение этих веков Гностицизм стал верой не только забытой (как его назвал Г. Р. С. Мид, один из его переводчиков), но и верой и истиной подавленной. Кажется, что нет объединения столь неустанно и продолжительно ненавидимого и ужасающего уже как 2 тысячелетия, как неудачливые Гностики. Книги по теологии до сих пор отсылают к ним, как к первым и наиболее пагубным из всех еретиков, и в благодарность Христианской любви к ним эпоха экуменизма имеет далекие корни. Задолго до Гитлера Император Константин со своими безумными епископами практически начал религиозный геноцид против Гностиков, чье истребление исторически положило свое начало для множества других. Последнее крупное гонение закончилось сожжениями более 200 тогдашних Гностиков в 1244 году в церкви Mont-segur во Франции, которое

описал Лоуренс Дарелл как Фермопилы Гностических душ. До сих пор некоторые видные представители жертв последнего Холокоста не расценили исторически наиболее преследуемое религиозное меньшинство как своих коллег по несчастью, как и критика Юнга Мартином Бубером определяет Гностицизм. Иудеи и христиане, Католики, Протестанты и Православные (в данном случае и Манихейские Гностики и даже Зороастрийцы, Мусульмане и Буддисты) ненавидели и с постоянной решимостью преследовали Гностиков.

Почему? Было ли это из-за их антиномизма или же отрицание ими морального закона шокировало раввинов? Или потому что они сомневались в физическом существовании Христа, и их интерпретация Воскресения возмущала священников? Или причиной обвинений послужило отрицание Гностиками брака и деторождения? Или как утверждают другие, их ненавидели за блуд и оргии? А может Гностики действительно обладали неким знанием, которое представляло их в высшей степени опасными как для светского, так и для духовного общества?

Нелегко дать ответ на этот вопрос, но, однако, стоит сделать попытку. Мы могли бы попытаться дать такой ответ, сказав, что Гностики отличались от большинства человечества не только особенностями веры и этическими правилами, но и в наиболее существенном и фундаментальном их представлении существованием и целями. Их расхождение было радикальным в прямом смысле этого слова, поскольку оно восходит к истокам (от латинского: Корень) людского высокомерия и отношения к жизни. Независимо от своих религиозных и философских убеждений, большинство людей делает определенные подсознательные предположения, относящиеся к человеческому фактору, которые не являются результатом строгих и целенаправленных действий сознания, но которые исходят из глубокой бессознательной сферы ума. Этим состоянием управляет скорее биология, а не

психология; это скорее механический, чем сознательный выбор и понимание.

Чтобы подвести итог наиболее значимым среди этих предположений, которые могут высказаны, это вера в совершенство и что наша причастность к этому так или иначе желательна и выгодна в конечном счете. Это предположение ведет к множеству других, каждое из которых более или менее характеризуется смирением перед внешними условиям и законам, которые, возможно, управляют этим. Несмотря на многочисленные нелогичные и скверные события нашей жизни, невероятные дороги, обходные пути, постоянные безумия человеческой истории, и коллективной и индивидуальной, мы будем считать, что это возложено на нас для достижения согласия с миром, поскольку это, в конце концов, мир Божий, и таким образом у всего этого должны быть смысл и благость, скрытые в его действиях, независимо от того, как сложно их бывает распознать.

Таким образом, мы должны продолжать как можно лучше играть свою роль в рамках системы, будучи послушными детьми, прилежными мужьями, покорными женами, хорошими мясниками, пекарями, изготовителями подсвечников, против надежды веря, что, так или иначе, нам откроется значение этой бессмысленной послушной жизни.

Как бы не так, сказали Гностики. Деньги, власть, органы управления, процветание семей, плата налогов, бесконечная череда обстоятельств и обязанностей — ничто из этого не было столь радикально и однозначно изгнано из человеческой истории, как Гностики. Они никогда не надеялись, что какая-либо политическая или экономическая революция могла или даже должна была покончить со всеми несправедливостями той системы, в которую попала человеческая душа. Их отказ не принадлежал ни одному правительству или форме собственности в пользу другого; скорее это касалось всеобщей систематизации жизни и познания. Таким образом, Гностики, фактически, знали столь

смертельные и ужасные тайны, что повелители этого мира — то есть, светские и религиозные власти, которые всегда получали прибыль от принятых в обществе порядков — не могли позволить этой тайне быть открытой и, даже менее того, объявить ее публично в своей сфере.

Разумеется, Гностики знали кое-что, а именно то, что человеческое существование не воплощает в жизнь своих перспектив в рамках общественных устоев, в лучшем случае представляется мрачной тенью другой, более существенной действительности. Никто не приходит к своей подлинной самости, становясь тем, кого хочет видеть в нем общество, вместо того, чтобы делать то, что требуется. Семья, общество, церковь, торговля и ремесло, политическая и патриотическая преданность, так же как моральные и этические правила и заповеди, в действительности, нисколько не способствуют истинному духовному благосостоянию человеческой души. Напротив, они не лучше, чем кандалы, которые удерживают нас от нашей подлинной духовной участи.

Эта особенность Гностицизма в давние времена была расценена, как ересь, и даже сегодня она зачастую зовется “отрицанием мира” и “антижизнью”, но это, конечно, просто хорошая психология, так же как и хорошее духовная теология, хотя бы потому что это здравый смысл. Политический деятель и социальный философ могут рассматривать мир, как задачу, которую нужно решить, но Гностик, с его психологической проницательностью, определит мир, как затруднительное положение, из которого мы должны выйти посредством интуиции. Подобно психологам Гностики не стремятся к преобразованию мира, но к преобразованию ума, с его естественным следствием — изменением отношения к миру. Большинство религий теоретически склоняются проповедовать знакомую позицию интернализма, но на деле, в результате своего присутствия внутри общества, они всегда отказываются. Религии обычно зарождаются как движения радикального духовного освобождения, и неизбежно

превращаются в стержни обществ, становясь тюремщиками наших душ.

Если мы желаем достичь Гнозиса, знания сердца, которое дает людям свободу, мы должны сами выпутаться из ложной системы, созданной нашим стандартизированным умом. Греческое слово *κόσμος*, так же как и еврейское слово *עולם olam*, зачастую неверно переводится как *мир*, хотя обозначает понятие *системы*.

Когда Гностики сказали, что окружающая их система является злом, и, что каждый должен избавиться от нее, дабы знать правду и отыскать смысл, они действовали, не только как предшественники неисчислимым отчужденных деклассированных лиц, начиная от Св. Франциска и заканчивая битниками и хиппи, но они также утвердили факт психологии с тех пор, как была открыта современная глубинная психология.

Юнг переосмыслил старое Гностическое воззрение, сказав, что экстравертное человеческое эго должно сначала обстоятельно осознать собственное отчуждение от великой самости, прежде чем то может начать возвращение к состоянию более близкого союза с подсознательным. Пока мы полностью не познаем несоответствие нашего экстравертного состояния ума и его недостаток в отношении наших более глубоких духовных потребностей, мы не постигнем и крупницы индивидуации, из которой появится более свободная и зрелая личность. Отчужденное эго является предшественником и неизбежным предварительным условием для индивидуации. Подобно Юнгу Гностики не отклоняли категорически непосредственно действительное материальное, которое они считали экраном, на который Демиург мысли проецирует комплекс своих обманчивых идей. В том случае, что мы находим осуждение мира в Гностических работах, термины неизменно обозначаются словами *kosmos* или Эон, и никогда словом *ге* (земля), которую Гностики рассматривали, если не строго положительно, то нейтрально.

На этом понятии основывалось знание о том, что в сердце каждого содержится духовное бесплодие и чрезмерная нехватка структурированности и принятие ценностей внешнего мира, на что положились Гностики в создании изображения универсального бытия и системы логически последовательных выводов, которые могли быть взяты с этого изображения. (Как и следовало ожидать, они достигли большего в мифах, ритуалах и культивации мифопоэтических и образных качеств своих душ, чем в области философии и богословия). Подобно большинству восприимчивых и мыслящих людей до и после своей эпохи, они чувствовали себя чужеземцами странной земли, несчастным зерном далеких миров безграничного света. Некоторые, подобно отчужденной молодежи 1960-х, ушли в коммуну и скиты, отдаленные общины на отшибе цивилизации. Другие, возможно более многочисленные, остались посреди огромной столичной культуры таких крупных городов, как Александрия и Рим, внешне играя свои роли в обществе, внутри же служа разным хозяевам — в мире, но не всего мира. Большинство из них обладало знанием, культурой и состоятельностью, все же зная о беспорном факте того, что подобные достижения и богатства никнут перед Гнозисом сердца, знанием сути вещей. Вызывает удивление то, что волшебник из Кюснахта искал, начиная со раннего детства, и нашел свой собственным Гнозис, чувствуя схожесть с этими странными одинокими людьми, паломниками вечности, ищущими путь к дому среди звезд.

Юнг и Гностицизм

С первых дней карьеры психоаналитика до самой смерти, Юнг поддерживал живой интерес к Гностикам и испытывал к ним глубокую симпатию. Еще 12 августа 1912, Юнг написал Фрейду письмо о Гностиках, в которых он назвал Гностическое учение о Софии воплощением древней мудрости, которая могла бы снова появиться в современ-

ном психоанализе. Он не испытывал недостатка в литературе, которая могла воодушевлять его интерес к Гностикам, ведь гуманитарные науки Германии 19 века (как нигде пока) усердно посвящали себя Гностическим трудам. В качестве реакции на жесткость Бисмаркской Германии и ее как интеллектуальные, так и теологические конформистские влияния, многие замечательные ученые (Рейтценштейн, Лейзеганг и Карл Шмидт, среди прочих) и одаренные писатели и поэты (Герман Узенер, Альбрехт Дитрих) углубились в Гностические знания, на примере некоторых представителей французской интеллигенции (М. Жак Матте, Анатоль Франс). Все биографы Юнга упоминают его острый интерес к предмету Гностицизма. Одно из наиболее разоблачающих утверждений в этом отношении было высказано его бывшей коллегой, Барбарой Ханна, которая изложила его мнение о Гностиках следующим образом: “я чувствую, что, наконец, нашел друзей, которые меня понимают”. Этот же биограф отмечает развившийся у Юнга интерес к Шопенгауэру, ведь именно этот великий немецкий философ напомнил ему о Гностиках с их акцентом на аспекте страданий мира. Юнг искренне одобрил тот факт, что Шопенгауэр “говорил ни о всеблагом и премудром провидении Создателя, ни о гармонии космоса, а настойчиво утверждал, что в основе печального хода человеческой истории лежит коренной пролом и жестокость природы; слепота Силы мироздания...”. Все это, безусловно, Гностические высказывания. Интерес Юнга к Шопенгауэру уходит корнями в его детство, из-за чего мы можем считать Юнга во многом Гностиком “от природы”, обладавшим Гностическим мировоззрением еще до знакомства с некоторыми учениями Гностицизма.

Хотя в своей жизни Юнг уже в довольно раннем возрасте мог располагать достаточным количеством научной литературы и поэзии, пробудившими его интерес к Гностицизму, практически никакой исходный материал о при-

роде Гностицизма не был ему доступен. Как и многим другим, информационно Юнгу приходилось опираться на фрагменты, прежде всего, извращенные антигностические положения церковных отцов, в особенности Иринея и Ипполита. Беспощадные колеса академической косности со своей непомерной медлительностью и даже нежеланием, только начали вращаться по направлению к трем коптским рукописям (Agnew Codex, Bruce Codex, Askew Codex), тлеющим в разных музеях и ждущим своего перевода и издания.

То, что Юнг мог проникнуть в сущность предмета и извлечь благоприятствующие Гностицизму ценные сведения из полемик, охотящихся на еретиков отцов церкви, уже само по себе может быть расценено, как чудо. В рамках масштаба и значимости для эпохи вклад Юнга в учения Гностиков в целом и для просвещенных (в частности современная интерпретация Гностицизма) был не столь значителен.

Прискорбно то, что этот вклад до сих пор в значительной степени недооценен возросшим числом специалистов по Гностицизму в области библейских учений, но не особенно удивляет в виду того факта, что большинство этих ученых являются выпускниками богословских школ и школ, с уклоном в ортодоксальные религии. Более того, большинство из них абсолютно не имеет серьезных представлений о психологии, в особенности о той ее ветви, которую *обнародовал* Юнг. Фраза о том, что война слишком важна, для того чтобы быть порученной генералам, может быть равносильна тому, что Гностицизм — слишком ценная традиция, для того чтобы быть предназначенной Библейским ученым и софистам над Коптскими текстами. Наиболее невероятным кажется недостаток внимания и уважения к Юнгу некоторыми представителями академической среды. Ведь с тех пор именно влияние Юнга оказалось почти единственным ответственным за существенный проект публикации величайшего из когда-либо открытых в истории архивов подлинных Гностических текстов из библиотеки Наг-Хаммади.

Гностики были преуспевающими авторами священного знания. Их враги с разочарованием замечали, что последователи учителя-гностика Валентина имели привычку каждый день писать новое евангелие, и что никто из них не был сильно уважаем, если же не создал новый вклад в эту литературу. Из-за неустанный подавления и уничтожения Гностической литературы книгосжигателями и охотниками на еретиков, которые достигли господства над конкурентами благодаря государственной поддержке, из всего обилия текстов выжили лишь немногие. Многие века не знали о существовании подлинных Гностических манускриптов. Так было до 18–19 вв., пока отважные и романтические Скотсман и Джеймс Брюс не привезли в Европу из Египта и его окрестностей фрагменты древних папирусов, содержащих текст. Вероятно, первоначально они были написаны на греческом языке, а позже были переведены Гностическими писцами на коптский язык, народный язык Эллинистического Египта. Коптские ученые, также заинтересованные в Гностицизме, были редкостью, поэтому перевод подобных текстов двигался со скоростью улитки. Вскоре случилось чудо. В декабре 1945 г., сразу вслед Второй Мировой Войне, египетский крестьянин, рывший удобрение возле пещер горной цепи в Джабал аль-Тариф возле Нила в Верхнем Египте, наткнулся на полное собрание Гностических рукописей. Очевидно, эти сокровища были всего лишь частью библиотеки крупного монастырского комплекса, заложенного в той области отцом христианского монашества, канонизированного Коптского монаха, Пахомия.

Подобно своим предшественникам открытие Наг Хаммади не спешило выходить из тени. Нелегкий путь через ученые круги сильно набрал обороты благодаря влиянию человека, не являвшегося ни Коптским ученым, ни библейским экспертом, а всего-навсего археологом. Этим человеком был, конечно же, Карл Юнг. Юнг сразу проявил интерес к находке Наг Хаммади, а давний друг и коллега

Юнга, Профессор Жиль Квиспель взял на себя инициативу перевода и публикации книг Наг Хаммади. 10 мая 1952 г., пока политический кризис и академические споры приостановили работу над манускриптом, Квиспель приобрел в Брюсселе одну из рукописей, принадлежащей той части великой библиотеки, чей перевод был сделан ранее остальных, и тем самым пристыдил ученую общественность для ускорения отложенной работы. Этот кодекс, названный *Кодексом Юнга*, был представлен в Институте Юнга в Цюрихе по случаю 80-летия Доктора Юнга; таким образом первый экспонат Наг Хаммади был открыто показан ученым и любителям за пределами бурной и неслаженной обстановки Египта пятидесятых. Профессор Квиспель продолжил запись, утверждая, что Юнг сам по себе способствовал привлечению внимания, а в издательской среде — ещё и к бесценной коллекции манускриптов Наг-Хаммади.

Есть хороший повод предполагать, что без влияния Юнга эта коллекция могла предаться забвению благодаря некогда кажущейся всемогущей договоренности о пренебрежении ею в научной среде. (Для получения дальнейшей информации об истории библиотеки Наг Хаммади, и как был связан с ней Юнг, читайте: H.C. Puech, G. Quispel, W.C. Van Unnik: *The Jung Codex*, London, M.R. Mowbray, 1955.)

Каковым же был истинный взгляд Юнга на Гностицизм? До достаточно недавнего времени в отличие от большинства ученых Юнг никогда не считал то, что Гностицизм являлся христианской ересью II и III вв. При этом он не уделял внимания бесконечным спорам экспертов о возможном Индийском, Иранском, Греческом или каком-либо другом происхождении Гностицизма. Ранее любого влияния в области Гностических исследований, Юнг увидел в Гностиках тех, кем они на самом деле являлись: провидцев, которые показали истинные первоначальные творения таинства, которые он назвал подсознательным. Когда в 1940 его спросили, явля-

ется ли Гностицизм философией или мифологией? Он хмуро ответил, что Гностики имели дело с реальными, истинными образами, и они не были синкретическими философами, как предполагали многие. Он выяснил, что даже сегодня гностические образы всплывают во внутренних личностных переживаниях в связи с индивидуацией психе, в чем он увидел доказательство того факта, что Гностики выражали подлинные архетипические образы, известные своим способностью существовать вне времени и исторических условий. Он распознал в Гностицизме могущественное и совершенное первоначальное и подлинное отображение человеческой психики, отображение, направленное к глубочайшей и к важнейшей духовной цели, направленной на достижение целостности. Как выяснил Юнг, выше всех остальных вещей Гностики ставили полноту бытия. До тех пор, пока это было его собственной заинтересованностью и задачей его психологии, аксиоматически его близость к Гностикам и их идее была очень велика. Подобный взгляд на Гностицизм не остается в рамках психологических работ Юнга и вскоре вступает в сферу Гностических учений благодаря вышеупомянутому коллеге, Жилю Квиспелю, который выразил в своей важнейшей работе 1951 г. *Gnosis als Weltreligion*, тезис о том, что Гностицизм является выражением ни философии, ни ереси, но определенного религиозного опыта, который проявляется в мифе и/или ритуале. В действительности, прискорбен тот факт, что более 25 лет назад после публикации этой работы, лишь немногие оценили ее существенное значение.

В виду этих факторов можно вполне правомерно задать вопрос, а был ли Юнг Гностиком? Подобно Мартину Буберу, введенные в заблуждение лица ответили на этот вопрос положительно, таким образом, подразумевая, что в рамках ортодоксального религиозного взгляда Юнг был одинаково меньше, чем уважаемый ученый и меньше, чем хороший человек. В результате столь уничижительного употребления слова “Гностик” многие последователи Юнга и иногда сам

Юнг отрицали свою принадлежность к Гностикам. Куда более типичный пример подобного отделения отобразился в выражении Жюль Квиспеля, когда тот сказал, что «Юнг не был Гностиком в обычном значении этого слова». Вызывает сомнения сам факт существования хотя бы одного Гностика в общепринятом значении. Гностицизм — это не свод доктрин, но мифологическое выражение внутренних переживаний. В отношении Юнгианской психологии можно сказать, что с помощью языка мифа и поэзии Гностики выразили свое познание в рамках процесса индивидуации. При этом они создали богатство одного из наиболее существенных документов, заключающих глубокие познания структуре психики, содержание коллективного бессознательного и изменения процесса индивидуации. Подобно Юнгу Гностики не только описывали сознательные и личные бессознательные аспекты человеческой психики, но и эмпирически исследовали коллективное бессознательное и дали описания и определения различных архетипических образов и значений. Как утверждал Юнг, Гностики были куда более успешны в поиске символического выражения самости, чем ортодоксальные Христиане, и их символические представления были близко родственны тем, которые сформулировал Юнг. Несмотря на то, что Юнг открыто не отождествлял себя с Гностиками как с религиозной школой, поскольку не идентифицировал себя с какими-либо религиозными направлениями, можно сомневаться, что он сделал больше, чем любой другой, чтобы пролить свет на основную идею Гностических образов и символической практики. Он видел в Гностицизме особо ценное выражение всеобщей борьбы человека с целью восстановления своей целостности. В то время как для него было одинаково непрактично и нетактично говорить так, не остается сомнений в том, что Гностическое представление об этом стремлении по отношению к целостности было лишь однажды повторено в Западной истории, а именно в Юнгианской системе аналитической психологии.

Каким Гностиком был Юнг? Конечно, он не был буквальным последователем одного из древних учителей Гнозиса, что само по себе было бы невозможно ввиду несоответствия подробной информации об учителях и их учениях. С одной стороны, подобно древним гностикам, Юнг формулировал хотя бы зачатки системы трансформации, или индивидуации, которая основывалась не на вере во внешнюю первопричину (будь то Иисус или Валентин), но на естественном внутреннем духовном опыте, который являлся первоисточником подлинного Гнозиса.

Словарное определение слова “Гностик” — *знающий*, но не тот, кто следует за тем, кто мог быть знающим. И, конечно же, Юнг был знающим, другого какого не было раньше. Отрицать, что Юнг был в этом смысле Гностиком, будет равноценно опровержению всех признанных сведений о его жизни и работе. Наиболее вероятным признаком того, что замыслы Юнга носили именно Гностический характер, не является ни одна другая научная работа, кроме трактата “Семь проповедей мертвым”, который с согласия выдающихся Юнгианцев, является источником и исходной точкой его дальнейшей деятельности. Но кто кроме гностика мог написать труд, подобный этим наставлениям? Кто бы предпочел облачить собственные архетипические открытия, составляющие основу работы своей жизни, в терминологию и мифологический контекст Александрийского Гнозиса? Кто бы предпочел выбрать никого другого кроме Василида как автора *Наставлений*? Кто бы смог использовать такие понятия как *Плерома* и *Абракасас* с таким экспертным пониманием и точностью для символического изображения высоко абстрактных психологических структур? На все эти вопросы может быть только один ответ: *только Гностик сделал бы все это*. Поскольку Карл Юнг сделал все это и даже еще больше, мы можем считать его Гностиком, и в общем, и в более узком понимании Гностицизма первых веков Христианской эры истинным *знающим* глубинной сущности психического бытия.

Юнг и Пансофический Гнозис

Согласно Мортону Смигу, знаменитому открывателю Тайного евангелия от Марка, определение *gnostikoi* в основном использовалось для описания последователей Платонической и/или Пифагорейской школ, хотя, конечно, термин *gnosis* встречается и в работах многих авторов, принадлежащим другим школам, включая ортодоксальных христианских отцов церкви, таких как Ориген и Климент Александрийский. В гностической библиотеке Наг-Хаммади содержались копии *Республики* Платона и определенные Герметические трактаты, которые и не мечтали включить в Гностическую антологию научные пуристы современного склада ума(?). Все это является свидетельством для утверждения того, что уже в прежние времена, когда Гностические школы все еще существовали физически, Гностицизм отличался значительным экуменизмом и лабильностью. Члены предполагаемого Гностического сообщества Верхнего Египта вероятно определили бы Гностическую литературу как духовно ценный манускрипт, способный к созданию Гнозиса для читателя. Научные эксперты в области Гностицизма могут стремиться к статусу пуристов, но непосредственно Гностики никогда таковыми не были и когда-либо быть не могли. Таким образом, после разрушения первоначальных Гностических сообществ и их писаний в дальнейшие столетия, дух Гностицизма существовал под многими названиями и различными масками, все еще служа своим коренным и немеркнувшим целям. Пока есть свет внутри глубинной самости человеческой природы и пока существуют мужчины и женщины, чувствующие сродство к этому свету, в мире всегда будут Гностики. Мы можем считать, что длительное существование Гнозиса в большей мере обеспечено в силу выживания Гностических архетипов в рамках коллективного бессознательного и истинной природы процессов роста и развития самой психики. Юнг нисколько не сомневался в этом, когда упоминал процесс конфронтации с тенью

(признание недопустимой или “злой” стороны человека) как “гностический процесс”. Отцы Церкви выдумали выражение *anima naturaliter Christiana* (душа, являющаяся по своей природе христианской), но Гностики более веско могли сказать, что содержание души и путь развития по своей природе Гностические.

Безусловно, архетипический образ Гностицизма не единственная причина, по которой он выжил., Помимо способности спонтанно творить Гностические формы действительности, в дополнение к Гностическому характеру бессознательного также имеет место историческое преобразование и целостность, связывающая древних Гностиков со своими наследниками в более поздние исторические периоды.

Подпольные движения редко оставляют себя предметом работы историка. Вынужденные скрываться от враждебного окружения, они главным образом были заняты выживанием, и поэтому они оставили относительно немного следов на земле времени (в истории). Хотя и не все, но многое из истории Гностиков после 3 и 4 веков было предано спекуляции и интуиции вместо фактов. До сих в этом хитросплетении укрытий и уловок, уверток и случайных смелых заявлений бесспорные существенные данные противостоят заметной силе и ясности. Одни из них — жизнь и труды удивительного Персидского Пророка Мани (215–277 гг. н.э.), чья звезда возшла как раз тогда, когда первые Гностики пришли в упадок. Мани был Гностиком и по природе своего характера и по силе традиции. В 12 лет к нему пришел ангел и известил его о том, что он был избран для великих дел. В возрасте 24 лет его снова посетил ангел и убедил его выступить публично со своей доктриной. Персидское имя этого ангела означает *близнец*, духовный брат-близнец или же высшая сущность Мани. Гностический трактат известный как *Pistis Sophia* повествует о подобном происшествии в жизни Иисуса, которого в юности также посетил ангел, напоминавший его брата-близнеца, с которым Иисус объединился после

того, как они заключили друг друга в объятия. Эти мифы выражают Юнгианское противопоставление Эго и Самости и их союз, вытекающий из этих противоположностей. Ранние исследователи склонны указывать на то, что отец Мани, Патик, путешествовал в Сирию и Палестину и там вступил в Еврейскую или Мандейскую группу Гностической природы. Так по всей вероятности Мани получил Гностическую преемственность от своего отца или от его учителей.

Мани был жестоко казнен вероломным царем по подстрекательству Зороастрийских духовных властей, но его религия много веков продолжала процветать во многих землях и стала принципиальной основой для Гностической традиции. Еще в 1813 году Манихейский орден Белого Лотоса и Черного Облака был политически активен в Китае, тогда как в 1911 году оставались лишь признаки существования остатков Манихейства во Вьетнаме. В отличие от первых учителей Гностицизма Мани был умелым организатором, а миссионеры его церкви были неутомимыми путешественниками и проповедниками. В Европе Манихейский Гнозис дважды уверенно поднимал свою голову: некогда на Балканах в районах Болгарии и Боснии, где его приверженцы были известны как Богомилы и на юге Франции, именуясь Катарам и Альбигойцами. Хотя они вечно утопали к крови, их влияние проникло в области религии и культуры многих стран и помогло укрепить подпольное течение Гностических традиций, продолжающих содержаться в тайне.

Пока духовные наследники Мани открыто распространяли особую преемственность Гностицизма, несмотря на подавляющие разногласия, в частности в Европе и на Ближнем Востоке продолжали существовать различные строго секретные традиции.

Именно с одной из тайных традиций Гнозиса Карл Юнг установил наиболее значимую связь. Традиция, к которой мы обратимся, носит название Алхимия. В речи, обращенной к прославленному Кодексу Юнга из коллекции

Наг Хаммади Институту К. Г. Юнга, Юнг выделил двух главных представителей Гностической традиции, тогда как остальные назвал “философской алхимией”. Одной из них была Еврейская Каббала.

Юнг был знаком с Каббалой и был заядлым читателем одной из величайших работ, переведенных Кнорром фон Розенротом, — латинским переводом *Зоара*, известным как *Kabbalah Denudata*. Основным условием, по которому Юнг был привержен к Гнозису, была не Каббала, а алхимия. Во многих томах своей лучшей работы он подробно комментирует сложный символизм и пространственные трансформационные метафоры.

Удивительно, почему Юнг все же выбрал малоизвестную и длительно высмеиваемую оккультную область алхимии излюбленным предметом своих поисков. Ответ на затруднительный вопрос, который Юнг так ясно сначала себе дал, отпал в попытках сделать вывод, какой же результат он в итоге давал. Около десятка лет после Первой Мировой войны до 1926 года Юнг с большим усердием посвятил себя изучению доступной для него тогда Гностической литературы. Несмотря на фрагментарный и искаженный характер литературного материала, Юнг стал не только прекрасно разбираться в Гностицизме, но и вдохновился его духом, что подтверждает содержание *Семи Наставлений Мертвым*. Несмотря на присутствие определенного рода соединений и связей, которые могли бы связывать Гнозис прошлых времен с новым, включая современный, поначалу Юнг не мог их найти. Подобный Граалю сосуд должен быть наполнен бесценным эликсиром, чтобы однажды им могли воспользоваться такие мастера как Валентин и Василид, сохранить и пронести сквозь века для того, чтобы уже в нашу эру привлечь к себе предполагаемых Персифалей-Гностиков. Интуиция Юнга подсказывала ему, что существует взаимосвязь, связующая нить в цепочке познания, но он не мог рационально понять, где ее разыскать. Тогда по

обыкновенно ему помогло сновидение*. Во сне он перенесся в семнадцатый век, когда алхимия все еще процветала в Европе. На него снизошло озарение. Он полагал, что именно здесь находится потерянная с упадком Гнозиса связь! Таким образом, началось его крупнейшее научное изыскание, которое, в конечном счете, привело к провозглашению того, что алхимия в действительности воплощает историческую связь с Гностицизмом, и что вследствие этого существовала определенная целостность между прошлым и будущим. Юнг утверждал, что прочно обосновавшаяся в натурфилософии Средних Веков алхимия, с одной стороны, протягивает мост в прошлое, к Гностицизму, а с другой стороны — в будущее, к глубинной психологии. Так произошли одни из знаковых символов эзотерического исторического исследования. Как выяснилось, алхимия была ничем другим, кроме как мостом, по которому Гнозис прошел сквозь вечность и вступил в современный мир в виде Юнговской психологии бессознательного. Несмотря на редкое упоминание в прошлом, выводы относительно взаимосвязи мыслей Юнга с Гностицизмом как бы то ни было вполне ясны. Их можно подытожить следующим образом: рассматривая Юнга как современного гностика, познавшего Гнозис посредством своих внутренних трансформаций и подтверждающего изучение Гностической литературы. Он знал, что выдвигает в своей психологии современный вариант преобразования дисциплины преимущественно Гностического характера. Ему требовалось найти историческую связь между собственными исследованиями и исследованиями античных учителей Гнозиса. Также он искал формулировку Гностического метода преобразования, содержащую не фрагменты, а соответствующий перечень основательных психологических символов, пригодных в сегодняшнем контексте изучения человеческого разума. В алхимии он нашел именно то, что искал. Таким образом, сон дал ответ на его мечты.

В алхимии Юнг установил связь с одной из важнейших из когда-либо существовавших отраслей — Пансофической Традицией или мудрым наследием, берущим свое начало из Гностических, Герметических и Неоплатонических источников через бесчисленные поздние проявления к современности. По наблюдению Юнга Пансофическая или Теософическая Традиции с течением времени могли принимать различные формы, при этом главным образом они были обнародованы в конце девятнадцатого, начале двадцатого вв. внутри современного Теософского общества, основанного российской дворянкой и путешественницей госпожой Е. П. Блаватской. В таких работах как *“Ненайденная Самость”* и *“Civilization in Transition”* Юнг явственно признает в Теософии важное современное воплощение Гностицизма, которое подобно подводной горной цепи, лежащей под волнами господствующей культуры лишь с одной выступающей горной вершиной, которая время от времени становится обозримой благодаря вниманию госпожи Блаватской, Анни Безант, Кришнамурти и других.

Юнг неоднократно подчеркивает, что ортодоксальное Христианство (в которое можно включить и ортодоксальный иудаизм) было очевидно не в состоянии удовлетворить глубочайшие и неотъемлемые духовные потребности Западного человека. Христианская Теология слишком рационалистична и невосприимчива к глубинным целям человеческой души. Поскольку церковь с одним за другим стала приходить к объединению с безнадежно материальными светскими учреждениями, начиная со времен Константина и заканчивая Муссолини, ее дух ослаб под губительным действием Аристотелевой логики и других структур мысли, подавляющих убеждения сторонников личностного психологического преобразования. В атмосфере духовного бесплодия, продолжавшегося 1700 лет, стремление к индивидуации часто обращалось к альтернативной духовности Пансофической и Теософической трансмиссии, в то время

как не только классические Гностики становились частью Гностицизма.

Семнадцатый век, в который Юнг попал в своем алхимическом сне, был одним из важнейших этапов в истории мятежей иных духовных традиций. Это было как раз в то время, когда движение названное Фрэнсисом Уэйтсом Розенкрейским Просвещением привело Эллинистическую Алхимию к взаимодействию с Еврейским гностицизмом Каббалы и методами магической теургии, пришедшими из Гностицизма и Неоплатонизма.

Величайшим светилом духовного двойника художественного и литературного Ренессанса был Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенхейм, с которым Юнг чувствовал странное и непреодолимое внутреннее сродство, и который также был швейцарцем, врачом; он решил объединить противоположные духовные и научные начала в одно действительное целое.

Несмотря на то, что он был колоссальной и яркой фигурой Ренессанса, полной как научной любознательности, так и отсутствием духовного стремления говорить о физических и эмоциональных аппетитах в одинаково героической степени, Парацельс во многом был истинным Гностиком. Драчливый, надменный, отчаянно независимый (его девиз: Тот, кто не может принадлежать самому себе, не принадлежит никому), он испытывал безграничное презрение к утвердившимся в мире власти, догмам и ценностям. Одиноким и бездомным странником он исходил почти весь свет, известный в то время, и умер в одиночестве при загадочных обстоятельствах в Зальцбурге в Австрии, где годами позже нашли его пустую могилу. Во многом подобно Юнгу он рассматривал болезнь как духовное, связанное с всеобъемлющим жизнь значением явление внутри магического космоса. Его эпитафию “Магия — это величайшая потаенная мудрость, Разум — величайшее явное безрассудство” можно легко применить к описанию путешествий Юнга к много-

значной нерациональности бессознательного, переполненной своей собственной магической символикой и раскрывающей чуда синхронии. На довольно раннем этапе своей карьеры (1929) выступая как раз в том доме, где родился Парацельс, в Айнзидельне в Швейцарии, Юнг неоднократно проводил сравнение между философией великого врача-окультиста и учениями Гностицизма. Юнг распознал в космогенном принципе, выдвинутом Парацельсом и названном им *Nylaster*, форму Гностического Демиурга или божество подчиненное высшему божеству, иногда воспринимаемому как творение зла. Он выявил алхимическое представление архетипических возможностей, скрытых в вопросе Гностической концепции искр света, рассеянных за пределами темного космоса. С исключительной ясностью он воспринял характер оккультного материализма Парацельса и алхимиков, и то, какой была новая форма кажущегося чрезмерным идеализма Гностиков. Юнг выяснил, что подобный трансформационный процесс, который Гностики изображали как путешествие души через зонические сферы, появившиеся в символизме Парацельса как последовательные преобразования темной *prima materia* в сияющее золото алхимической работы. Будучи очевидно обособленными полюсами, Гностики и алхимики вели общие поиски. Они всегда противопоставляли себя общему врагу, ортодоксальному Христианству, которое всегда не было способно оценить как возможности трансформации сути и подлинной, естественной врожденной святости, так и божественность человеческой психики. Вместо того, чтобы оценить обе, и алхимическую, и Гностическую точку зрения, церковь предпочла томиться в психологической неопределенности Аристотелевской логики и Семитской одержимости со своими моральными законами и заповедями. Юнгу были дороги и Парацельс, и алхимики, поскольку в них он видел мощное явление Пансофической Традиции, восходящей корнями к древнему Гностицизму. Парацельс, Пико де ла Мирандола, Фичино

и их компаньоны могли положить начало Пансофическому слиянию магически-философских дисциплин трансформации. Однако синтез Пансофии и Теософии пришел к своему величайшему осуществлению в семнадцатом веке неизвестными авторами *Славы Братства*, *Confessio Fraternitatis* и *Алхимической Свадьбы* Кристиана Розенкрейцера, так же как сочинениями и деятельностью английских оккультистов эпохи Возрождения Джона Ди, Томаса Вогана и Роберта Фладда.

Вышеупомянутый историк, Фрэнсис Йейтс, доказывает в своих наиболее доказательных научных работах (*Джордано Бруно и Герметическая Традиция*, так же *Искусство Памяти*, *Театр Мира и Просвещение Розенкрейцера*), что искусство, наука, литература и драма эпохи Ренессанса в некотором смысле часть достижений Пансофии. Герметическая и Гностическая магия, алхимия и еретический мистицизм служили источником живительных вод величайшим светилам Западной культуры, от Галилео до Шекспира, привлекали их вдохновение и духовную пищу.

Таким образом семнадцатый век положил начало восемнадцатому, в котором Мартинизм, Масонство, Иллюминаты и неотаплиеры перенесли светоч иных духовных традиций в Эпоху Просвещения. Якобинский клуб и другие антимонархические и антиклерикальные общества Франции являлись политизированными ответвлениями эзотерических орденов, частично сломленных отмщением за века гонений на представителей еретического духовенства властью трона и алтаря. Когда Короля Луи XVI вели к эшафоту, он воскликнул: “Это месть Жака де Моле!”. Но поскольку троны низверглись, а огни алтарей были погашены, победители нового рассвета духа пришли, чтобы убедиться в том, что торжество мудрости был все еще далеко. Места бывших монархов заняли новые тираны, а церковная догма открыла дорогу разрушающему душу материализму самонадеянной молодой науки.

Пора невежества, установившаяся в наполовину умирающей религии продолжала борьбу с наукой, в то время как закопченные трубы промышленной революции опустили крестьянина до пролетария, а успешного купца и ростовщика до капиталиста. Для того, чтобы раздуть пламя иных духовных традиций остались только художники и поэты. Уильям Блейк, Шелли, Гете, Гельдельрин, а позже У. Б. Уэйтс и Густав Майринк, а также художники Моро и Муха — идущие по следам Прерафаэлитов и других художественных эзотериков — осознанно и в то же время безнадежно отстаивали Пансофическую Традицию. Даже к концу своей жизни Юнг серьезно сказал Мигелю Серрано: “Никто не понимает, и только поэт может начать понимать”, тем самым, выступая за целый поток эзотерической преемственности девятнадцатого и двадцатого века.

Рассвет всегда заканчивается в самое темное время ночи. Подобно шантеклерам выросшие из культурной апатии девятнадцатого века новые образы магически зывали к жизни новоявленный солнечный свет. Вагнер, Ницше, Кьеркегор и многочисленные менее значимые фигуры в собственной манере вывели составляющие Пансофической традиции. Подобно Катарскому трубадуру, восставшему из костра Инквизиции, Рихард Вагнер воспевал славу мистического Грааля и выставил напоказ пробужденных богов языческого прошлого. Ницше, страстный неоязчник, сформулировал истинно Гностическое презрение к таким малодушным образам, что он видел, как отчужденное и выродившееся Христианство, когда хмурый датчанин Кьеркегор заклинал экзистенциальную тоску и отчужденность, повторяю подвиг ранних гностиков. Однако все эти попытки не оправдали решительного шага, некогда сделанного Валентином, Василидом, Маркионом и другими Гностиками, которые никогда не были ни препятствием веры, ни погружением в отчаяние, но входом в эонические сферы человеческой психики. Здесь архетипические боги ожидают эго неопита для посвящения

в таинство. Таким образом глубинная психология стала логическим завершением векового процесса, кидающего Пансофическую Традицию от солнечных берегов Средиземноморья до Европы и Америки, от классической античности сквозь Средневековье и последующие века в парадоксальное время Второй мировой войны, нацизм, фашизм и марксизм, и другие любопытные составляющие двадцатого века.

Религия, наука, философия, искусство и литература были только частными подходами к величайшей тайне души, где каждая грань шлифовалась как драгоценный камень, частично и по отдельности. Лишь совсем недавно, в девятнадцатом и начале двадцатого века возникли две силы, которые обратились к самому огню в центре многогранного алмаза души и попытались собственными способами понять динамику его света и блеска. Этими двумя силами были современный оккультизм, основанный Теософией госпожи Блаватской, и современная глубинная психология, начатая Фрейдом и продвигаемая в новые творческие измерения Юнгом. Первый следовал старому образцу альтернативной духовной традиции, преследуя частный, или квазирелигиозный подход. Последний стремился к научности, чтобы продемонстрировать себя преимущественно в квазинаучной дисциплине, на половину искусстве и на половину науке. Будет ли эта современная духовная дисциплина в состоянии соответствовать своим собственным высоким ожиданиям и выполнять своё грандиозное обещание, станет ясно только с течением времени. В личности и в работах К. Г. Юнга, современная психология углубилась и значительно подошла к раскрытию великой тайны; она вплотную приблизилась к совершенствованию гностическо-алхимической работы. Как мы знаем, старого волшебника души, которого в мире знают как Карла Густава Юнга, больше нет с нами, и он не может продолжать свой великий эксперимент, который начал. Но его психология по-прежнему с нами, поскольку она является его основным пансофическим наследием, по-

лученным от непрерывной череды мудрецов, которая включает в себя Гностическую элиту двух тысячелетий. Но всё ещё длится ночь, и стражники немногочисленны. Будет ли величайшее сочинение жизни двигаться к новой, заключительной стадии? Кем будут алхимики и гностики будущего?

Юнг и Новый Гностицизм

Если согласиться с вышеупомянутым мнением, а именно, о том, что Юнг играл роль связующего звена в цепи наследия, названного Пансофией, центром которого является Гностицизм, то определенные заключения, по необходимости, будут напрашиваться сами собой. Одно из них состоит в том, что Юнговская или аналитическая психология не может и не должна остаться ограниченной областью психотерапевтической теории и практики, а вместо этого она нуждается в более широких культурных и духовных вливаниях за счёт Юнга, нуждается в Юнге, и хочет быть исследованной и приносящей пользу. Эта потребность заметно возрастает, когда кто-нибудь считает, что установлен собирательный ответ общества на итоговое послание Юнга, которое намного значимей чем, реакция общества на одну только его терапию. В академическом сообществе экспертов по литературе, мифологии, религиях и родственным дисциплинам, а так же в обширных сферах образования и правосудия, проявили незаурядный интерес к творческой интуиции Юнга, в то время как медицинские и клинические дисциплины психологии остались относительно пассивными и незатронутыми. (Текущая ситуация прежде всего должна быть осмыслена в контексте интеллектуальной жизни в Америке, однако сложившаяся в Европе ситуация в существенной степени заставляет возмущаться американца своим значимым положением) “За минувшие два или три десятилетия было зафиксировано феноменальное увеличение популярности книг Юнга, но число психиатров и психологов, практикующих дисциплины Юнга, является всё ещё

минимальным, по сравнению с психологами, использующими другие методы”. “Vox populi, vox Dei” (Глас народа — Глас Божий). Возможно, что боги каким-то образом говорили устами людей, принимали участие во многих судьбах, и что их мнение свидетельствует, что лишь немногие способны овладеть Юнговской терапией, но многие, и возможно все, могут извлечь пользу из “Мировоззрения” Юнга, и его модели действительности или концепции мира. Другое мнение, которое следует рассмотреть, состоит в том, что столь значимое послание Юнга не может быть расценено в отдельности; как сиюминутное явление, а скорее как органичный результат, возможно отрицающий даже кульминацию значительной духовной традиции античности, и вечного откровения. Короче говоря, интуицию Юнга нужно рассматривать как одно из последних и наиважнейших явлений в направлении альтернативной духовности, способной проникнуть в суть, которая унаследована от Гностиков. Следует ожидать, что это положение найдет своих критиков, и что некоторые из этих критиков точно будут людьми, которые более или менее преданны психологии Юнга и в некоторых случаях являются практиками его терапии. Недвусмысленно связав имя Юнга с наиболее ненавистной ересью христианской истории, может быть оказана медвежья услуга не только Юнгу, но и всей его психологии. Возможно, робкой и малодушной потребности напомним, что непосредственными преимуществами надо частенько жертвовать, ради больших и отдалённых целей. Какую пользу получают сторонники Юнга, если они должны завоевать целый мир, чтобы всего лишь заслужить признание в академических кругах, в то время как современный человек в целом всё ещё блуждает в поисках своей потерянной души?

Мир, особенно Западный мир, пребывает в очевидной потребности нового гносиса, или даже нового гностицизма. Захватывающий и вдохновляющий, старый гностицизм, зародившийся 1700 лет назад при очевидных ограничениях,

сегодня рассматривают как актуальное средство для решения современных духовных проблем. Кроме того, в то же самое время для любого беспристрастного студента, изучающего Гностицизм, должно быть очевидным, у гностицизма есть, что предложить современному человечеству, при том, что теперь он избавлен от определенных архаичных и устаревших исторических особенностей. Именно из-за этих особенностей кажется крайне необходимым, чтобы Гностицизм не был ограничен узкими интересами отсталой античности. В этом смысле, необходимо спасти древний гностицизм от “башен цвета слоновой кости”, которыми восхищаются больше за изящество коптских и греческих фраз, чем за живые реалии души, к которой фактически и обращались древние гностики. Нам кажется, что такой путь может быть найден, и что он должен по необходимости быть составлен из двух ключевых источников.

Первым из этих источников является классический Гностицизм первых веков нашей эры вместе с существенными преобразованиями, произведенными различными проявлениями Гностического мотива в Пансофической традиции. Вторым составляющим является не что иное как сформулированный Юнгом Гнозис. Можно считать, что вероятно, самопровозглашенные пуристы и со стороны Юнга и со стороны гностиков будут противостоять слиянию этих двух элементов. Однако сопротивления и возражения такого рода должны рассматриваться как мало значащие при сравнении с потенциальной пользой от творческой связи древнего гностицизма и современного Гнозиса Юнга.

Бесспорно, существуют лица, которые хотели бы ограничить мудрость Юнга операционной ареной кабинета, даже если будут те, кто будет настаивать на том, чтобы запереть Гностицизм в архивах научных специалистов и в их дорогостоящих и невразумительных академических трактатах. Факт остается фактом, глубинная психология Юнга это куда больше, чем терапевтическая дисциплина, в то время

как Гностицизм — нечто большее, чем древняя религия. Обе формулировки на своих конкретных уровнях существующей реальности Гнозиса, являются знаниями сердца, направленными на глубочайший центр человеческой психики и ставящими своей целью необходимые преобразования психики.

Сейчас становится необходимо воплощать модель в реальность, так как это описывается в текстах древних гностиков, которая может быть усовершенствована современными положениями Гнозиса, предложенными нам Юнгом. Гнозис бесформен, так как первичная реальность всегда выходит за рамки умозрительного понимания. Именно такое восприятие первичной реальности, которая вдохновила учителей и писателей древнего гностицизма и зажгла в них удивительные высоты оригинальных, творческих достижением в духовной сфере. Современная психология и древний Гностицизм всего лишь указатели на истины, которые реально встречаются в жизненном опыте из душевной трансформации личности. Сам по себе опыт всегда индивидуален и не может быть адекватно выражен или истолкован путем выдвижения множества концепций и доктрин, которые обладают всего лишь признаками сходства с опытом. И гностик, и психолог должны быть на страже опасности, которую они могли бы ошибочно сформулировать как мудрость, и, следовательно, фатально попасть в ту же глухую дыру, в которую с головой окунаются теологии.

Кто-то может считать, что Юнг выстроил новую Гностическую “систему” в обычном смысле этого слова, но такие ожидания несомненно встретятся с разочарованием. Юнг, по сути, указал путь к важнейшей особенности нового Гностицизма, сказав, что, когда требуется индивидуальное развитие, все методы должны быть отброшены. Он считал, что индивидуальность уникальна, непредсказуема и необъяснима. По его мнению, все человеческие существа являются первопроходцами, прокладывающими свой путь через густой лес. Установившиеся системы и формы знания,

не могут ничего кроме как выстраивать ориентиры и показывать разведанные дороги, ведущие к краю этого леса, где начинается цель одиночной разведки. Таким образом, религиозные и квазирелигиозные дисциплины, также как современная психология, могут указать на существенные, распространенные положения в поисках Гнозиса; но на самом деле они являются лишь стенограммой языка души, лишь ограничивая ее от достижения реального контакта с более глубокими слоями духа. Опасность всех систем заключается в том, что они, как правило, путают слова, служащие в качестве указателей на реалии, на которые они указывают. Мы можем использовать условия Гностических производных, таких как София или Абракасас или, с другой стороны, такие психологические термины как анима, анимус и тень, но и во всех случаях мы должны быть крайне осторожны, чтобы не индивидуализировать их в известном значении по которому они названы, поскольку мы тем самым лишаем себя истинного Гнозиса. Жизнь никогда не бывает статичной и не состоит только из внутренней жизни, так что было бы неуместно ссылаться на любое определение Гнозиса или индивидуации как на окончательное достижение. Мы всегда становимся, но никогда не станем. Все системы должны остерегаться самонадеянности на то, что они дают истинные заявления о реальности. Когда они доходят до рационализации своих символов и начинают смотреть на них как на истину, вскоре их понимания окаменеют и таким образом разрушат свое эмпирическое значение в качестве ориентиров на пути. На воротах истинного Гнозиса все "измы", даже Гностицизм, должны исчезнуть. Точно так же психолог должен быть готов пожертвовать своей преданностью психологической системе, когда он начинает иметь дело с истинной индивидуацией.

В этой связи интересно отметить, что Юнг довольно критически относился к представителям Пансофической традиции современной эпохи именно из-за их частой

склонности путать собственную символику с фактической и философской истиной. Большинство его унижительных замечания о Теософии и связанных с ней системах, должны толковаться в этом свете. В большинстве своем современные оккультисты, даже если были склонны к тому, не могли выразить свои символические модели реальности на языке психологии. С другой стороны, Юнг всерьез задавался вопросом о пользе таких метафизических формулировок, как их. Его стремлением было принести все теоретически метафизическое в “дневной свет психологического понимания”, как он сам выразился, который по его мнению гораздо предпочтительнее использования туманных определений академических метафизиков и оккультистов. Юнг, в свою очередь, за такой подход был подвергнут критике лицами, преданными основным религиям, а также некоторыми эзотериками (в частности, школы Рене Генона и Фритьофа Шуона в последние годы), а также было сделано обвинение в “психологизме” в отношении попытки выразить религиозные и метафизические положения исключительно в психологическом плане. Тем не менее, вполне очевидно, что Юнг поступил как гностик в этом отношении. Назвать, не значит знать. Церковь поменяла веру на знание, а некоторые метафизики также как многие эзотерики стали считать спекуляцией и разработать систематизации терминологии, непосредственно для себя в качестве замены. Чтобы знать, нужно проверить. Насколько мы можем понять из имеющихся Гностических документов, это была позиция именно древних гностиков вследствие чего они имели дурную славу среди церковно верующих и философских спекулянтов. Оккультист, использующий диаграммы астральной плоскости и эфирные тела, щедро усыпанные словами на Санскрите, могут быть так же далеки от Гнозиса как и психолог, работающий с двумерными картами психики с такими сокращенными выражениями, такими как “тень”, “анима”, или “старый мудрец”, как будто это конкретные реалии, а не

символические ссылки на малопонятные тайны пространных глубин бессознательного.

Если мы не можем ожидать “систему” общепринятого вида для представления Гнозиса, возникающего из совокупности методов древних гностиков и Юнга, то по крайней мере позволит нам излагать основные аксиомы, которые могут служить основными показателями этой Гностической идеи. В дальнейшем мы приведем краткое изложение этих элементов в надежде, что они могут излагаться в форме кратких набросков основных теорем, вокруг которых образуют свое созвездие все другие элементы новой модели Гностической реальности. Некоторые упомянутые здесь моменты базируются на аналогичных сочинениях Элеоноры Бертин в ее работе *Вклад Юнга в наше время*, в которой она излагает основные заключения Юнга о религиозной стороне психики.

1. Первый вывод заключается в том, *что воздушный* (духовный, или более чем личный) *элемент является неотъемлемой частью человеческой психики*. Древний Гнозис гласит, что человек не просто материальное существо (*hyle*) и продукт комплекса личностных эмоций (*psyche*), но что есть третья сила, которая обитает в душе, — дух (*pneuma*). Именно после пробуждения этого элемента в эффективные действия, которые Гнозис зависит. Юнг заявил, что очень похоже, когда он заявил, что бессознательный материал человеческих существ неизбежно обнаруживает свидетельства о высшей духовной потенции. Эта духовная составляющая является источником откровения, понимания, и в конечном счете, стремления к целостности.

2. Второй вывод состоит в том, *что этот духовный элемент ведет активный диалог с личностным аспектом нашей самости с помощью символов*. Духовный элемент не играет роль молчаливого партнера в делах жизни, а требует активного участия в развитии и преобразении личности. В отличие от умственно-эмоциональной совокупности,

“воздушный” компонент не выражает себя через слова или обычные чувства. Мечты, видения, измененные состояния сознания и то, что Юнг называл опытами синхронистичности, являются наиболее важными средствами для их символического взаимодействия.

3. Третий вывод заключается в том, что *символы, исходящие из “воздушных” компонентов души, раскрывают пути духовного и психологического развития, которые можно проследить не только в обратную сторону прошлого, но и вперед к цели будущего.* Гностики считали, что экзистенциальные состояния человека определяются двумя факторами: нисхождением или падением человеческой души от света мира в прошлом, и телеологической судьбой души, являющейся ее возвращением на свет со славой и победой. Мы не только ведомы нашим темным прошлым, но и мощно обращены вперед к прекрасному будущему. Обычное христианство считает грехопадение и последующее состояние первородного греха ответственностью за его нынешнее состояние, тогда как фрейдистская психология сводит настоящую невротическую болезнь психики к обстоятельствам детства. В противовес это мысли Юнг считал, что психика содержит постоянное ощущение целостности своей судьбы, и что это чувство в значительной степени определяет ее нынешнее состояние.

4. Четвертый вывод состоит в том, что до возникновения Гнозиса (или индивидуации, как его называл Юнг) человеческая душа руководствовалась слепой и безрассудной властью (проекциями и бессознательным принуждением). Эта власть были мифически выражена и названа *demiurgoi* и *archons* древними гностиками. * Хотя иногда утверждается, что Гностические заявления Юнга, такие как в *Семи проповедях мертвым*, не упоминают о Демиурге или архонтах, и, следовательно, Юнг не может быть Гностиком; вполне вероятно, что такие замечания основаны на неспособности некоторых оценить утонченные принципы, формулирующие

Гностицизм Юнга. Нельзя не почувствовать, что наблюдатели, делающие такие утверждения, попросту были не в состоянии воспринимать мощные аналогии и соответствия, существующие между понятиями Юнга и мифологемами Валентина, Василида и их коллег. Казалось бы в Юнгианской системе отсутствует первичный Демиург, но в его роли выступает отчужденное человеческое эго. Это сознательная самость, вынудившая себя из первоначальной цельности сознания, стала слепым и бессмысленным существом, не знающим о своих корнях в бессознательном, но отчаянно пытающимся заново создать видимость “верхнего” мира, воздействуя на бессознательные проекции. Таким образом, эго представляется посредником между областью экстравертной деятельности и большей бессознательной матрицей, в которой Юнг видел истоки всех внешних явлений. Подобно Гностическому Демиургу эго в своей отчужденности и слепой самонадеянности смело, но ошибочно объявляет, что “не было другого Бога до”, что только оно является истинной детерминантой существования, и что силы и возможности бессознательного нереальны или не существуют. Эго-демиург создает свой собственный *космос*, но он ошибочен и искажен, так как свет его глубокой индивидуальности затмевается и загрязняется бессознательными проекциями и принуждениями. Именно таким образом эго становится истинным демиургом, безрассудным архитектором собственного глупого мира. Так причудливо в иронической манере древних гностиков, зачастую отождествляющих мифологему семитского Бога-создателя со своей мифологемой демиурга, и с этого семитского создателя в свою очередь становится Богом-Отцом христиан и Аллахом мусульман, что понятно, что концепция демиурга должна вызвать серьезное негодование у тех, кто предан изображению бога этого божества. В то же время следует помнить, что целый ряд мифологем демиурга появляются в многочисленных религиях и духовных дисциплинах, что свидетельствует о том,

что такая идея не только является эксцентричной аберрацией питающих отвращение гностиков. Величайший Гнозис Востока, Буддизм, дает крайне четкое определение этого понятия, когда он описывает фигуру Мара, обманщика, стремящегося оградить Гаутаму от постижения буддизма. Следует помнить также, что буддизм в то же время подтверждает истину того, что психологическое преодоление это является наиболее важным аспектом в достижении просветления. Другие системы также дают частые мифологические выражения сознания наличия врага или противоположной силы, действующей в жизни и стремящейся предотвратить или по крайней мере замедлить просветление души для того, чтобы держать ее в своего рода рабстве в мире тьмы и иллюзий. Идея демиурга это не просто сверхъестественное и шокирующее изобретение гностиков, но архетипический образ универсально существующего в человеческой психике, и неизбежно проявляющегося в различных мифах о просветлении или освобождении. Нежелание некоторых религиозных структур воспринять зло всерьез, а вместе с ним и образ демиурга, привело к психическому обеднению последователей этих религий. Любые новые или Гностицизм или Гнозис, возникающие в современном мире, должны обращаться к этому немаловажному психическому факту и дать ему полезное и творческое воплощение в современных условиях. Юнг, несомненно, открыл дорогу в этом направлении за счет психологического подтверждения мифических конфигураций, некогда выдвинутых гностиками.

5. Пятый вывод заключается в том, что *отчужденность сознания, наряду со всеми вытекающими чувствами одиночества, страха и тоски по дому, должны быть полностью прочувствованы прежде чем могли быть преодолены*. Критики классического Гностицизма всегда обвиняют его в мрачных и “отрицающих мир” тенденциях. Психологии Юнга также пришлось получить свою долю обвинений в угрюмости и чрезмерный акцент на мрак, отчуждение и

зло. Снова следует напомнить, что существует ряд эмпирических причин, связанных с динамикой духовного освобождения, которые делают такое отношение необходимым. Вот восхитительная история об одной больной Юнга: Она увидела себя во сне, погружающейся в страшную грязь. За ней появилась фигура доктора Юнга, безмятежно плавающая в эфире и строго обращаясь к попавшей в беду пациентке со следующими словами: “Не из, но через!” Этот рассказ иллюстрирует важнейший принцип Юнга и его психологию, очень похожую на отдельные принципы Гностицизм. Психика должна позволить себе пройти тьму, страх и отчуждение, независимо от приносящей опытом боли. Процесс индивидуации включает в себя и конфронтацию с действительностью, названную Юнгом “тенью”. Этот процесс конфронтации и опыта был охарактеризован опять же самим Юнгом, как “гностический процесс”. Еще одна полезная аналогия с современным психологическим Гностическим процессом — четырехкратная структура классической греческой драмы: *agone* или состязание; *pathos* или поражение; *threnos* или плач *theophania*, или божественно совершенное спасение. Важно отметить, из всех четырех стадий развития, лишь четвертая и последняя могут быть описаны как нечто приятное и радостное, в то время как остальные три характеризуются борьбой, поражением и скорбью. Разве это пессимизм? Да, но отнюдь не безнадежный и отчаянный пессимизм. Пессимистический взгляд на существующее состояние души или психики более чем компенсируется надеждой на потенциальный конечный исход целостности и искупления. Аналогичным образом, в классической форме древнего Гностицизма, так называемом космическом пессимизме (признание существующего жизненного зла в космосе) был зачат в славном эсхатологическом видении освобождения души от оков тьмы, угнетения и невежества и его воссоединения с Плеромой, трансцендентной полнотой бытия. Философы могут бесконечно спорить и теологи могут бессмысленно

домысливать абстрактные вопросы добра и зла созданного мира, но у психолога мало оснований сомневаться в том, что стремящаяся к целостности психика первично должна внимательно и в полном объеме познать те неприятные условия экзистенциального отчуждения и мрак, которые сами по себе могут убедить в истинной необходимости роста. Больной не знает о своей болезни, и куда менее вероятно, что он ищет средства от недугов, чем кто-либо, кто испытывает испытывающий симптомы болезни. Как учил Будда, страданиям и прекращением страданий, так и психологическое учение Юнга признает, что страдающие не знают с большей вероятностью, о том, что их арестовали развития на уровне мелких, личностных проблем, чем люди, сознающие факт страдания. Невротическая личность, недовольство и опасения по поводу растущей душевной боли, как правило, ищут укрытия в самообмане и тем самым зачастую убеждает себя в том, что рост действительно не нужен, для вещей вполне удовлетворительных в настоящее время.

6. Шестой вывод возвращает нас к процессу Гнозиса и его цели, для чего сообщает, что цель духовного роста выражена образами завершенности в целом, которую гностики часто называют Плерома (полнота) и/или *Antropos* или *Primal Man* и которых Юнг называл Самостью. Эта Самость представляет собой полноту бытия в личном контексте, является уникальным для каждого человека и формируется за счет интеграции самости, или эго, и бессознательного. Очевидная жизни действительно процесс творения души. *Pneuma* должна создать себе проводник для освобождения от земных связей, будучи озадаченной опасностью земного бытия. Решающим значением является идея о том, что подлинная индивидуальность человеческой личности не создается и не развивается в Дарвиновских или квазиДарвиновских теориях, но является алхимически интегрированной, начиная с противоположностей света и тьмы, добра и зла, мужского и женского, сознательного и бессознательного.

Это не простое расширение или прямой путь роста, а оппозиционный конфликт и возможность примирения противоположностей, восстанавливающих полнотой бытия в каждой душе.

7. Седьмой вывод заключается в том, что целостность, или Самость, которая является конечным результатом процесса духовного роста, характеризуется всеми качествами, такими как сила, ценность, благочестие, которые религиозные системы всегда относят к Богу. Это не означает, что внутренний психический образ божества полностью исчерпывает проявления всех возможных способов, в которых присутствие нуменозного, часто называется Богом. Тем не менее, внутренний образ Бога, вероятно, является наиболее полезным и практически полезной точкой соприкосновения с трансцендентной целостностью, и более того одно из эмпирических доказательств появляется в наших снах, видениях и других творческих переживаниях.

8. Восьмой вывод заключается в том, что рост души имеет своей целью положение интегрированной целостности, а не условие нравственного совершенствования. Этот вывод мыслей Юнга наиболее тесно связывает его и его учения с наиболее осужденным антиномизмом (противозаконностью) гностиков. Действительно, древний Гностицизм характеризуется очень четким изложением духовного либертарианства (а не, как это часто утверждается, распутством), который касается Пневмы каждого человека как высшим и обладающим суверенитетом над примитивными законом “Ты будешь” и “ты не будешь” провозглашением демиурга. Чтобы представить себе, что чей-либо чистый, божественный дух, может быть затронут, и даже меньше того, преступит мелкие законы космического тирана иронически описанного у гностиков. Угрозы возмездия демиурга не может испугать гностика, для властителя нижнего мира не имеет власть над пневматическим который происходит внутри, так и суждено вернутся в область выше своих собственных. Более того,

свобода духа гностика гораздо больше, чем просто равнодушное состояние вседозволенности; скорее освободительный акт этой свободы от внешних законов и заповедей, само по себе значения, которые необходимо развивать по важным причинам. Через безразличие к нормам демиурга гностик срывает замыслы мелкой, тиранического власти космоса и тем самым вносит позитивный вклад в дело спасения. Свобода дает большую и большую свободы, в то время как подчинение слепому закону незрячего создателя-демиурга усугубляет рабство. Никто не может освободиться, склоняясь к рабству, но только сломав его.

Как истинный Гностик Карл Юнг признал, что даже в лучшем случае, добро не может заменить целостность; он часто говорил, что в конечном счете дело не в добре или повиновении нравственным законам, а только и попросту в полноте бытия. Гностическая психология всегда признавала, что искусственное разделение или расщепление полноты бытия на 2 половины добра и зла — всего лишь заговор тиранических сил, стремящихся держать человечество на цепи. Деление жизни на две отдельные части и указание человеку индивиду быть преданным одной из этих частей в ущерб другой, демиургическая власть привела человечество к насилию против темной стороны души и призвала людей осудить себя в несовершенстве и виновности. Для того, чтобы восстановить *плерому* или испытать полноту бытия, мы должны познать, но не значит творить его. В буквальном смысле злодеев почти всегда неизбежно много, действующих в рамках одного или нескольких принуждений бессознательной природы. Таким образом, нехватка самопознания, а вместе с тем непонимание собственного зла заставляет их совершать антиобщественные и пагубные поступки. Содержание бессознательного, не находящегося в Гнозисе сознательного, вынуждено жить само по себе путем принудительных действий, совершаемых эго. Как сказал современный Гностический классик, на самом деле каждый че-

ловек сам для себя является совершенным законодательным органом, также как и собственной наградой и наказанием.

Подобное заявление может быть признано истинным только теми, кто освободился от одностороннего стремления к нравственному совершенствованию в соответствии с внешними законами и заповедями. Не ища более тени писаного закона, такие личности учатся делать осознанный моральный выбор по собственному усмотрению, выигрывая личные победы и страдая от своих собственных поражений в соответствии со справедливыми конstellляциями душевной жизни.

Так в кратком изложении выглядят некоторые основные принципы Гнозиса, каждого из тех, кого в старину называли гностиками, и тех, кто, следуя руководящим установкам, изложенным в К. Г. Юнгом, стал знаком с Гностической природой человеческой души и ее путями к целостности. Хотя подобное изложение мыслей может уже существовать, эти важные и полезные идеи не могут заменить оригинальных Гностических образов, воплощенных в исходном видении, раскрывающемся внутреннему взору вдохновенного познающего. И, конечно, К. Г. Юнг был этим познающим. Его знания усиливались его превосходным образованием и обширным знакомством с литературой гностиков, но это не первостепенно. Это имеет высшее значение поэтому, что мы должны хоть мельком увидеть часть этой оригинальной проницательности (“initial imaginationen”, как он ее называл), как он описал ее в своем небольшом таинственном трактате, наполненном первобытной силой и глубоким вдохновением и названным им *Septem Sermones ad Mortuos* или *Семь проповедей мертвым*. Остальная и основная часть этой работы должна быть посвящена содержанию этого поэтического трактата, представленного здесь в оригинальном переводе, а также толкование этого странного послания в свете идей классического Гностицизма и современной психологии.

Перевод Хельга

НАШИ ПАРТНЕРЫ:

МОСКОВСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

(www.maap.ru)

ВНИМАНИЕ ПСИХОЛОГОВ И ПСИХОТЕРАПЕВТОВ!
ПРОГРАММА ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
ПО ЮНГИАНСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Аналитическая психология — направление, разработанное выдающимся швейцарским психиатром К. Г. Юнгом в первой половине XX века путем дополнения и прогрессивной переориентации психоанализа Фрейда от анализирования причин неврозов к содействию развитию личности в целом. Ученики Юнга соединили его идеи с более поздними достижениями в современном психоанализе и других течениях практической психологии. В настоящее время юнгианская школа, являясь одной из самых крупных и широко известных мировых школ психотерапии, может быть смело названа вершиной в ее эволюции, как самый глубокий и универсальный подход.

Юнгианский анализ изначально предназначался для самопознания и помощи пациентам. Однако, владение юнговской теорией личности, теорией архетипов коллективного бессознательного, типологией, методами работы с образами, символической игрой, толкованием сновидений, диалого-диалектическим подходом в межличностном взаимодействии может найти применение в самых разных сферах помимо аналитической психотерапии.

Эти находки могут быть использованы в краткосрочной терапии, коучинге и консультировании разного профиля — детском, семейном, организационном, профориентационном. Журналисты, социологи, политологи, философы, религиоведы, литературные критики и искусствоведы

также активно обращаются к идеям Юнга и его последователей.

ОБУЧЕНИЕ аналитической психологии — это возможность не только разобраться в себе и освоить самое лучшее, что есть в психоанализе и практической психологии, но и стать гуманитарием широкого профиля.

Занятия проводят **международно признанные** аналитики, являющиеся членами IAAP (Международной Ассоциации аналитической психологии), практикующими психотерапевтами и преподавателями факультета психологии МГУ и других московских психологических и психоаналитических институтов.

Занятия проводятся в течение двух лет в удобной сессионной форме семинаров и тренингов 2–3 дня в месяц по выходным. По окончании программы студентам выдаются сертификаты о повышении квалификации **государственного образца**, и они получают возможность дальнейшего профессионального развития в юнгианской школе.

МАОП участвует в организации российских и международных конференций, реализует различные гуманитарные и издательские проекты, сотрудничает с другими мировыми юнгианскими институтами. Преподаватели МАОП имеют большой опыт выездных семинаров и учебных программ в других городах России и ближнего зарубежья.

OTO

Ordo Templi Orientis

Цель Ордена – обеспечить свободу человека, а также его продвижение к Свету, Мудрости, Пониманию, Знанию и Силе. Путь к ним лежит через Красоту, Смелость и Разум – на основе Вселенского Братства. О.Т.О. разделяет идеалы франкмасонства; и он первым из Орденов Старого Эона принял Книгу Закона, переданную великим магом и пророком Алистером Кроули.

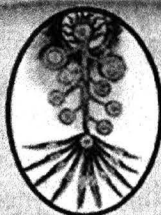
Каждый мужчина или женщина, достигшие совершеннолетия, свободные и с хорошей репутацией, имеют неоспоримое право присоединиться к О.Т.О. и подняться по первым степеням Ордена.

О.Т.О. также включает Гностическую Единую церковь (Ecclesia Gnostica Catholica), главным публичным и частным ритуалом которой является Гностическая месса («Liber XV»).

О.Т.О. имеет действующие отделения во всем мире и выпускает периодические издания на многих языках. Помимо официальных инструкций О.Т.О. и отправления Гностической мессы, большинство национальных и региональных отделений Ордена – Ложы, Оазисы и Лагеря – предлагают своим членам занятия, обучающие программы и ритуальную работу.

ORDO TEMPLI ORIENTIS, International Headquarters
jaf Box 7666, New York, ny 10116-4632, USA

О.Т.О. в Москве: www.oto.ru. E-mail: camp@oto.ru
О.Т.О. в Киеве: www.oto-parsifal.narod.ru. E-mail: fiat_lux@list.ru

Inverted Tree

Эзотерическое сообщество «**Inverted Tree**» объединяет людей чей Путь – это путешествие по тёмным областям человеческой психики. Мы проводим практики, основанные на шаманских экстатических техниках и телесно ориентированной терапии.

В рамках просветительской деятельности сообщество «**Inverted Tree**» регулярно публикует переводы новых эксклюзивных материалов оккультной тематики.

Если вы пишете статьи, или занимаетесь переводами, будем рады сотрудничеству.

Пишите по адресу:

invertedtree@yandex.ru

Адрес сайта:

<http://invertedtree.ucoz.ru>

Через корни подсознания к целостному человеку..

Мы публикуем материалы
на магическую, мистическую,
окультную, эзотерическую,
религиоведческую, антиклерикальную,
психологическую, философскую
и другие смежные темы.

Оформить бесплатную
подписку на журнал,
а также связаться с редакцией,
Вы можете по адресу:

93in39@gmail.com

Наши координаты в Интернете:

<http://cardshouse.castalia.ru/>

<http://vk.com/apokrif93>

Практико-мировоззренческий журнал

АПОКРИФ

НАУКА ◉ РЕЛИГИЯ ◉ МАГИЯ

Старейший из ныне издаваемых
журналов оккультной направленности
(выходит с 2006 года)

Помочь журналу материально Вы можете, переведя деньги на наш счёт в системе Яндекс.Деньги:
41001416643125, в системе WebMoney: Z318379604178, E263825672387, R412990927571,
U141536320068, B411510488425, C198524212174, и почтовым переводом по адресу:
236000, г. Калининград, ул. Нарвская, д. 17, кв. 11, Адрианову Роману Олеговичу.

Колледж Телема 93

приглашает на лекции

- Магическая философия Телемы
- Ритуалы Телемы
- Церемониальная магия и Каббала
- Талисманная магия и гримуары
- Енохианская магия
- Масонство: история и символизм
- Йога, теория и практика медитации
- Таро Тота: осмысление и медитация

Колледж "ТЕЛЕМА-93" ставит своей целью
ПОМОГАТЬ ВСЕМ ЖЕЛАЮЩИМ в ИЗУЧЕНИИ МАГИИ
и МИСТИКИ АЛИСТЕРА КРОУЛИ, а также
в ПОСТИЖЕНИИ ИНЫХ СЕРЬЕЗНЫХ
ЭЗОТЕРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ
Востока и Запада.

Наши странички в интернете:

Портал: <http://www.thelema.ru/>

Сообщество в ЖЖ:

http://community.livejournal.com/ru_thelema93/

Вы можете записаться в Колледж
по адресу INFO-THELEMA@MAIL.RU

Дорогие Друзья!

Представляем журнал ИО ПАН — Первый журнал в России, посвященный Магии как высокому Искусству и строгой Науке — Art&Science. Магию мы понимаем как сплав духовных традиций, которые помогают каждому из нас в нашей Великой Работе, на избранном нами Пути.

Редакция журнала открыта для сотрудничества, ибо стремится создать интегральный контент, переплавляющий в тайном тигле истинные традиции и смыслы. Телема, Таро, Астрология, Масонство, Церемо-ниальная магия, Современное искусство и философия, Тантра, Каббала — Искусство сплавляет все смыслы для достижения Эликсира, а Наука помогает использовать добытый Философский камень. Это общее дело.

Поэтому ждем ваших текстов. Главный критерий — качество присылаемых работ. Журнал — некоммерческий. Вклад каждого в Великую Работу бесценен. Слава — в высшем своем аспекте — гарантирована. По вопросам сотрудничества обращайтесь по адресу camp@oto.ru

АБРАКСАС — это бесплатный онлайн журнал всецело посвященный юнгианству, Чтобы подписаться на журнал надо написать со своего мейла на адрес elliloiza@mail.ru только одну фразу „Я хочу получать журнал“.

**ПРОЕКТ КАСТАЛИЯ — УНИКАЛЬНЫЙ
ПРОЕКТ
СО МНОЖЕСТВОМ ГРАНЕЙ:**

- Ежемесячно обновляемый эксклюзивными переводами сайт
WWW.CASTALIA.RU
- Еженедельно собирающийся
КЛУБ КАСТАЛИЯ,
где читаются лекции
о самых разных эзотерических
и психологических традициях
- **ШКОЛА КАСТАЛИЯ,** регулярно проводящая
открытые обучающие лекции и семинары

**МЫ БУДЕМ РАДЫ ОБЩЕНИЮ
СО ВСЕМИ ЗАИНТЕРЕСОВАВШИМИСЯ ЛЮДЬМИ!**

